

Игорь Мосин

Девятое измерение

Москва 2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4
М 81

Мосин И.Э.

М 81 Девятое измерение. – М.: Издательство
«Спутник +», 2021. – 370 с

ISBN 978-5-9973-5871-6

Роман «Девятое измерение» сообщает читателю о судьбе нескольких поколений конкретной семьи, об их связи вне времени, о бессмертии души, о возможности измениться при жизни. В произведении затронуты важные общемировые проблемы: осознание вечности происходящего, невозможности избежать предначертанной в жизни роли и испытаний, нахождение человека в состоянии постоянного выбора между добром и злом.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5871-6

© Мосин И.Э., 2021

Предисловие

Автор романа «Девятое измерение», Игорь Мосин, профессиональный музыкант, пианист, работающий много лет в области культуры.

Литературное творчество привлекало Игоря Мосина, и в какой-то момент он решил попробовать свои силы именно в этой сфере. Вышло несколько книг: поэзия, проза, в том числе и для детей. В самом начале 2020 года Игорь Мосин принят в ряды Российского союза писателей.

Роман «Девятое измерение» – само по себе особое произведение Игоря Мосина и заслуживает особого внимания. Написан роман в 2019-2020гг., состоит из трех частей и 37 глав. Это внешние параметры произведения. Композиционно окончание глав и частей романа предусматривает прием так называемого композиционного «разрыва», при котором действия литературного произведения обрываются в конце главы на самом интересном месте, при этом новая глава повествует читателю уже о других событиях. Этого принципа автор придерживается на протяжении всего произведения. Автор использует принцип кольцевой композиции, суть которой состоит в использовании повторов текста в начале и в конце произведения, и прием «рассказ в рассказе», который является составной частью ретроспекции.

Роман «Девятое измерение» сообщает читателю о судьбе нескольких поколений конкретной семьи, в их связи вне времени, о бессмертии души, о возможности измениться при жизни. Роман можно отнести к жанру реализма с применением элементов фантастики (мисти-

ки), что сейчас является вполне применимым и современным направлением в этой области литературного творчества. Автор посвящает читателей в события 1917 года в России, и события 20-х годов становления фашизма в Италии и Германии, в группы участников испанского сопротивления, и опять возвращает своих героев и читателей в Россию – в 1937г. Но основные события развиваются в современное нам время.

В произведении затронуты важные общемировые проблемы: осознание вечности происходящего, невозможности избежать предначертанной в жизни роли и испытаний, нахождение человека в состоянии постоянного выбора между добром и злом. Это и есть художественная идея романа «Девятое измерение».

Литературное произведение развивает основную сюжетную линию истории одного рода на протяжении нескольких веков, наиболее детально останавливаясь на отдельных временных промежутках. При этом передача информации осуществляется через созерцание не человека, но рожденного Духа человеческого, временно задержавшегося в Пятом Поле, в котором, по задумке автора, еще не потеряна связь с земными событиями и наличествует память о личной прошедшей жизни, имеется стремление помочь своим потомкам на земле в настоящем времени. Конечно, всему этому сопутствуют описания мистических событий и происшествий.

Главная интрига романа передается через образ главного героя Старики: кем он был в прошлом и кем станет в Девятом измерении? Писатель медленно подводит читателя к развязке, которая припасена под самый конец чтения. Читатель на протяжении получения ин-

формации, ее расширения, долго остается в догадках, которые интригуют и заставляют вновь и вновь поглощать страницу за страницей, но даже «заглядывание» на пару, а то и десяток страниц вперед не дает возможности «склеить картинку». Только чтение: страницы за страницей, на каждой из них – своя важная для сюжета информация, а также интересные описания не только событий, но быта, занятий героев, природы. Язык автора многогранен и богат.

Сюжетные линии, как нити шелкопряда, тянутся переплетаются и не прерываются, составляя яркое полотно загадочной и интересной жизни героев романа.

Итальянец-садовник, бывший боксер, случайно встретивший и полюбивший Марию (дочь итальянки, еврейского происхождения, и русского еврея), имел минутное счастье. Оказавшись в Пятом Поле, Старик узнает всю историю семьи Марии до встречи с ним и всю историю после их короткой любви. Он пытается им помочь, вмешиваясь в череду событий семьи Ковальских на определенном отрезке их жизни.

В романе, как указано выше, несколько сюжетных линий: здесь и описание еврейской семьи Гольдштейнов и других русских евреев, итальянских семей Пьетро и Кавалли, современных русский семей, среди которых семья Ковальских, бойца современности Горелого, находящегося в коме, некоторых исторических личностей России и Франции, исторических событий разных эпох. Автор переносит читателя то на улицы Рима, то во французские закоулки, в дома и квартиры русских городов, в кратких чертах описывая быт, соответствующий событиям эпохи. Но еще он переносит читателя то в мир

людей, то в мистический мир Пятого Поля. И наконец читатель узнает, что же такое в понимании автора Девятое измерение.

Окончание литературного произведения открыто либо для продолжения повествования, либо для размышления о тех линиях сюжета, которые по задумке автора не до конца им раскрыты.

В заключении стоит указать, что сущность жанра реализма, его неизменная составляющая изменяется в зависимости от нового времени, и поэтому жанр всегда современен. Эти слова можно отнести к роману И. Мосина: его роман не может устареть – ибо отвечает требованиям времени.

Галина Пысина, писатель, литературовед

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

– Артур! Арту-уур, поторопись, ребята почти все погрузили!

Голос жены влетел в открытое окно, возвысившись над велосипедным трезвоном, выкриками гоняющих мяч подростков, щебетом играющей в песочнице малышни (один уже заливался скандальным криком), приглушенно-оценивающим говором «штаба» (судающих на лавочке бабушек-старушек), урчанием проезжающих вдали автомобилей и шелестом молодой, источающей свежесть и еще неизведанное, но неизбежное чувство нового счастья, майской листвы.

Он, конечно, знал о непростом прошлом своей бабки, но... Тетрадь в зеленой обложке буквально свалилась на голову из приоткрытых дверок встроенной между прихожей и кухней антресоли. Упала и упала – туда ей и дорога: за десятилетия макулатуры накопилось «вагон и маленькая тележка», не тащить же ее в новую квартиру! Чертыхнувшись, Артур приподнял тетрадь за корешок, намереваясь пополнить кучу выцветшей периодики прошлых лет, как вдруг из нее выпал черно-белый снимок. Моложавый старик в рубаше поверх парусиновых брюк, в шлепанцах, одетых на босу ногу, бережно держал за руку стоящего рядом мальчика, одетого в ко-

роткие шорты и белую майку, с огромной соломенной шляпой в руке. Вид мальчик имел недовольный: скривив рот, он смотрел в сторону, пытаясь всем телом отстраниться от старика, лицо которого расплылось в счастливой, но грустной улыбке.

Выходит, это мне не приснилось и не привиделось, как всю жизнь убеждала Аглая...

Подняв тетрадь, он намеревался пробежаться по страницам, «пересчитывая» их большим пальцем левой руки, но не тут-то было. Утратившая эластичность бумага не поддалась элементарной процедуре: некоторые листы слиплись, другие ломались,.. да и что так поймешь? Присев на кучу газет, открыл «наугад». «...*Он говорил – не знает языка! Тогда почему? Неужели голоса бывают так похожи?*» Вчитываясь в красивый почерк, он не столько вникал в написанное, сколько погружался в детские воспоминания, казалось, навсегда растворившиеся в туманной дали, там, куда «заказала дорогу» Аглая...

– Артур! Ты скоро?!! – голос жены вернул в реальность. Бережно, опасаясь вновь потерять связь с прошлым, сунул тетрадь за пазуху и вышел из квартиры, забыв оглянуться на прощание.

Глава первая

Точность времени

В последнее лето уходящего тысячелетия маленький южный городок словно вымер: два месяца жители изнемогали от невыносимой жары, стараясь без надобности не покидать своих домов, закрывая двери и жалюзи, задерживая шторы. Но это не спасало – палящее солнце прожигало строения насквозь, раскаляя до обжигающе-удушливого состояния днем, сохраняя жар ночью. Лишь под утро наступала относительная прохлада, позволяя измученным, мечтающим о дожде людям забыться в коротком, тревожном сне.

Старик проснулся внезапно. В комнате было душно. «Проклятая жара, когда она кончится?! – ворча, по привычке опустил ноги с кровати, нащупав тапочки, – зачем они мне? От такой духоты впору кожу снимать, а я тапочки ищу. Половина шестого... Я столько лет встаю в это время – на часы можно не смотреть... Пора».

Надев легкие брюки и рубаху навыпуск, взял в сухую, коричневую от загара руку плохо заточенный карандаш, написав на клочке бумаги три слова. Вложив записку в нагрудный карман, нацепил выцветшую соломенную шляпу и, всунув жилистые ноги в древние шлепанцы, вышел за порог.

Сержант Горелый в эту ночь не спал совсем, но не жара явилась тому причиной: с этой неприятностью молодой организм справлялся легко и безболезненно. Шесть часов назад подразделение, в котором служил сержант, получило приказ: срочно установить заслон на возможном пути следования террористов, развернув

часть в трехстах километрах к юго-востоку от городка. Колонна выстраивалась на марше, когда грузовик Горелого заглох.

За два года службы такое случилось впервые: он следил за машиной и сейчас в недоумении пытался понять причину поломки.

Долго не разбирались – некогда: взглянув на тикающие стрелки под треснутым стеклом массивных часов, взводный перевел тяжелый взгляд на подчиненного, процедив сквозь зубы:

– Сроку тебе, Горелый,.. через восемь часов не догонишь, – считай себя рядовым, не объявись через девять, – будем считать тебя дезертиром, – и, покачав головой, с сожалением добавил, – со всеми вытекающими...

Спустя пять с половиной часов грузовик завелся. Сержанту оставалось совсем немного из отпущенного времени.

Старик торопился, подгоняемый непонятно почему возникшей внутренней дрожью. Что со мной? Почему я так спешу? Сегодня я вышел даже раньше обычного и не должен опоздать...

Теплый морской бриз обдувал липкое тело, не принося облегчения. Далеко на востоке лениво забрезжил оранжевый край огромного диска. И хотя солнце, казалось, само устав от изнуряющей жары, нехотя покидало ночное пристанище, едва коснувшись раскаленными лучами высушенного пространства, жара успела полностью вступить в свои права в шестьдесят шестой раз.

Остановившись успокоиться и отдышаться, Старик услышал долетевший с площади звук городских ку-

рантов. «Отчего так рано?» – машинально отсчитывая удары, подумал в недоумении. И сразу другая, тревожная мысль стрелой впилась в сознание: «Господи, шесть часов! Опоздал, опоздал!»

Шаркая шлепанцами, он засеменял к центральной площади извилистыми переулками, которыми не ходил более двадцати лет. И редкие прохожие, и те, кто распахивал окна в надежде насладиться призрачной прохладой раннего утра, провожали его, обычно неторопливого и степенного, недоуменными взглядами.

«Вроде, пора, – Некто посмотрел вверх, – а Напарника нет. Осталось три удара. Раз... не успеет. Два... придется все делать самому».

Грузовик Горелого мчался по безлюдным улицам – дорога была каждая минута. От усталости глаза слипались, но усилием воли сержант отгонял сон, и лишь одна мысль молоточком стучала в висках: успеть, успеть!

Пятый удар гулко разрезал влажный утренний воздух. За доли секунды до шестого солнце, до тех пор заслоняемое колокольней старинной церкви, сверкнув, послало острый луч-привет курантам. Позолоченная стрелка, приняв жизнерадостное послание, рассыпала его бело-желтым светом во множестве городских витрин и зеркал. Одним из них оказалось боковое зеркало мчащегося грузовика.

Яркий свет ослепил: невольно улыбнувшись, Горелый прищурился, на миг отвлекшись от дороги...

Шестой удар башенных часов слился с визгом тормозов, глухим ударом тяжелого капота о человеческое тело, скрежетом металла по мостовой и звоном посыпавшихся витрин.

«Он опоздал, – Некто взглянул на циферблат башенных часов, – хорошо, подожду еще немного, у них время есть».

Как я здесь оказался?

Хруст битого, искрящегося солнечными лучиками, стекла, под ногами спешащих на помощь людей, раздражающим скрежетом царапал мозг. На противоположной стороне, в снесенной табачной лавке, с крутящимся по инерции передним колесом, застыл перевернутый грузовик. Из раскуроченной кабины извлекли сержанта, спеша перенести раненого подальше – в безопасное место.

Лихач! Верно, говорят: солдат за рулем – убийца на дороге! Кого он сбил?

Осмотревшись, Старик заметил эмоционально жестикулирующих прохожих, с испугом и сочувствием смотрящих на него. Вернее, на остатки витрины винного магазинчика. Там, все в порезах, с перебитыми ногами и вывернутой от сильного удара рукой, запрокинув голову, лежало тело, на лицо и грудь которого струилось, смешиваясь с кровью, липкое вино. Старик почувствовал непреодолимое притяжение к распростертому на груди стекла. Ощувив во рту шершавую сухость, он потянулся к одной из бутылок, но ладонь беспрепятственно прошла сквозь темно-зеленую емкость, и тут же острая боль множеством мелких иголок пронзила изнутри. Опешив, Старик оглянулся по сторонам и замер: многократно повторяясь в освещенных солнечным светом стеклянных обломках, отражалось странное, парящее в воздухе, существо.

«Однако, пора, иначе материал начнет портиться, – Некто продвинулся в сторону Старика, – все они вна-

чале несколько «нервничают», оно и понятно: переступают грань».

Смутная догадка мелькнула в сознании Старика: это я? К своему удивлению, он не пришел в ужас от увиденной картины, наоборот, посмотрел на тело как на чужое, совершенно не испытывая жалости. Как она и говорила, подумал с поразительным спокойствием, все случилось, как она говорила. Она только не сказала, когда это произойдет.

Опустившись, Некто вытянул правую руку. Исходящая из ладони яркая вспышка ослепила Старика, мгновение спустя превратившись в ласкающий теплый свет, окутавший дряхлое тело, позволивший физически ощутить: боль вышла, наполнив нутро чем-то упругим, невесомым. Ноги обрели легкость, готовые оторваться от земли, а во рту появился приятный, терпкий вкус хорошего вина, наполнивший приятной прохладой.

Время, время... как она и говорила. Сегодня я опоздал.

В это время в обломках витрин отразился еще один, самостоятельно, без всяких приспособлений, спускающийся прямо на него субъект.

Людской гам и суету разрезала сирена «скорой помощи».

«Надо спешить, иначе могут возникнуть осложнения» – Некто удерживал ладони на уровне груди, когда сверху раздался звонкий голос:

– Я не опоздал?

Ответил не оборачиваясь:

– Почти.

– Почти опоздал, или почти вовремя?

– Время покажет.

– Ты лучше меня знаешь – времени нет. Вернее, оно есть у них, у нас его нет. Мы просто существуем.

– Не время философствовать.

– Каламбуришь? На тебя не похоже. И в такое ответственное время! Прости, сейчас скаламбурил я, – опоздавший засмеялся, – странная территория: о чем ни заговоришь, всегда всплывает данная категория! Наверное, это единственное, придуманное людьми. Или все от Творца? Как доказать эту теорему? Но мы-то знаем – у Него нет такой категории, как «время». Пространство, масса, скорость, сила, длина и всякое другое есть, а времени – нет.

– Это величины.

– Хорошо, пусть так. Но времени все равно нет!

– А как насчет ответственности?

– Это моральная субстанция, мы говорим о материальных.

– Сейчас самое время переводить материально-физическую в духовную.

– Видишь, и ты постоянно говоришь о нем! Откуда оно появилось, от кого оно у них? У Него нет, у нас появляется только на этой территории, в других Полях тоже нет, а здесь есть! Откуда? Теорема недоказуема, но решение банально: время придумали здесь, и не зря они его так любят. Но если так, почему они его не берегут? Ответ очевиден: зачем беречь то, чего нет?

Изнуренные жарой врачи делали свою работу:

– Этого в больницу, – осмотрев сержанта, врач пошел к Старiku.

– Он не дышит, давления и пульса нет, – вздохнула пожилая сестра.

– Естественно: удар смертельный, большая потеря крови. Старика в морг, – с сожалением констатировал врач.

– Не строй из себя умника. Я начал твою световую работу, начни мою.

– Не торопись, – успеем. Лучше послушай, где я был! Сорок седьмой участок сектора «В».

– Это не наша территория, – Некто отвлекся. Мягкий, ровный свет, исходящий из ладоней, ослаб.

– Дай договорю: там эвакуировали прелестную молодую особу!

– Опять за свое?

– У нее были такие чудесные волосы, роскошная фигура, такие глаза...

– Глаза? Ты увидел два стеклянных шарика сквозь закрытые веки?

– Хорошо, с цветными шариками я преувеличил, но все остальное!

– Хватит болтать, за работу!

Скорее повинувшись многолетней привычке, сестра расширила веко Старика, направив в него тонкий луч фонарика.

– Зрачки реагируют.

– Не может быть!

Подернутые влагой, ясным взглядом смотрели на доктора карие глаза, зрачки которых сужались под раздражающим воздействием светового импульса.

Мягкий, успокаивающий свет внезапно превратился в неприятный, режущий глаз электрический луч. И тотчас невыносимая боль пронзила все тело: множественные порезы, пощипывая, вызывали раздражение,

приторный вкус пролившегося на тело вина, — головокружение и тошноту.

Где я, что со мной? Почему так больно?! Только что все было так хорошо... и так легко...

— Он пришел в сознание.

— Срочно в больницу!

— За работу — так за работу! — светящейся палочкой Напарник производил определенные вычисления на левой ладони, — координаты введены, параметры соответствуют... стоп! Параметров нет. Простите, а где клиент?

Некто в недоумении смотрел на разбитую витрину, где секунду назад лежало тело Старика.

— Они оказались быстрее нас, — в растерянности предположил Напарник?

— Нет, у них было больше времени!

* * *

Чуда не случилось. Старик умер, не доехав до больницы два квартала. Дюжие санитары, нацепив бирку на большой палец левой стопы, погрузили покойника в плотный полиэтиленовый мешок и, застегнув молнию, покатали в морг.

— Принимайте новенького, — утирая пот, вяло пошутил старший, — у вас, наверное, самое лучшее место в городе.

— Если ты о жаре — то да. Сейчас комфортнее всех нашим клиентам.

— Они всегда себя чувствуют комфортнее нас.

— Правильно, потому как вообще ничего не чувствуют, — расписавшись в журнале, патологоанатом вернулся в кабинет.

Некто с Напарником стояли в дверях холодильника, ожидая конца диалога измученных жарой людей.

– Интересно. Даже не подозревал о схожести наших разговоров.

– Я давно это заметил... Но теперь к делу, не хватало опоздать второй раз.

– Не опоздаем.

– Не опоздаем, если кто-то не станет искать по всем ячейкам тело очередной юной переселенки.

Некто отворил дверь нужной ячейки, и помещение наполнилось легким холодным дымком.

– Кажется, я начинаю чувствовать так раздражающую их жару. Еще немного, и я научусь их понимать.

– Друг мой, с пониманием всегда приходит сострадание. Но как только у нас появляется сострадание, нас «увольняют» с этой работы. И поверь мне, – это совсем не радостное зрелище... Так что, хватит болтать, за дело.

Яркий свет поглотил в себе все, кроме открытой ячейки.

– Сконцентрируй свет четче, я не могу пробиться в его тело.

– Как так – не можешь? Подхватывай этот старый дух и улетаем.

– Нечего подхватывать.

– Ты шутишь?

– Вполне серьезно. Здесь только тело.

– А где дух?

Некто внимательно посмотрел на Напарника.

– Дух мы потеряли.

– И?

– Придется вернуться назад.

– Как это – вернуться назад? Ты сам учил: на этой территории время идет линейно, и поворачивать его в ту или иную сторону нельзя ни при каких обстоятельствах.

– Бывают, как и в любом правиле, исключения. У нас неординарный случай.

– В чем неординарность? Вернемся на место аварии, скорее всего, дух там.

– Вряд ли... Старик нас видел – вот в чем неординарность.

– Этого не может быть. С чего ты взял?

– Наши взгляды встретились, и я понял – он нас видит, по крайней мере, меня. А этого нельзя было допускать ни при каких обстоятельствах.

– Вынужденно повернув время вспять, мы вмешаемся в их категорию.

– На этой планете повернуть время вспять не удастся. Поступим иначе – вернемся во времени. Это разные вещи.

– Хорошо... как мы это сделаем?

Некто раскрыл ладонь, в которой высветилась необычная «карта»: на светящемся экране появились желтые, уходящие вглубь, линии: параллели и меридианы, на пересечении которых зажигались и гасли красные отметки и множество других точек зеленого и синего цвета между ними. Тонким лучом, исходящим из указательного пальца правой руки, он вводил в изображение определенные координаты, которые тут же превращались в ожившие картинки: сирену «скорой помощи»; бегущих к разбитой витрине людей; мчащийся грузовик; отраженный в витринах солнечный луч. Это изображение Некто

задержал, определенно чем-то заинтересовавшись. После чего «картинки» замелькали с большей скоростью, оставив бег на изображении встающего с кровати Старика.

– Вспомни точные координаты, когда ты находился в точке «В».

– Здесь, – Напарник протянул палец к ладони.

Изображение искривилось, пытаюсь уберечься от насильственного вторжения, вынудив Некто плавно отвести руку в сторону.

– Вам не объясняли правила пользования таксимом [1]? Называй цифры.

Смутившись, Напарник назвал цифры восьми координат.

– Хорошо. Возвращаемся в час его пробуждения.

– Почему так рано?

– В наши расчеты изначально закралась ошибка. Приготовься, – он повернул ладонь тыльной стороной вверх, слегка расставив пальцы, – перемещаемся.

Глава вторая

Неудачная эвакуация

Старик проснулся внезапно. Темную комнату сковала липкая тишина.

«Проклятая жара! Когда она кончится? – недовольно опустив ноги, пальцами сухощавых ступней нащупал тапочки, машинально взглянув на часы, – половина шестого. Однако, пора».

Надев рубаху навыпуск поверх легких брюк, пошел к столу...

Что-то не так. Такое чувство, будто со мной это уже происходило: сейчас я возьму карандаш, напишу записку... Конечно, происходило! Двадцать лет одно и то же: пишу записку, несу ее к назначенному месту... Но сегодня... у меня предчувствие: сегодня что-то произойдет.

Взяв в сухую, загорелую руку огрызок карандаша, помедлил.

Станный сон: будто я впервые пошел по другой дороге... грузовик, выскочивший из-за угла... Меня сбили? Нехороший сон...

Он хотел написать записку, но мысли путались, руки дрожали и, несмотря на жару, тело пронзил озноб. Взглянув на термометр, удивился: красная струйка неудержимо ползла вверх, преодолев отметку в пятьдесят четыре градуса. Сердце бешено заколотилось. Задышавшись от давящей духоты, подошел к окну.

Странно, солнце еще не взошло, а так жарко...

Красный луч «выстрелил» из-за горизонта: треснув, стекло расплавилось и медленно стекло на подоконник.

Старик умер.

Холодный пот приклеил к скомканной простыне. В давящей тишине он несколько раз открыл и закрыл глаза, ничего не разглядев в кромешной тьме. Боясь пошевелиться, силился определить: жив или нет.

Сон... Чудной сон... Я умер? Так ведь это мне и приснилось. Да, да, да, это был сон.

Оцепенение прошло.

Старик торопился.

Да что со мной, почему я так спешу? Сегодня я вышел раньше обычного и не должен опоздать.

Несмотря на влажный морской бриз, принёсший долгожданную свежесть, идти было тяжело: в груди ныло, сердце сжималось от тяжелого предчувствия. Остановившись, пытаюсь отдышаться и успокоиться, внезапно услышал бой городских курантов, пронзивший утренний воздух. Раз, два, — машинально отсчитывал удары, недоумевая, — почему так рано? Опоздал, опоздал! Охая и причитая, свернул в переулок и, шаркая старыми шлепанцами о неровную мостовую, поспешил к центральной площади короткой дорогой, по которой не ходил более тридцати лет...

— Пора, — Некто оценивающе взглянул на Напарника, — не повтори недавнюю ошибку.

— Не беспокойся.

Ветер крепчал. Небо затягивало тяжелым плащом серых туч, плотным заслоном отделившим солнце от изнуренной земли. Когда влажный утренний воздух потревожил пятый удар городских курантов, светило нашло возможность послать острый луч-привет третьей планете Пятого Поля. Попад в блестящую стрелку, он отразился во множестве витрин, в том числе и в боковом зеркале мчащегося грузовика Горелого. Прищурившись, молодой человек улыбнулся утреннему лучу, на три секунды отвлекшись от дороги...

Врач со «скорой» подошел к телу Старика.

— Он не дышит, давления, пульса нет, — сообщила реанимационная сестра.

— Естественно. Удар смертельный. Жаль, но Старика в морг.

– Ты готов?

– Да.

– Начали.

По многолетней привычке сестра приоткрыла сморщенное веко, направив в него луч зажженного фонарика: – Зрачки реагируют.

Боль исчезла. Старик открыл глаза, но ничего не увидел: яркий свет, пройдя сквозь изрезанное тело, слепил. Со слухом тоже творилось неладное, в голове шумело, казалось, его сейчас вырвет.

– Скоординируй точнее, – попросил Некто.

– Сейчас, сейчас... выравниваем внутреннее давление, соотносим его с внешним,.. раздвигаем координаты в соответствии с размерами тела Клиента.

– Хорошо, отделяй элемент дыхания... молодец.

– Все, можем двигаться.

– Что за черт, этого не может быть! – доктор приблизился к глазам Старика. Они были пусты и стеклянные, – нет, чудес не бывает. Как я и говорил – этого в морг, – тело погрузили в машину и, грузно присев рядом с водителем, врач устало выдохнул: – Поехали.

– Поехали, – скомандовал Некто.

– В этот раз все гладко?

– Надеюсь, да. Тем не менее, поспешим, – мне не нравится погода, – плавно оторвавшись от поверхности, они начали подъем в западном направлении, бережно придерживая новорожденный Дух.

Свинцовые тучи неумолимо завоевывали пространство. То тут, то там полыхали зарницы, сопровождаемые далекими раскатами. Испытание жарой кончилось. В молчании две Тени поднимали Дух Старика все

выше, туда, где, по расчетам, давно должна была показаться гавань – место заданной эвакуации, но к которой они никак не могли пробиться сквозь плотную темно-серую массу.

– Большая влажность, объект тяжелеет с каждой минутой, а когда пойдет дождь – намокнет и мы, ко всем проблемам, потеряем скорость, упустив возможность сдать его вовремя. Сверх координаты, возможно, мы сбились с курса, – попросил Некто.

Одна из сверкнувших молний прошла сквозь Напарника, уточняющего в стаксисе заданные параметры. Пытаясь увернуться, тот дернулся, вызвав у Некто произвольную ухмылку:

– Нам они неопасны.

– Знаю, но... не могу привыкнуть.

– Следи, чтобы молния не ударила в объект – ему она еще может навредить, а по «Положению» мы обязаны сдать клиента в целости и сохранности.

От электрических разрядов размытое изображение на стаксисе «дергалось», затрудняя произвести уточняющий расчет.

– Поворачиваем на север.

Свернув, они не преодолели и двух кварталов [2], как пошел дождь.

«Не успели», – подумал Некто, тут же разглядев в очередном всполохе знакомую гавань с пришвартованным транспортом.

* * *

На транспорте шла будничная работа. Ответственные за перемещение сверяли списки вновь прибывших, проставляли отметки о сдаче нового материала, затем

материал сортировали, размещали по соответствующим отсекам и вводили координаты новых измерений. Через определенные промежутки звучали положенные команды и отдавались рапорты. Прибывших было много, но видеть друг друга они не могли: каждого окутывал густой туман, напоминающий саван. Да и всё действие происходило в плотных серых тучах, скрывающих передвижение. Выше, над транспортом, дрейфовала небольшая черная туча, которую стороной обходили все эвакуаторы с вновь прибывшими клиентами.

– Нам туда, – указал взглядом Некто, – подождите снаружи, я выясню, что происходит.

* * *

– Я не могу взять вашего клиента, ты это знаешь лучше меня. Вы опоздали!

– Мы делали все возможное, но... – Некто посмотрел в сторону Старшего Сопровождающего, – опоздание – не наша вина.

– А чья? Может быть, это меня он увидел в осколках витрин? Нет, это ты и Напарник показали свое изображение до срока! Это вы нарушили седьмую инструкцию «Положения» по транспортировке и перемещению.

– Нам изначально дали неточные координаты, мы не должны были попасть в солнечные лучи.

– Вам следовало быть на месте до его появления, и тем более до шестого удара. Вы должны ждать клиента заранее, готовясь любовно и бережно принять его. Вместо этого... Опять молодая переселенка на чужом участке? – Некто промолчал, – он проявляет слабость, а ты потворствуешь.

– У нас должно быть в запасе от девяти до сорока земных дней!

– Ты знаешь не хуже меня – на Старика это правило не распространяется. Он Особенный. А Особенных, по земному – праведников, согласно одиннадцатому пункту инструкции «Положения»...

– Я знаю «Положение», – Особенных клиентов мы обязаны отправить тут же. Хорошо, это была наша ошибка, но мы сделали все, что бы её исправить.

– Исправили... Ты знаешь, сколько произошло незачатий по твоей вине?

– Ты хотел сказать – не произошло зачатий?

– Нет! Именно произошло незачатий. Они должны были произойти, но произошло совсем другое! Ты в курсе, какое количество потенциальных клиентов мы потеряли, благодаря твоему вмешательству в линейное течение времени на этой планете Пятого Поля? Не забывай, вы работаете в трехмерном пространстве, где главная составляющая – время. Сколько раз говорил, – не нарушай инструкций, не вторгайся в эту категорию! Еще одно нарушение...

– Я понял.

– Мы, конечно, попытались смягчить положение... Пойми, мы не имеем права обманывать ожидания и ломать планы Ожидающих. Любая работа должна происходить планово...

– Когда следующий транспорт?

– Ты знаешь правила. Сейчас отправляются клиенты девяти – сорока дней, это очень большой поток. Наша погода продержится шесть слокций [3].

– Почти два с половиной месяца земной жизни?!
Куда деть клиента?

– Работайте с ним.

– Но это нарушение четырнадцатой инструкции
«Положения».

– Хочешь вновь вернуть время вспять?

* * *

– Как он? – Некто недовольно посмотрел на Старика.

– Готов к перемещению: глаза открылись, взгляд осмысленный. – Старик изучающе смотрел на своих спутников. – Кстати, он совсем не вымок.

Действительно, ни одна капля ливня, окружавшего их на десятки квартиев, не попадала на Старика, тогда как у Напарника от кончиков пальцев и краев хитона они отскакивали, благодаря защитному полю.

«Его поле несоизмеримо больше, чем у Напарника», – удивился Некто.

– Я это заметил.

Некто, извиняясь, посмотрел на партнера:

– Прости, мне надо было сказать это вслух, – но тот молчал, непрерывно смотря на готовый к отправлению транспорт.

– Что сказать? – Напарник перевел недоуменный взгляд на товарища, после чего оба посмотрели в сторону клиента.

– Ты слышишь нас?

Старик прикрыл веки.

– Все слышишь?

Старик посмотрел грустным понимающим взглядом и, вновь прикрыв веки, кивнул. В свете нескольких

молний, вспыхнувших с разных сторон, эвакуаторы увидели, как транспорт, отделившись от тучи, медленно и тяжело начал подъем.

– Что происходит? Почему мы не сдали клиента?

Вопрос Напарника потонул в докатившихся раскатах грома, после которых все стихло: ливень перешел в мелкую морось, и ветер мягко развел тучи. Природа готовилась построить очередную гавань в новых координатах.

Глава третья

Сон

На больничной койке, находясь между жизнью и смертью, лежал Горелый. Несколько раз в палату заходила дежурная сестра, сочувственно смотрела на тяжело дышащего сержанта, проверяла показания медицинских приборов, тянувшихся к больному всевозможными проводами и датчиками и, не находя утешительных изменений, покидала палату.

Во время вечернего обхода вошел пожилой врач.

– Ну-с, как наш новый пациент?

– Пока без изменений.

Ознакомившись с показаниями приборов, врач негромко произнес:

– Глупо все произошло, жалко парня.

– Это из-за жары.

– Да, – повторил врач, проверяя пульс, – парня жалко. А знаете, пульс для его состояния не такой плохой.

– Я смотрела показания: сорок пять – пятьдесят ударов в минуту.

– Техника, даже наша, несовершенна. Проверьте рукой. Удары редкие, но наполненные, возможно, если повезет, выживет.

– И всю жизнь будет инвалидом.

– Может, будет, а может... Давайте попробуем ему помочь, – доктор вынул из нагрудного кармана плоскую, наполненную зеленовато-желтой жидкостью, ампулу. Сестра в недоумении посмотрела на пожилого врача.

– Что это?

– То, что может вернуть его к жизни. Сделайте внутривенное, – он с мягким нажимом вложил ампулу в маленькую, но крепкую ладонь, – сделайте, – настойчиво повторил он, – и запишите в журнал. Каждый час снимайте показания с приборов. Если все будет хорошо, завтра повторим.

– Но что это?

– «Gardenlips». Мы работали над ним более двадцати лет. У впавшего в кому, как вы знаете, отсутствует сознание, вернее, оно идет параллельно с жизнью подсознания – иначе бы человек просто умер. Нам надо заставить подсознание «разбудить» мозг. Вот эта химия и должна помочь нашему молодому другу воссоединить нарушенную связь.

Сестра с недоверием посмотрела на врача, но в его взгляде было столько мудрости, участия и теплоты... стало неловко за свои сомнения. Уверенно перетянув жгутом крепкую руку выше локтя, вскрыла ампулу, наполнив палату легким ароматом садовых роз.

– Странно. Впервые встречаю лекарство с запахом цветов. Как духи.

Игла легко вошла в набухшую вену, пропуская сквозь себя содержимое. Приборы показали повышение артериального давления с участвующимся сердцебиением. Девушка отдернула руку, но врач успокоил:

– Так и должно быть, не пугайтесь.

Через несколько секунд показания восстановились. Сержант лежал спокойно, лишь веки слегка подрагивали.

– Странно, он в коме, а веки дергаются, будто ему что-то снится.

– Будем надеяться, он видит добрые сны.

Горелый действительно видел сны. Необычные сны...

* * *

В момент удара сержант испытал острую боль, но она длилась недолго. Неведомая сила подхватила Горелого и, закружив, бросила в темный лабиринт, погнав вперед и вверх по узким, закрученным в спираль, трубам. Тело сержанта металось из стороны в сторону, пытаясь найти выход, но сила не отпускала, стремительно увлекая выше и дальше, поселив в душе тревогу, перешедшую в панический страх. Казалось, этому взлету – падению не будет конца, когда внезапно трубы расширились, и сержант ощутил тонкий запах роз, с появлением которого тревога ослабла, а впереди неярким светом замаячил желанный выход.

Место, в которое попал Горелый, оказалось необычным: огромное количество розовых кустов покачивались, словно в невесомости, в изысканных, причудли-

вой формы, ёмкостях. Бутоны были различны по цвету, сортам и оттенкам: от темно-красных, почти черных, до белых. Среди роз попадались жёлтые, розовые, синие, зелёные, фиолетовые; большие и маленькие, карликовые, и розы – гиганты. Всё это великолепие окружала звенящая тишина, и только где-то вдалеке падали на каменный пол крупные капли, гулким эхом гуляя в сводчатом пространстве.

«Странная оранжерея», – удивлялся Горелый, пытаясь сообразить, куда занесло его скольжение по трубам. Он не успел придумать сколь-нибудь разумное объяснение произошедшему с ним, как слух различил тихие голоса.

Горелый мог видеть лишь одного из говорящих – высокого молодого мужчину, облаченного в тёмно-серые латы. Выполненные из сверхпластичного металла, они совершенно не сковывали движения своего обладателя, отражая в зеркальной полировке свет мерцающих невдалеке звёзд. Красивое лицо мужчины было обращено в сторону собеседника. Тёмные волнистые волосы касались плеч и серых, сложенных за спиной, крыльев, которыми вошедший коротко взмахнул, наполнив оранжерею благоухающим ветерком.

Из-за поразившей необыкновенности происходящего, Горелый в начале совершенно не обратил внимания на разговор.

– Я рад, что ты пришел, Агнелиус.

– Вы пригласили...

– Ты знаешь, о чём я хотел поговорить с тобой?

– Не знаю, но если Вы позвали в преддверии больших перестановок, думаю, о чём-то важном.

– Ты прав. Главный Смотритель Среднего Поля должен покинуть нас. Это происходило не раз. Не часто, но происходило... и страшного в этом ничего нет. В конце концов, мы существуем в постоянно меняющемся пространстве. Сейчас надо найти того, кто сможет хорошо делать эту работу. В этот раз уход Главного Смотрителя совпал со сменой эр, и это может принести некоторые осложнения. Мы должны уйти со всех постов – таковы правила: на смену идут Стражники. Они могут неплохо управлять, действовать и добиваться результатов (правда, мы никогда не одобряли их методов), но пост Главного Смотрителя должен остаться за нами. Иначе нарушится баланс. Поэтому я пригласил тебя. У нас мало времени.

– Вы всегда учили – времени нет.

– Времени нет, но бывают моменты, когда его мало. В сосуде осталось не больше сорока капель. С ударом последней соберётся Большой Совет.

– Учитель, вы смутили меня. Я не уверен, смогу ли справиться с этой работой? Ещё никто, достигши моего возраста, не выбирался Главным Смотрителем.

– Агнелиус, ты не совсем верно меня понял. Я хочу посоветоваться с тобой.

Ничего не изменилось после этих слов, лишь тишина повисла в причудливой оранжерее. Такая давящая тишина, в которой звук падающих капель показался сержанту громче выстрела. Напряжённо стало вокруг, словно тетиву натянули.

Ничего не изменилось и в позе того, кого Невидимый называл Агнелиусом, только крылья его приподнялись вверх. А может, и не приподнялись, может,

всё это почудилось сержанту. Он слушал разговор, недоумевая: почему эти двое так откровенны при нём (о столь важных вещах должны говорить без свидетелей), ощущая перепады в настроении и интонациях Агнелиуса. В начале беседы тот держался несколько скованно, затем Горелый почувствовал – тот сам хочет стать Главным Смотрителем. (Кто это и где всё это происходит, сержант не мог ни вообразить, ни, тем более, объяснить). Но когда Агнелиус узнал причину приглашения, Горелый всем существом ощутил ледяной холод, окутавший всё вокруг.

– Не расстраивайся, – улыбнулся Учитель, – от тебя идёт такой холод – в сосуде могут замёрзнуть все капли. И тогда Большой Совет не соберётся никогда.

– Кто он?

– Ты хорошо его знаешь, не раз делил с ним опасность и невзгоды. Однажды он спас тебя.

– Но он не старше меня.

– Он опытнее. И он Воин. Прошу тебя, встретиться с ним и предложи от моего имени стать Главным Смотрителем.

– Учитель, почему вы сами не поговорите с ним?

– Правила. До Совета я не имею права общаться с претендентом.

– Тогда, почему я?

– Вы друзья. К тебе он прислушается. К тому же ты обладаешь редким даром: умением убеждать.

– Тогда почему не я?

– Всему свой срок. Если Воин откажется, возможно, именно ты станешь следующим претендентом. Но помни, трёхкратный отказ расценивается как полное не-

повиновение. Старший Стражник вспылчив, часто проявляет жестокость, а к моменту выбора Главного Смотрителя власть в Совете полностью перейдёт к нему. Поэтому, прошу тебя, поторопись. Я буду ждать.

Поклонившись, Агнелиус приподнял крылья, словно в коконе, спрятавшись в оперении, и через мгновение растворился в утренних сумерках.

Глава четвертая

Приметы

Она уже давно неподвижно сидела в темноте. Слезы душили, но Лиза не давала им воли. Всю жизнь она привыкла думать рационально, но сейчас эмоции подавили разум. Вспоминая события шестилетней давности, многие вещи открывались по-новому. Как она не заметила неприятности, вползшие в их жизнь? Кажется, такое радостное событие – переезд в новую квартиру! – сулит перемены к лучшему, но жизнь повернула совершенно «не в ту сторону», о какой мечтали Ковальские. Конечно, разлад начался не в первый день, но... почему она не придала должного значения тем приметам? Почему?!

* * *

Это нищему собраться – только подпоясаться. А семье? Даже в однокомнатной квартирке за семь лет вещей набралось... плюс игрушки, книги, подарки (никому не нужные, но дарили на дни рождения, как оставить?), а проекты архитектурные, в картонных макетах воплощенные? Так неделя и прошла в суете сборов, окончательно заглушив переживания и по поводу кончины

вредной Аглаи (Господи, будь милостив к тетке Артура, упокой ее душу с миром), и по поводу предстоящего заседания экспертной комиссии...

Дом, в котором жила Аглая Вениаминовна, стоял в парковой зоне, окутанный тишиной и пряными запахами южных растений: акации, с причудливыми, похожими на папоротник, листьями; кряжистым конским каштаном; пирамидальным грабом и, конечно же, вечно зелеными, печальными кипарисами. Когда Лиза впервые переступила порог её квартиры, та показалась ей неправдоподобно огромной. Высокие, под четыре метра, потолки; большие квадратные комнаты; широкие двери; светлые окна в блестящей чистоте стекла – все поражало и завораживало.

– Твоей тётке не страшно жить одной?

– Аглае? В жизни ничего не боялась. Её боялись, она – никого и никогда.

– Она кто?

– Аглая? Примадонна.

– Да брось! У нас нет оперного театра.

– Сударыня, вы невежда! Отсутствие в городе оперы не даёт вам право сомневаться в присутствии примадонны. До середины шестидесятых Аглая блистала на одной из лучших оперных сцен!

– А потом?

– Потом – суп с котом. Проходи, Аглая сейчас закончит свою ритуальную процедуру, и я вас познакомлю.

– Какую процедуру?

– Ритуальную. Аглая каждый день, ровно в полдень...

Рассказать о ритуальной процедуре своей тётки, имя которой так нравилось племяннику, что он повторял его к месту и не к месту, в тот раз не удалось. Из кухни раздалось чудное, но уже слегка «качающееся» меццо оперной дивы:

*Ууу, уууу, у...
У любви, как у пташки крылья,
Ее нельзя ни-и-как поймать,
Тщетны были бы все усилия,
Но крыльев вам...*

На этих словах в дверном проёме безразмерной кухни, освещенная контрсветом изящного торшера (именно стоящий на кухне торшер поразил Лизу больше всего), эффектно уперев руку в бедро, появилась молодая женщина неопределенных лет, в шикарном парике на гордо поднятой голове. То, что это парик, Лиза поняла позже. Эффектное появление Аглаи в проеме кухонной двери их будущей квартиры (откуда она могла знать? а вот – ёкнуло внутри, женская интуиция вещь чуткая), произвело на молодую, далекую от театральных подмостков, девушку неизгладимое впечатление.

Сейчас, когда Аглая с миром (с миром ли?) полтора месяца как покоилась на «красной линии» городского кладбища, в душе Лизы боролись противоречивые чувства. Она и жалела тетку, и злилась на нее, и была благодарна за отписанную квартиру. В отличие от мужа, Лиза успела наладить отношения с вредной, сумасбродной старухой, поняв и простив ее, а та, в своем раскаянье, успела отписать пятикомнатные хоромы на единственно-

го племянника, с одним условием: въехать в квартиру они должны спустя два месяца после ее смерти. Артур, опасаясь козней Пиковой дамы, решил два месяца не ждать, доказав жене: это очередной «выпад» сумасшедшей старухи. Вот увидишь, к моменту переезда она и с того света сможет показать нам кукиш, сложенный из длинных пальцев холеной руки, поэтому переезжаем в пятницу.

Казалось, вот он – предел мечтаний, вот оно – счастье. Но нехорошее предчувствие проскользнуло в душе, будто тень тетки проплыла по стене, отброшенная контрсветом того самого торшера.

– В пятницу, тринадцатого? – Лиза недоуменно улыбнулась, – Артур, давай перенесем на субботу.

– Ты стала суеверной? Боишься повторить судьбу тамплиеров?

– Причем здесь какие-то тамплиеры? Тетке в пятницу сорок дней.

– Хорошо, договорюсь на субботу, четырнадцатое.

Три дня семейная радость Ковальских не знала границ: сбывалась давняя мечта: переехать в пятикомнатные хоромы Аглаи.

А потом случилось заседание экспертной комиссии, разделившее их жизнь на «до» и «после»...

Во вторник Евгений Ненахов – главный архитектор города, известил друга детства о переносе защиты проекта на пятницу, тринадцатое мая. Почему так рано? Я четырнадцатого в Париж на месяц лечу, да и у вас, кажется, переезд?

Вот и не верь в приметы. В пятницу, тринадцатого, комиссия задробила проект, над которым они работа-

ли три года, возлагая столько надежд... Она знала этот «закон»: за радостью придет печаль, за успехом, «не отходя от кассы!» – неудача, за счастьем,.. об этом и думать не хотелось. Лишь бы Артур не сломался... А она? Она выдержит! Женщины живучее и выносливее мужчин. Те больше хорохорятся, а случись ничтожная неприятность – скисают, особенно творческие, эмоционально реагирующие на все натуры, как Артур! Неустойчиво-тревожный психотип. А этого допустить нельзя, слишком многое поставлено на карту, слишком долго она шла к цели...

* * *

Молодой парень вяло грузил в крытую машину скромные пожитки. Куда торопиться: оплата почасовая, квартира никуда не уйдет: недвижимость. Около грузовика прохаживалась на тонких, длинных ножках одиннадцатилетняя Ева. Сидевшая на ее руках кошка всем видом выказывала полное неодобрение происходящему: выгибалась, нервно помахивала хвостом, с завидной периодичностью оглашая двор противным утробным ором, причиняя девочке почти физическую боль. Вступившая в пору «гадкого утенка» Ева стеснялась происходящего вокруг, но больше всего – себя: такую неуклюжую, нескладную, некрасивую.

– Мурка, не ори! Мы в новую квартиру переезжаем, а ты орешь!

– Оставь кошку в покое! – Лиза в раздражении выглянула из окна, – вы начнете сегодня грузить или так и будете прохлаждаться?!

– Не беспокойтесь, сейчас, только перекурим, – смазливый парень достал пачку сигарет, вальяжно закурил.

– Отчего люди такие нервные? – посмотрев на скрывающуюся в окне хозяйку, спросил пожилого напарника в разошедшейся на огромном животе клетчатой рубахе, – переезжают в новую квартиру! Чего еще надо?

– Не знаю, Саня, моя старуха говорит, с милым и в шалаше рай.

* * *

Дура, значит, твоя старуха! Молоденьким глупышкам это расскажи, дурочкам семнадцатилетним, когда у них ни детей, ни забот, ни хлопот. Пусть хоть год проживут в двенадцати метрах с кошкой орущей, мужем-тихоней, дочкой закомплексованной и грудой макетов, тогда посмотрим! Сволочи, завернуть такой проект!.. Вы, товарищ Ковальский, что предлагаете? Строить дома для людей? А мы, по-вашему, для кого строим? У вас сколько квадратных метров на человека выходит с необоснованно завышенным метражом мест общего пользования? И как вам могла прийти в голову бредовая идея дома-сада? Хотите деревья на балконах высаживать? Экологически чистое жилье? Вы дверью не ошиблись? Лесотехникум напротив. А эти излишества: арки, потолки под три метра? Народ привык к стандарту – два с половиной... Слова подобрали: стандарт, квадрат – шаг вправо, шаг влево...

Лиза остановилась, – удобнее перехватить склеенный из картона макет (не решилась доверить «часть своей жизни» грузчикам).

Теснота! И в квартире, и на лестничной клетке. Название – лучше не придумать! Загнали всех в клетки... Для людей они строят! Для себя вы строите! Чтобы премии да награды получать, на тепленьких местах устроившись! Главный архитектор! Ты, Женечка, мизинца Артура не стоишь! Друг называется!.. Для тебя, чем меньше затрат, тем лучше: дешево и сердито! Ничего, сейчас переедем, все изменится... должно измениться! Все беды от этой тесноты! Спасибо, конечно, Марии Марковне, у других и этого не было...

Занавес воспоминаний готов был взметнуться, открыв сцену прошлому, отвлекая от действительности, но Лиза преодолела минутную слабость. Не сейчас. В жизни главное – правильно выбрать момент. Она давно сделала вывод: все слова, которые человек говорит в жизни – нужные и правильные, все поступки – верные, но... всё это говорится не тем людям, не в то время, не в том месте и ни при тех обстоятельствах. От этого и происходят беды и несчастья или, как она выражалась, вся земная чехарда...

– Кончай перекур, орлы, работаем! – держа в огромной руке детский стульчик, из подъезда вышел бригадир.

– А мы не орлы, мы львы, – толстый грузчик сплюнул на окурочек, – Лев Абрамович, – огонек зашкворчал, но не погас, тогда он плюнул сильнее и более смачно, – и Лев Исаакович.

Все засмеялись, и дальнейшая погрузка прошла быстро и слаженно.

– Артур! Артур, ты скоро?! Машину давно загрузили!

Засунув теткин ту тетрадь за пазуху, Артур вышел из квартиры, забыв оглянуться на прощание.

Подняв шкаф на нужный этаж, рабочие хотели переступить порог теткиных хором, но Лиза остановила их, объяснив: по примете, первой надо впустить кошку. Гладкошерстную красавицу поставили перед открытой дверью, застыв в ожидании. Слегка подталкиваемая Артуром, Мурка повела усами, настороженно всматриваясь в бесконечное пространство квартиры. И вдруг, словно увидев по-особенному устроенным кошачьим зрением нечто пугающее, зашипела, выгнула спину, вздыбила шерсть, издав утробный звук, и отпрыгнула, вцепившись когтями в руку хозяина. От неожиданной боли тот вскрикнул, а кошка опрометью вылетела из подъезда.

В наступившей суматохе стало не до примет: Лиза лихорадочно искала аптечку, Артур промывал расцарапанную когтями руку, а грузчики, пожав плечами, начали заносить мебель.

— Ничего не понимаю, всегда была ласковая тварь, никогда не кидалась. Чего она так испугалась?

— Не знаю, чего она испугалась, но нас ей напугать удалось. Благо, рана не смертельна, — пыталась шутить Лиза, надкусывая зубами край бинта, — а Мурка... Мурка найдется.

За работой происшествие стало забываться, но тут произошла еще одна неприятность. Среди перевозимых вещей имелось треснутое в нижнем углу настенное зеркало. То ли от тряски в машине, то ли смазливый грузчик Саня взял его неаккуратно, возможно, — совсем по другой причине, но трещина расколола зеркало пополам. «Нехорошая примета», — подумал парень, и в ту же се-

кунду зеркало в его руках рассыпалось множеством мелких осколков. Звон битого стекла сменила гнетущая тишина, нарушенная добродушным толстяком:

– Чего застыли, Львы Абрамовичи, всяко бывает, работаем!

Странные вещи сегодня происходят: к чему бы это?

Артур с нетерпением ждал окончания переезда. Спрятанная за пазухой тетрадь не давала покоя. Он чувствовал: под ее переплетом скрыто нечто важное, способное повлиять на его жизнь... Возможно, он, наконец, поймет, ради чего появился на свет, зачем живет, и как положить конец бесконечно длящимся неурядицам... С тетрадью возвращалась утраченная уверенность.

Все это неспроста. И бабкина тетрадь не случайно именно сегодня свалилась мне на голову. Всю жизнь жили с Аглаей хуже кошки с собакой...

В череду роящихся в голове мыслей, внезапно и стремительно всплыв из глубин детской памяти, врезалась одна: «у каждого, Мария, есть своя зеленая тетрадь». От этого воспоминания озноб прошел по телу – словно кессонная болезнь разрушила стенки кровеносных сосудов: не привиделось! И фотография тому подтверждение. Аглая все врала! Но зачем? Вот и гадай: к худу ли, к добру сей переезд?

Во время расчета Саня вдруг побледнел, присел на корточки, тихо застонав.

Прибывший врач со «скорой» быстро поставил диагноз.

– Язва. Все закономерно: питался без режима, непонятно, где и чем. Сделают операцию, будет как новый.

– Вот и не верь в приметы.

– Я все гадала, чего ждать от разбитого зеркала? А ты хотел в пятницу, тринадцатого переезжать. Хватило и комиссии...

– Не напоминай... а парень поправится, – Артур обнял жену здоровой рукой, кисло улыбнувшись.

Подошедшая Ева тихо спросила:

– Мама, почему Мурка сюда не зашла?

– Завтра найдем ее на старой квартире и спросим об этом.

Но на прежнем месте кошки не оказалось. Не пришла она и на следующий день. Сколько Мурку ни искали, так найти и не смогли.

* * *

Неподвижно сидя в комнате с наглухо задернутыми шторами, Лиза до боли сжимала острую огранку старинного серебряного кольца, случайно найденного в самом дальнем углу высокой антресоли теткиной квартиры, стараясь через эту боль забыться, отвлечься от нахлынувшей эмоций и воспоминаний, иначе оценивая события шестилетней давности. Если бы она знала, к чему это приведет: переезд, неудачная защита, открытие «ЛизАрта», ее обвинения и ссоры (как теперь казалось – по пустякам!) с мужем... Слезы душили, но она не могла дать им волю. После неудачной защиты Лиза избавила свою жизнь от эмоций, закрыв сердце «на ключ» и забросив его в далекое прошлое, принудив себя думать и жить рационально. Но сейчас чувства, столь долго сдерживаемые и подавляемые, настоятельно просились наружу, пульсируя в висках одной глупой мыслью: я не могу заплакать, у меня нет платка. Чтобы его взять, надо

встать и пройти к шкафу, а у меня нет сил. Окажись платок у меня в руках – я непременно разрыдаюсь. Артур услышит мои стенания, и это убьет его... Но если я не заплачу, я задохнусь и умру...

Глава пятая

Платок

– Зачем ты это делаешь?

– Человеку плохо, значит, надо помочь.

– Она все равно не увидит твоей помощи и даже не поймет ее.

– Я надеюсь, ей станет легче.

– От чего? От того, что ты подашь платок?

– От проявленного участия и помощи.

– Любая помощь – сострадание, любое сострадание – признание слабостей человека.

– Ты прав, я человек, и ничто человеческое мне не чуждо, в том числе и слабости.

– Во-первых, ты уже не человек, во-вторых, я имел в виду ее.

– Но ведь вы всегда утверждали – человек слаб.

– Кто тебе это сказал? Мы иногда говорили о слабости человека, но утверждали всегда обратное. Испытания и даются человеку для того, чтобы слабость перешла в силу. И мы всегда утверждали – только сильный пройдет испытания.

– Не знаю, может быть, вы правы. Но сейчас я вижу: ей плохо, значит, надо помочь.

– Пойми, помогая, ты нарушаешь правила.

– Это ваши правила, я живу по своим.

– Ты уже не живешь, ты с нами!

Молча и безучастно, Некто слушал разговор Старики с Напарником. Несмотря на предстоящую эвакуацию, в просторной квартире Ковальских ему было даже уютно.

– Хорошо, – наконец вмешался он, – не препятствуй, пусть поможет.

– Ты сам знаешь, мы прибыли несколько раньше положенного срока, и его действия могут навредить.

– Ничего. Объясним нашему спутнику ситуацию на наглядном примере.

В темной комнате, тяжело дыша, умирал Артур. В эту ночь у него случился третий за последний год инфаркт. Врачи, сделав все возможное, покинули дом Ковальских, пожелав супруге крепиться – надежды практически не было. Проводив их, Лиза плотно задернула шторы, сев на краешек стула рядом с кроватью. Всегда яркая, красивая и задорная, сейчас она сидела, машинально раскачиваясь в такт тяжелым мыслям, не в силах произнести ни звука. Рыдания душили, но Лиза боялась нарушить тишину последних минут мужа: я не могу заплакать, иначе он услышит. Я не могу заплакать, ведь у меня нет платка, а чтобы его взять, надо встать и пройти к шкафу, но у меня просто нет сил. Если же я не заплачу, то задохнусь, и это будет самое верное решение.

Пальцы нервно теребили край домашнего халата. В одно из таких движений женщина ощутила в руке вместо приятного шелка ситцевую ткань носового платка. Ничего не понимая, машинально поднесла его к глазам и долго сдерживаемые рыдания, наконец, вылились наружу.

- Свет! Давай свет! – громко скомандовал Некто.
- Как, разве он умер?
- Подождите, вопросы потом!

Яркая вспышка сверху озарила комнату. Старик невольно прикрыл глаза. Когда он вновь посмотрел на происходящее, то увидел странную картину. Все действие как бы разделилось на два изображения: на первом, внизу, в темной комнате рыдающая в голос женщина находилась рядом с лежащим на кровати человеком. Сверху, в такой же комнате, женщины не было, человек на кровати был несколько иной, при этом всё озарял яркий свет, исходящий из ладоней Напарника. Некто, располагаясь поодаль, делал в стаксисе необходимые отметки, в результате чего лежащий на кровати принял вертикальное положение, а вокруг него стали появляться разноцветные светящиеся точки. Первая, желтая, зажглась впереди, сверху, с левой стороны, вторая – сзади справа. Третья и четвертая (зеленая и синяя) почти одновременно сверху и снизу, пятая, шестая и седьмая светили тусклым серебряным светом за левым плечом и пятками того, кто еще недавно носил имя Артур.

– Отделяй дыхательный аппарат, – спокойно сказал Некто.

– От-де-ля-ю, – раздельно и, как показалось Старiku, с некоторым задором произнес Напарник.

Сзади, над левым плечом эвакуируемого, зажглась восьмая, красная точка, и в этот момент Старик увидел, как изогнувшееся на кровати тело в темной комнате испустило последний громкий вздох-выдох, тяжело опустившись на простыню. Морщины на страдающем лице разгладились, и свет в верхней комнате погас.

Старик был потрясен и подавлен.

– Впечатляет? – спросил Напарник.

– Не приставай к клиенту, лучше доделай свою работу.

– Ты не прав, у нас сейчас новый клиент. А по восьмому пункту «Положения» мы не можем иметь более одного клиента одновременно, так что он теперь наш новый товарищ. С крещением, дедушка! Я имею в виду – с боевым!

Дух Артура с закрытыми веками мерно раскачивался в воздухе, не выходя за границу восьми раздвинутых световых точек.

– Это что... Смерть?

– Это не смерть...

– Подожди, – остановил Напарника Некто, – наглядный урок не закончен.

Напарник замолчал, а Некто, удобно устроившись в мягком, ирреально парившем в воздухе кресле, как в гамаке, продолжил.

– Видите ли, наш дорогой... – он запнулся, – даже не знаю, как вас правильно называть: бывший клиент, новый товарищ... так случилось: не наша вина в произошедшем. Правда, и не ваша. Вы, так сказать, на данный момент являетесь и нашей ошибкой, и нашим наказанием... Не обижайтесь, не надо. И не смотрите на меня таким удивленным взглядом. Вы уже сами прекрасно можете читать мысли, а в скорости научитесь читать не только поверхностные, но и глубинные и даже еще только-только зародившиеся, но еще не успевшие пронестись в чужой голове соображения – это дело времени и небольшой тренировки. Так вот! Нас, уж не знаю, за что, –

Некто внимательно посмотрел на Напарника, который как ни в чем ни бывало, продолжал начатую работу вокруг духа Артура, – нас с Напарником ТАМ решили наказать, точнее, говоря вашим языком, элементарно подставили. Но сейчас речь не об этом. Сегодняшний наглядный урок о другом. Какое-то *время*, я не знаю, какое, – тут уже Напарник прервал свое занятие и, ухмыльнувшись, внимательно посмотрел в сторону Некто, который улыбнулся и кивнул в знак согласия, – повторяю, какое-то *время* мы пробудем вместе. И для того, чтобы наше сосуществование не принесло никому вреда, или, не приведи ТАМ, увечья, вам необходимо знать и выполнять ряд законов и положений. Главный из них – не вмешиваться в земную жизнь, не помогать людям.

Склонив голову на грудь, Старик сидел, опустив ладони со скрещенными пальцами между ног.

– Но я – не вы.

– Вы правы. Вы – не мы. Но...

– Некто, позволь, я объясню. Понимаете, есть определенные законы. Вы можете их принимать, можете не принимать, можете признавать или не признавать, можете им подчиняться, можете не подчиняться, но они действуют.

– И ни мы, ни вы не в силах их изменить.

– Как древние Мойры, плетущие нити жизни каждого человека?

– Мойры не Мойры, а нити есть. Точнее – струны. Ну, это не так важно. Важна связь этих струн, когда одна цепляет другую. Мы потянули струну чуть раньше – возникли проблемы. Поэтому просим: не нарушайте правил.

– А что будет, если их нарушить?

– Смотрите, – Некто поднял левую руку, где в раскрытой ладони развернулся стаксис. На «экране» появилось изображение комнаты, сидящей на стуле женщины, еще живого Артура и Старика, пытающегося подать платок.

– Может, лучше вначале рассказать?

– Хорошо, – картинка застыла в ладони, – хорошо. В этот раз, в отличие от вашего, мы прибыли на место заранее. Это нормально. Клиент, как вы заметили, был еще жив, или, по-вашему – при смерти. Его жена, вы помните, старалась вести себя тихо, боясь даже слабым звуком повредить покой мужа. Почему? В ее подсознание, как у каждого человека, была заложена точная модель поведения возможного спасения. Вы помните, сколько показывали часы, когда мы начали эвакуацию? Не обратили внимания? Похвально, обычно со временем расстанутся дольше. По данному часовому поясу – четырнадцать часов четырнадцать минут. Странное совпадение, не так ли?

– Если быть еще более точным, то и четырнадцать секунд.

– Если бы я не подал ей платок, она бы умерла от удушья...

Некто взглянул на Напарника, после чего они вдвоем, как после отхода транспорта, внимательно посмотрели на Старика и Некто вновь заговорил, сменив менторский тон удивленно-заинтересованным.

– Вы и это знаете?

– Не знаю. Я почувствовал: если ничего не сделать, она может умереть.

– Верно, события должны были развиваться именно так. Если бы он пережил четырнадцатую минуту четырнадцатого часа четырнадцатого числа – остался бы жить.

– Выходит, я явился причиной его смерти? – на Старика было жалко смотреть.

– Не вини себя, – Напарник улыбнулся, – мы зря никогда не приходим.

– Вы ангелы Смерти?

– Нет... мы – эвакуаторы, но об этом позже. Мы всегда там, где нужна *наша* помощь.

– Значит, если бы он остался жив, умерла бы она?

Некто медленно перевел взгляд с Напарника на Старика, и этот взгляд не понравился его товарищу: в нем, где-то глубоко-глубоко, он заметил человеческое сочувствие.

– Не обязательно...

– Но ведь вы сами только что сказали: вы *просто так* в гости не ходите.

– Покажи ему.

Некто поднял руку ладонью вверх под определенным градусом, и на середине комнаты образовался трехмерный экран с восемью точками по углам. Появилось изображение.

Глава шестая

Большой Совет

Ранним утром в палату зашел доктор. Датчики, подключенные к сержанту, по-прежнему фиксировали нестабильное состояние. Интересно, что он там видит и

видит ли вообще? Врач внимательно посмотрел на тяжело дышащего больного и, не найдя ничего утешительного, вышел из палаты. В это время веки Горелого задрожали, чуть приоткрывшись, а приборы показали повышение артериального давления. Пульс участился, и сердце сержанта забилося в такт видимым в забытьи событиям...

* * *

В оранжерее было темно и тихо: густые кроны деревьев не пропускали слабый, мерцающий свет. Ни звук, ни шорох, ни дуновение ветра, ничто не нарушало покой окутанного ароматом цветущего сада. Лишь издалека доносился плоский звук разбивающихся о каменные плиты капель.

Тишину нарушило легкое шуршание крыльев – Агнелиус расправил их и тут же сложил, услышав за спиной четкие шаги. В таких же удобных, как у Агнелиуса, но более насыщенного серо-голубого цвета, латах, из конца аллеи уверенной походкой двигался высокий мужчина. Зачесанные назад светлые, волнистые волосы покрывали плечи, сливаясь с блестящим оперением светлых крыльев. При виде Агнелиуса красивое открытое лицо незнакомца озарилось улыбкой.

– Я рад тебе, Агнелиус, – светловолосый обнял товарища.

– Я тоже, – тот коротко принял объятия.

– Зачем меня вызвали?

– Тебе не сообщили причину?

– Нет. Я, как обычно, получил приказ явиться, без всяких объяснений. Поэтому и спрашиваю: что случилось?

– Я не знаю...

Воин внимательно посмотрел на собеседника, затем отдельно, выделяя каждое слово, произнес:

– Агнелиус, ты знаешь.

– Я знаю?

– Агнелиус, – тон Воина смягчился, – ты знаешь все, включая мою нелюбовь к загадкам и тайнам. Прошу тебя, говори прямо.

– Тебе хотят предложить должность Главного Смотрителя Среднего Поля.

– Мне? Интересно... Почему? Не прошло и двадцати слокций, как я получил назначение в созвездие Пятого Поля.

– Повторяю, тебе предложат остаться здесь. Но, мне кажется, это проверка.

– Меня в чем-то подозревают?

– Ты знаешь, я друг тебе, и не раз доказал дружбу делом. Но сейчас не могу ничего сказать. Не потому, что боюсь или не хочу, я просто не все понимаю. Но как друг скажу – откажись. Три раза тебе предложат эту должность и три раза ты должен отказаться. Если дашь согласие, Стражники получат подтверждение своим сомнениям, и у них появится повод... Тебе пора.

– Нет уж, договаривай. Какой повод получают наши вечные друзья?

– Стражники уверены – ты готовишься захватить власть, поэтому будут предлагать тебе ее сами.

– Абсурд. Если я приму их предложение, то и так получу власть, большую, чем есть у меня сейчас.

– Да. Но это будет власть, которую можно контролировать. А ты, по их мнению, хочешь захватить всю власть. Как в Пятом Поле.

– Там нет моей власти. Я лишь проводник воли Центрального Поля.

– Откажись. Я все сказал. Скоро Совет – готовься.

Воин поднял крылья, но помедлил прятаться в них.

– Спасибо за предупреждение, но возвращаться в мои планы не входило.

Агнелиус выдержал долгий, испытующий взгляд друга и улыбнулся:

– Тебе действительно пора, увидимся на Совете.

...Сержант видел все происходящее как бы сверху. Он был уверен: встретившиеся «друзья» не догадываются о его присутствии, но очень боялся выдать себя. Темноволосый устроил западню, а старый Учитель уверен в их дружбе. Хорош друг! Но как предупредить Воина? От невозможности действовать и ощущения своей беспомощности заныло сердце, и стало резко не хватать воздуха...

– Ты предложил ему вернуться? – вопрос, заданный мягким тоном, прозвучал внезапно и потому напугал. Агнелиус резко повернул голову в направлении спрашивающего, но в саду никого не было. Лишь огромное зеркало, как и все в этом удивительном месте, покачивалось в воздухе, отражая деревья, розовые кусты и самого Агнелиуса в потускневших латах и ставших темно-серыми крыльях.

– Ты предложил ему вернуться в Пятое Поле, – повторило зеркальное отражение вопрос с утвердительной интонацией.

- Он сам не хочет остаться.
- Почему?
- Он не говорит...
- Даже другу?
- Мы... всегда были больше друзьями.
- Когда он спас тебя от мечей Стражников, ты считал его другом. Почему ты не хочешь, чтобы он стал Главным Смотрителем?
- Воин всегда стремился к самостоятельности, он непредсказуем, поэтому его действия опасны.
- А разве ты не стремишься к самостоятельности и независимости?
- Стремлюсь! Но я спокоен и рассудителен, и смогу принести больше пользы, готовый идти на компромисс. Я смогу достичь цели убеждением, а не мечом!
- Не обманывай себя, Агнелиус. Дело не в пользе. Ты завидуешь, и поэтому посоветовал другу отказаться...
- Нет. Нет, нет и нет! Я хорошо его знаю. Он хочет власти, он любит власть! У него неограниченная власть в Пятом Поле!
- Посоветовал отказаться не один, а три раза, хотя прекрасно знаешь – тройной отказ расценивается как прямое неподчинение Совету. И тогда...
- И тогда он вернется к своей работе, которая стала так ему дорога, продолжив эксперимент в Пятом Поле...
- А его команда? Что будет с ними?
- Я не знаю...
- Ты не знаешь? – слова, прозвучавшие из зеркала, заставили вздрогнуть. Они почти полностью повторили

слова Воина но, главное, были произнесены с той же интонацией, – Агнелиус, ты – знаешь!

– Знаю, – очень тихо, одними губами, ответил изменивший сам себе ангел.

– Но это жестоко. Своих мы еще никогда не нуждали делать эту работу.

– Ее тоже надо кому-то выполнять.

* * *

Чем меньше капле оставалось в сосуде, тем, казалось, они громче разбивались о каменную плиту, наполняя гулким эхом пространство вокруг. С ударом последней все пришло в движение: бесчисленное количество разноцветных огней и волшебных музыкальных звуков разлилось по оранжерее, которая неузнаваемо преобразилась, обретя торжественно-официальный вид. Параллельно центральному проходу высветились тридцать колонн, по пятнадцать с каждой стороны. Берущие начало в темной бездне и уходящие в космические высоты, они были огромны: не было видно ни основания, ни вершин – казалось, колонны, как и всё здесь, величественно парят в пространстве. Между колонн, переливаясь сотнями оттенков, образовался подковообразный помост с каменными ступеньками, уходящими вниз к мозаичному полу центрального прохода. На закругленной части помоста одиноко стояло кресло с высокой прямой спинкой – место принявшего Власть.

В кульминационный момент звучания колонны раскрылись. Из правых вышли облаченные в темно-красно-золотые латы ангелы, из-за плеч которых, переливаясь множеством оттенков, виднелись бордовые крылья. Из левых – ангелы в серебряных латах с серо-

синими крыльями за спиной. В момент, когда члены Совета заняли свои места на помосте, створки колонн распахнулись шире, соприкоснувшись краями, образовав стены, переходящие в величественные своды великолепного дворца.

Старший Стражник и Учитель подошли к креслу.

— Мы вновь встретились. — Стражник учтиво наклонил голову.

— Это задумано не нами.

— Главное — этого нельзя изменить.

— Процедуры по всем вопросам согласованы. У вас есть возражения?

— Нет.

— Регламент передачи власти соблюден?

— Полностью.

Учитель отошел к Хранителям, оставив Стражника возле кресла, который не спешил его занимать. Хотя для передачи власти все было исполнено, оставался один важный вопрос — выборы Главного Смотрителя Среднего Поля.

Среднее Поле являло из себя место всех начинаний. Именно здесь велась активная деятельность и была сосредоточена власть, решения которой беспрекословно выполнялись повсюду. Выше стояло лишь закрытое, Центральное Поле, недоступное для многих членов Совета и, тем более, для населяющих Среднее и Дальние Поля. Поэтому должность Главного Смотрителя являлась важной и значимой: он координировал принятие решений по спорным вопросам, нес ответственность за происходящее во всех Полях, при этом имея доступ в закрытое Центральное Поле.

Правила не позволяли выбирать на эту должность одного из клана принимающих власть, поэтому Смотрителем назначался представитель из противоположной стороны или приглашенный извне. Сейчас равновесие балансировало на грани: прежнего Смотрителя внезапно отозвали, а среди Хранителей не нашлось достаточно подготовленного к этой работе. В истории Полей случались моменты, когда назначение на эту должность откладывалось, но происходило это крайне редко, в исключительных случаях.

Учитель выжидал. В любом диалоге последнее слово остается за тем, кто проявит больше выдержки – первый ход редко приводит к победе. Стражник тоже не хотел начинать разговор. Он давно выбрал кандидатуру на роль Главного Смотрителя, рассчитывая на это место назначить родного себе по крови, но воспитанного Хранителями, впитавшего их культуру и традиции, ангела. Тогда... тогда произойдет то, что никогда не происходило раньше, но всегда было возможно, при определенном стечении обстоятельств, ибо ничего невозможного нет вообще. И сейчас обстоятельства на нашей стороне. Ведь это так просто, стоит лишь чуть-чуть нарушить баланс, и Хранители не вернутся к управлению никогда. Всё зависит от одного ангела, который даже не знает, кем является и какому событию будет причиной. Всё зависит от его решения, и этот глупый эксперимент в Пятом Поле будет забыт. Придумали же в Центральном Поле опыт – увеличение энергии путем очищения души испытаниями. Нет, нельзя этого допустить, иначе Хранители так пополнят свои ряды – нам и места не останется в Совете. Нельзя. Надо оттеснить их в дальние Поля, а затем... их

попросту забудут. Их просто не будет. Среднее Поле станет Главным. И Стражники получают всё, навсегда. А для этого...

Незаметно для себя Старший Стражник произнес:

– Нам надо выбрать Главного Смотрителя Среднего Поля.

– Надо, – улыбнувшись, ответил Учитель.

Странные создания: претендуют на господство, тогда как не в состоянии контролировать даже собственную мысль.

– Надо, и мы готовы рассмотреть предложенную кандидатуру. Для этого и собрался Большой Совет.

Старший Стражник понял ошибку, но поздно. Теперь он должен предложить кандидатуру. А первая обычно не проходит. Переиграл меня Учитель, но ничего. Эту кандидатуру вы не ожидаете услышать от нас, и поэтому проголосуете «за», ведь вы его считаете своим. Он и сам так считает. Да и другой кандидатуры у вас просто нет.

– Предлагаем на должность Главного Смотрителя Среднего Поля, для сохранения баланса сил и равновесия во всех Полях, назначить одного из самых достойных среди нас – Воина, из клана Хранителей!

Хранители не ожидали услышать от Стражников кандидатуру из своего лагеря. Но неожиданней всего это прозвучало для Агнелиуса. Он был уверен – кандидатуру Воина предложит Учитель, а Стражники отвергнут ее. Он посмотрел на Старшего Стражника, затем на Учителя, и смутная догадка промелькнула в его сознании.

– Прошу пригласить Воина.

Глава седьмая

Причина и следствие

Трехмерный экран, точнее – куб, образованный в пространстве с помощью стаксиса, светился восемью точками по углам.

– Вы правы, мы так просто в гости не ходим, все-му есть причинно-следственная связь, и возникает она не на пустом месте, ибо все предопределено.

Стены качнулись из стороны в сторону, искривив пространство вокруг Старика. Затем вся действительность, включая и мебель, и оклеенные дорогими обоями стены, и потолок с модным разноцветным плафоном, все это каким-то чудесным образом проникло друг в друга, смешавшись в одну картину, которая начала плавно стекать в трехмерный экран, как стекают со стекла смываемые водой акварельные краски. Последнее, что успел заметить Старик в прежней обстановке – обращенный на себя ироничный взгляд Некто. Паркетный пол ушел из-под ног, Старик непроизвольно дернулся, стараясь не потерять опору, но, как ни странно, ноги прочно стояли на твердой поверхности, только пол на этой поверхности был искусно выложен дорогой древесиной различных сортов.

* * *

Парадный зал дворца Фонтенбло, казалось, светился золотом: майский солнечный свет, проходя сквозь высокие оконные проемы, проникал внутрь, играя на резном деревянном потолке, стенах, выступах и нишах, украшенных изысканными гобеленами и фресками с изображением сцен королевской охоты.

На застеленном коврами возвышении стоял обтянутый темно- синим бархатом, окаймленным бахромой позолоченных нитей, трон. Его высокую спинку украшал вышитый золотой нитью королевский вензель – множество лилий, как символ власти, доставшийся Валуа от своих предшественников – династии Капетингов. В ожидании королевского выхода тихо переговаривались придворные.

– Превосходные гобелены, не находите?

– Да... И почти на каждом изображена богиня охоты Диана.

– Тише! Только посвященные знают истинную причину.

– Так Генрих подчеркивает свою любовь к Диане де Пуатье.

– Тише, господа, тише! Разве это должно нас волновать сейчас, когда в стране происходят такие события?

– О каких событиях вы говорите?

– Как?! А то, что лионцы живут лучше всех, этого вам мало?

– Вы абсолютно правы! После тех милостей, которыми их осыпал король, они стали не только богаче всех нас, они...

– Они скоро превратят свои ярмарки в новую забаву Генриха, он забудет и турниры, и охоту, и походы...

– И свой священный долг – борьбу с гугенотами!

– Господа, не драматизируйте положение. Лион всегда будет только Лионом, а Париж – Парижем. И Двор всегда будет там, где мы, а значит, и наша власть, – вступил в беседу герцог де Гиз.

– Вы как всегда правы, герцог, но как же нам быть? Власти без средств не бывает.

– Мы, по возможности, в меру своих скромных сил, стараемся влиять на политику короля...

Тяжелая портьера в глубине зала откинулась, прервав разговоры. Энергичный Генрих Второй вошел в залу вместе со своим побочным братом – графом Ангуленским. Иронично оглядев склонившихся в низком поклоне поданных, он посмотрел на своего спутника и спросил:

– Странно, сегодня герцог Анжуйский склонился ниже обычного, ты не находишь?

– Сир, не дайте себя обмануть! Почтение к вам не зависит от низости той или иной позы. Скорее всего, глубина поклона вызвана чем-то другим.

– Чем же?

– Ну, допустим, тяжестью кошелька его обладателя.

– Тяжесть кошелька его обладателя? В то время, когда казна пуста из-за Испанской войны?

– Есть и другие способы пополнить свой карман. Скажем, ввести в Анжу новый налог.

– Да? На что?

– Например, на владение домашней птицей.

– Ты шутишь?

– Вполне серьезно. Ваше дворянство жалуется на недостаток средств.

– Но ведь мы выплачиваем дворянам огромные жалованья.

– И жалованья, и пенсии, и денежные подарки, и многое-многое другое! И, тем не менее, двор продолжает утверждать, что из-за скудости средств не может показать себя в полный рост!

Король засмеялся:

– Так пусть распрямятся!

– Сир, боюсь, это невозможно по причине избытка средств. Полученные налоги тянут вниз.

– Ты прав, мой друг. Деньги всегда низость. Хорошо, господа! Довольно поклонов, приветствий и, – король обратил взгляд своих красивых, с поволокой, глаз на брата, – колкостей. Я рад сегодня видеть вас всех.

Тихий вздох облегчения легким ветерком пронесся по застывшим в почтительном поклоне рядам. Исполнив заключительные реверансы, распрямившись, придворные показали королю свои лица, озаренные умильными, готовыми ко всему улыбками. Лишь герцог Анжуйский распрямялся медленнее обычного, стараясь как можно позже встретиться взглядом с королем – будучи мастером придворных игр, в этот раз он еле сдерживал обиду.

* * *

– Странно, – пожал плечами Некто, – вы до сих пор не можете привыкнуть к своему новому состоянию, ища опору при каждом перемещении.

– Мне трудно привыкнуть к уверенному состоянию без опоры. Где мы?

– В одном из любопытных мест человеческой истории. Наглядный пример.

– Что здесь должно произойти, очередная эвакуация?

– Здесь – нет. Эвакуация будет чуть позже, через пятьдесят шесть лет. Но ведь вы хотели узнать причинно-следственную связь, так, кажется, у вас это называется

ся? Поэтому мы решили показать вначале причину, а затем – следствие. Смотрите внимательно. Сейчас вам приоткроется одна из многочисленных загадок Франции.

Аудиенция подходила к концу, когда Франсуа де Гиз решился подать прошение парижан о расширении переулка де Ла Ферронри, передав королю на рассмотрение прошение старосты ремесленников, проживающих на этой улице.

– Теперь деньги стали просить и ремесленники? – продолговатое лицо Генриха еще больше вытянулось, превратившись в сплошную страдальческую гримасу. – Мои бедные подданные, у них всегда нет средств, и, тем не менее, все они богаче меня. Почему, ну, почему мы должны решать такие скучные вопросы?

– Позволю заметить, Ваше Величество, речь не о деньгах.

– Тогда о чем? – король заинтересованно посмотрел в сторону де Гиза.

– Ремесленники просят расширить улицу Ферронри. Население города растет, мануфактуры расширяются, передвижение по улицам становится затруднительным. В карете стало просто невозможно проехать...

– Я смотрю, растет не только население, но и его благосостояние?

– Государь, все это происходит лишь благодаря вашей неустанной заботе о ваших подданных.

– А кто будет заботиться обо мне?!

– Сир, – голос де Гиза дрогнул, – Вы – помазанник Божий!

– Хорошо! Сего дня, четырнадцатого мая одна тысяча пятьсот пятьдесят четвертого года от Рождества

Христова, волею, данной мне Господом нашим, повелеваю названный переулок Ферронри расширить до необходимых размеров. И все на этом! – Король резко встал, придворные склонились в прощальном поклоне. Заходя за откинутый пажом полог, Генрих обернулся, остановив взгляд на герцоге Анжуйском.

Усмехнувшись про себя, король тихо, с несвойственной ему мягкой интонацией, произнес:

– Господа, я хочу, чтобы за исполнением этого указа проследил наш брат – герцог Анжуйский.

С каждым словом голос короля звучал глуше и тише. Но последние слова Старик услышал четко и запомнил хорошо. Тяжелая портьера в глубине зала опустилась, и в это же время душный воздух закрытого помещения наполнился легким ветерком майской ночи. Ветер подхватил Старика и Некто, унося куда-то вперед по слабо освещенному тоннелю.

– Куда мы летим?

– Недалеко. Правда, мы никуда не летим. Это время летит сквозь нас.

– Время?

– Да, ваше время. Нам надо быть... почти рядом, в тот же месяц и число, но на пятьдесят шесть лет позже. Как вы поняли – мы движемся от причины к следствию.

– Причина – улица?

– По правде говоря, причина – король, вернее, его поведение. Ну, как знать, не затей он этого разговора, может, и не обиделся бы герцог Анжуйский. Не обиделся бы герцог – выполнил приказ короля: проследил за расширением злосчастного переуллка. К чему при всех надо было унижать герцога? Поручил бы кому-нибудь

другому. И, возможно, ход истории пошел бы по более широкой улице. Хотя... хотя причина, конечно же, в другом. Настоящая причина... а вот и улица.

– Чем же она знаменита?

– Увидите.

Глава восьмая

Загадочное число

Тишину спящего города охраняли гулкие шаги ночного дозора. Майская ночь выдалась темной: тучи, гонимые ветром, изредка освобождали из плена почти полную луну, и тогда в ее тусклом свете по стенам домов проплывали причудливые тени двадцати гвардейцев, браво вышагивающих по безлюдным улочкам в длинных плащах поверх кирас, вооруженных алебардами и длинными рапирами. Войдя на улицу Сент-Антуан, первая стража услышала доносившийся с набережной дробный стук копыт небольшого отряда. Вглядываясь в темноту ночи, воины скорее слышали, чем увидели: всадники повернули с набережной в их сторону и, поравнявшись с ночной стражей, остановились. В свете факелов офицер–швейцарец узнал короля в окружении свиты, приказав сомкнуть ряды и принять на караул.

– Ваше Величество, ночной дозор несет первое отделение роты гвардейцев... – громогласно начал молодой швейцарец, но король нетерпеливым жестом остановил доклад.

– Тише, тише, любезный, вы разбудите пол-Парижа.

Дальнейшие слова застряли в горле сконфузившегося гвардейца.

– Ночь без происшествий?

– Пока все тихо, сир, – шепотом ответил он.

– Вот и славно, вот и хорошо. Продолжайте в том же духе.

Свита улыбнулась, а тишину ночи потревожил первый удар часов Сент-Жерменского аббатства. От внезапного звука породистый конь вздрогнул и «затанцевал», нетерпеливо перебирая копытами, фыркая и мотая головой.

– Полночь, – как бы про себя произнес Генрих, успокаивая жеребца.

– Так точно, сир, полночь. Теперь точно можно сказать: ночь будет тихая – наступило четырнадцатое число.

– Ты веришь в приметы?

– Да, – смущенно ответил офицер.

– Ну, ну, – хитро прищурившись, ответил Генрих, – я в твои годы верил в судьбу, и она меня до сих пор хранит. Продолжайте обход! – Он дернул поводья, но конь, громко заржав, встал на дыбы, не желая двигаться дальше. Опередившая свита закрутилась вокруг Генриха, образовав живой водоворот, а стража поспешила исполнить приказание, продолжая обход улицы Сент-Антуан. Когда отряд сворачивал на набережную, Генриху удалось успокоить коня, и он увидел, как выглянувшая из-за туч луна прощально отразилась в кирасе каждого гвардейца.

– Ваше Величество, мы должны сопровождать вас.

– Я и не против. Мы ведь едем в нашу армию, милый Виллеруа?

– Конечно, сир! Это ваше сегодняшнее, простите, уже вчерашнее решение. И я должен исполнить свой долг.

– Вот и исполняйте, а я по дороге заеду в Арсенал проведать захворавшего Сюлли. Как жаль, что он не мог присутствовать на коронации моей супруги.

– Сир, мы поедem с вами.

– Да нет нужды, Виллеруа. Ты слышал ответ стражи – сегодня уже никаких происшествий не будет – тринадцатое число ушло в историю. Я возьму с собой пятерых всадников, и через два часа мы встретимся на мосту святого Михаила.

Конь вновь нервно заходил под королем и Генрих, ласково похлопав его по шее, постарался успокоить. Направляемый рукой опытного наездника, фырка и мотая головой, тот нехотя тронулся с места в сторону Арсенала.

* * *

– Что здесь происходит? – шепотом спроси Старик.

– Вы можете думать в полный голос – нас никто не слышит. Здесь пока ничего не происходит. Вернее, происходят приготовления к главному событию.

– Сегодня вновь произойдет эвакуация?

– Дорогой клиент, вы говорите об этом действии, как о чем-то страшном и мучительном, тогда как сами на себе испытали благо этого процесса. Скажите, разве вы не избавились от боли, не обрели небывалую легкость и подвижность? Наконец, разве вы не приобрели всевозможные сверхчеловеческие качества?

– Наверное, вы правы, но я все равно воспринимаю это как лишение жизни.

– Да что есть ваша жизнь? И вообще, что вы называете жизнью? Это жалкое существование в течение смехотворно короткого отрезка времени, когда большинство из людей даже не успевают ни осознать, ни вспомнить, зачем им было дано очередное воплощение? Ведь вы практически все постоянно мучаетесь одним и тем же вопросом в различных вариантах: зачем я живу? А ответ так очевиден...

– И вы его знаете?

– Мы? Мы – знаем, зачем вы живете.

– Зачем?

– За смертью.

– Значит, смерть все-таки есть.

– Смерть, смерть, смерть. Тысячи лет вы твердите об этом. Вы даже придумали образ этой самой вашей смерти – костлявой старухи с косой. При этом почему-то изображаете ее в виде скелета обязательно в длинном темном плаще с капюшоном. Но если она смерть, как же она у вас ходит, движется, перемещается? Как она действует?

– Ну, это аллегория.

– Бросьте, мой дорогой коллега-клиент. Какая аллегория?! То, что может двигаться, не может быть мертвым.

– А мы и не утверждаем, что смерть мертва.

– Значит, по-вашему, смерть живая? Вот вы и ответили на свой вопрос – смерти нет, есть ваши фантазии и... различные формы жизни.

– Но ведь жизнь заканчивается. Вы сами сказали: земной век ограничен отрезком времени в семьдесят, максимум восемьдесят лет. Есть, конечно, долгожители, но и они имеют свой срок. Выходит, вы противоречите сами себе.

– Никакого противоречия. Просто, повторяю, есть разные формы жизни. Хорошо. Я попытаюсь объяснить по-другому. Ваше человечество, сколько я помню, всегда стояло перед дилеммой – одни ли вы во Вселенной.

– Иными словами – есть ли жизнь на Марсе?

– Вульгарно, но, по сути, верно. С полной уверенностью могу утверждать – на Марсе...

В это время луна на мгновение освободилась от окружавших ее туч, осветив землю. Старик заинтересованно посмотрел вниз, предупредительно выставив вперед правую руку, попросив Некто прервать рассуждения по столь интересному вопросу, желая не пропустить интересные картины прошлого.

Небо, затянутое плотными облаками, казалось, стало ниже, приблизившись к земле. Вдалеке по набережной направлялся к Лувру второй дозор ночной стражи. Отряд находился на почтительном расстоянии: до Старика не доносилось ни звука шагов, ни звона оружия, ни шороха грубых солдатских плащей. Город опустел, погрузившись в полную тишину, лишь изредка слышались звуки выплескиваемого из окон содержимого ночного горшка, да антимузыкальные посапывания не в меру «откушавшего» вина горожанина вылетали в открытое окно одного из узких домов напротив, тревожа сон соседей. В остальном последняя ночь победителя Лиги, Генриха из Наварры, выдалась на редкость спокойной и

благостной, будто Кто-то свыше одарил его прощальным подарком за безумно хлопотную, беспокойную жизнь, но подарком мимолетным и безжалостно коротким.

– Я смотрю, вы увлеклись происходящим. Не спешите, еще не время. События стремительно начнут разворачиваться позже, после грозы. А вот и первые капли...

Тяжелые капли нехотя упали на землю. Раз, два...

– Советую укрыться под карнизом. Гроза нам не страшна, но уютнее наблюдать за ней со стороны. Потопитесь, сейчас начнется...

Потоки воды, дарованные с неба, обрушились обильным, но коротким ливнем, который закончился так же внезапно, как и начался: прощальные капли лениво, догоняя собратьев, упали на мостовую, завершив очищение города от нечистот, омыв живительной влагой, освежив воздух.

– Займите место чуть выше: будет лучше видно, – Некто удобно устроился на мокром оконном карнизе третьего этажа. Старик, вполне освоившись с новым способом перемещения, тоже поднялся выше. Не успел он основательно расположиться на черепичной крыше, как, предвещая утреннюю зарю, заголосили петухи, на разные лады защибетали в густой листве птицы, и в сером предрассветном тумане появились на узкой улочке ранние прохожие: грудастые селянки с бидонами парного молока; неопрятно одетые точильщики ножей; разносчики овощей, хлеба и разные подмастерья – те, кто был вынужден каждый день своим трудом зарабатывать на хлеб насущный в стране доброго короля Арни. Улица оживала. Казалось, ничего примечательного и, тем бо-

лее, страшного, в этот ясный, после ночной грозы, день не может произойти. Старик смотрел на мирную картину в замешательстве и недоумении.

– Вы не туда смотрите, друг мой. Это ваша общечеловеческая ошибка – смотреть себе под ноги. Кстати, на этом погорит и наш венценосный сатир. Посмотрите хоть раз чуть-чуть дальше: вглубь улицы, где её перегородила большая повозка. Видите, с противоположной стороны к ней приближается королевская карета.

– Он сейчас разобьется?

– Нет, это ему не грозит – у Генриха опытный возничий, – смотрите на...

В тени дома, рядом с перегородившей улицу телегой, появилась прикрывающаяся коротким плащом плотная фигура. Старик, было, дернулся вниз, предупредить: «Засада!», но Некто иронично возразил:

– Не надо. Мы здесь гости, к тому же все это произошло пятьсот лет назад. Расслабьтесь и смотрите, как фильм.

Наделенный особым чутьем с рождения, Генрих почувствовал опасность. Он выглянул в окно кареты, желая приказать кучеру свернуть вправо... – поздно. Лошади, налетев на деревянные дуги телеги, заржали от неожиданной боли, встав на дыбы. Кучер, пытаясь удержать равновесие, охаживая хлыстом взмыленные спины лошадей, запутался в длинной ливрее и, отпустив поводья, спрыгнул с козел. Воспользовавшись суматохой, плотный человек вскочил на подножку кареты, ударив беззащитного короля ножом.

– Я ранен? – с удивлением воскликнул Генрих.

Старик смотрел на происходящее, как во сне. Впоследствии он понял – события разворачивались стремительно, молниеносно, заняв не более минуты. Но в то утро, куда он был перенесен волею Некто, ему казалось, действие происходит медленно и можно что-то сделать, и времени для спасения короля достаточно, и все еще может закончиться благополучно.

Убийца нанес повторный удар. Кровь хлынула из раны. Генрих попытался крикнуть, но из-за рассеченной аорты и пронзенного легкого лишь громкий свист вылетел из груди, наткнувшись на третий удар.

Охрана, расталкивая людей на узкой улице, пробивалась к месту трагедии. Нападавший резко вытащил нож из тела короля, увлекая его на себя. Король упал на колени, с каким-то сожалением посмотрев на убийцу. Приближенные суетливо спешили, стараясь броситься на помощь, но в нервном напряжении их лошади ходили ходуном, вставая на дыбы, перегораживая путь в тесном переулке Ферронри, где не было места не то, что для боя, для элементарного разворота. Шум и гвалт пронзил улицу. Горожане выбегали из домов, мастерских и харчевен. Кто-то держал убийцу на острие рапиры, кто-то разводил лошадей, другие склонились над упавшим монархом, спеша оказать помощь, но Генрих слабо возразил:

– Не надо, – невнятно сказал он на выдохе, и что-то засвистело и захрипело в его груди, – бесполезно, он попал в сердце.

В стороне солдаты и горожане избивали Равальяка, молодой дворянин в беспомощности бил ладонью по крупу своей лошади не стыдясь текущих по безумному

лицу слез, стоявшие вокруг женщины причитали, вознося руки к небу.

«Я и не думал, что умирать придется в такой суете», – это была последняя мысль, промелькнувшая в голове Генриха IV, первого французского короля из рода Бурбонов.

Ослепительная молния разбила небо на куски, и вслед за ней оглушительный раскат грома заставил всех, оказавшихся в злополучном переулке, присесть, освящая себя крестным знаменем. Ливень хлынул стремительно: потоки воды, слезы горожан, кровь избитого убийцы, уличная грязь и нечистоты смешивались на мостовой с королевской кровью, равняя и объединяя всех живущих на этой земле.

* * *

– Вот и следствие, которое тоже станет причиной следующих событий. Кстати, вы заметили, какое интересное число четырнадцать?

– Дата?

– Нет, именно число. С ним связано столько событий во французском дворе! Вот хотя бы несколько примеров: четырнадцатого декабря одна тысяча пятьсот пятьдесят третьего года, или в четырнадцатом веке, четырнадцатой декаде и четырнадцатом году после рождения Христа родился Генрих Четвертый, кстати, цифры даты 1553, сложенные вместе, тоже дают число четырнадцать! А четырнадцатого мая Генрих Второй – крестный отец заколотого на ваших глазах короля, как мы помним, подписал указ о расширении знакомой вам улицы. И этот указ, в свою очередь, не был выполнен, из-за чего узость злополучной улицы способствовала убий-

ству, которое произошло спустя пятьдесят шесть лет, т.е. четыре умноженное на те же четырнадцать! Пойдем дальше? Пожалуйста. В тысяча пятьсот пятьдесят втором году, опять же четырнадцатого мая родилась первая жена Генриха – Маргарита Валуа, больше известная как королева Марго. Мало того! Четырнадцатого мая, но уже тысяча шестьсот сорок третьего года умрет его сын – Людовик Тринадцатый, и цифры года его смерти, сложенные вместе, дадут то же число – четырнадцать! И это далеко не полный список!

– Что вы хотите этим сказать?

– Надеюсь, вы не станете выдвигать версию о простых совпадениях? Спасибо. Это было предопределено! Даже действия Генриха Второго, вне его воли, зависели от того, какую судьбу уже выбрал его крестный сын!

– Вы хотите сказать, от человека ничего не зависит? И все мы стоим на месте и ждем предопределенных кем-то событий?

– Почему кем-то? Вами.

– Но мы можем изменить ситуацию, решать, действовать, двигаться вперед!

– А вы думаете, человек куда-то движется? – вяло спросил Некто.

– Думаю, да.

– Нет. Человек стоит на месте. Двигутся его мысли. И волею их он оказывается в разных местах и обстоятельствах.

– Вы хотите сказать, мысль притягивает нечто, меняющее нашу жизнь?

– Вопрос не достойный вас. Конечно, меняет. Или вы верите в постулат «бытие определяет сознание»? Мне казалось, вы приверженец другой теории.

– А как же время. Ведь мы тоже движемся в нем.

– Времени нет. Это вы его придумали. Ответьте, вы можете представить марсианина с часами?

– Я вообще марсианина представить не могу.

– Вот! Не можете вообразить простого марсианина, а хотите поместить его в свое время. А он свободен: перемещается, куда и когда захочет. И ему ваши часы не нужны.

– Вы пытаетесь запутать меня: часы и время – разные вещи. Представьте, пропали все часы. Но время не остановится. День сменится ночью, прилив отливом, зима – весной...

– Это не время, это явления и времена года.

– Хорошо. Но мы не застынем на месте. Наша жизнь будет идти вперед.

– Почему вы думаете, что идете вперед? Странная логика. Вся ваша жизнь заканчивается одним – смертью. Ее вы называете концом. Но всю жизнь идете вперед. Идете вперед, а там – конец. Может, вы идете назад?

– Согласен, вы поймали меня. Но и в ваших рассуждениях есть подвох. Мы идем. Значит, не стоим на месте: меняемся, стареем, в конце концов. А это уже временной процесс.

– Мы сейчас где?

– Не знаю.

– А сколько времени мы говорим?

– Минут десять, пятнадцать.

– Помните, когда мы начали?

- Да. В четырнадцать часов пятнадцать минут.
- Взгляните на часы. Без пяти два.
- Это ваши фокусы. Я не знаю, как вы это делаете, но это фокусы.
- Это реальность. Просто мы переместились в другое пространство.
- Значит, наш разговор еще не состоялся, хотя мы оба прекрасно помним каждое слово?
- В том пространстве, откуда мы переместились – нет. Здесь – да.
- Иными словами, есть место, где наш разговор состоялся очень давно?
- Наконец-то вы начали вспоминать.
- Я только высказал предположение.
- Очень верное... и оно меня порадовало. Значит, сказанное на эвакуаторе – правда.
- Выходит, в том пространстве Артур еще жив?
- В том – да.
- И мы можем вернуться туда?
- Мы и так там.
- Я понимаю, вернее, я совсем этого не понимаю, но там мы – другие. А мы, те, кто говорит здесь и сейчас, можем туда вернуться?
- Нет, это значит изменить время.
- Но времени нет. Давайте вернемся в другое пространство.
- Мы уже и так там!
- Хорошо, а сколько может быть таких пространств?
- Да сколько хотите! Великое множество. Но исход всегда один – будет так, как предопределено.

– Кем?

– Вами. И только вами. Вы обо всем договорились заранее, знаете ответы на все загадки и вопросы, ибо сами себе их и задали. У вас нет нерешенных проблем, кроме одной – вы не помните, о чем договорились Там! Ибо здесь, на земле, включается ваша дуальность. Но, поверьте, ничего не может произойти без вашего согласия.

– А могу я договориться здесь – вернуться туда?

– Зачем?

– Хочу посмотреть, что бы произошло, не подай я платок.

– Не прояви участие, вы это хотите сказать?

– Пусть будет так.

– В записи вариант устроит?

– Нет. Только «вживую».

Некто загадочно улыбнулся. Теплая волна поднялась по груди Старика, комом встав в горле: что-то до боли знакомое вспомнилось в этой улыбке. Где и когда он встречал этот прямой взгляд пронзительных глаз?

– Хорошо, возвращаемся!

* * *

В комнате было так же темно и тихо, казалось, они не покидали ее: Артур лежал на кровати, Лиза, в такт своим мыслям, мерно раскачивалась на стуле.

С чего все началось? Почему здоровый человек в расцвете лет заболел, да так, что стал увядать и гаснуть, совершенно потеряв интерес к жизни. Неужели на него так повлияло решение того экспертного совета? Но жизнь на том не кончилась... Когда мы познакомились,

он был жизнерадостный, заводной... Даже не верится, прошло всего восемнадцать лет.

По мере погружения в прошлое мысли, сумбурно крутящиеся в голове, упорядочились, дыхание стало ровнее, вернулось спокойствие.

Будто вчера это было...

Глава девятая

Воспоминания

Лиза Веревкина с детства мечтала стать архитектором: проектировать необычные дома. Даже не дома, а новую среду обитания – вот о чем мечтала выпускница обычной средней школы. Любимыми предметами у Лизы были черчение, история и география. Она погружалась в историческую эпоху той или иной страны, читая книги, находя информацию в библиотеках и, переосмыслив полученные знания, создавала свою реальность. Порой эта реальность оказывалась настолько необычной, свежей и неординарной, что учитель рисования – Виталий Петрович Игольников, просматривая Лизины эскизы, удивлялся, пожимая плечами: откуда молодая девушка черпает вдохновение и как ей на ум приходят такие парадоксальные решения? Все проекты, нанесенные Лизой в альбом или на ватман, имели закругленные, перетекающие друг в друга формы, и совершенно, по мнению учителя, не были пригодны к воплощению.

– Почему ты придаешь зданиям такие формы? Этого никто никогда не сможет построить! Даже если вообразить, что они кого-нибудь заинтересуют, ни один из твоих проектов не пройдет ГОСТ!

- Ну и что? А мне нравится!
- Да пойми ты, голова садовая, мне тоже много чего нравится! Но есть правила, и не тебе их нарушать!
- А кому?
- Никому! Это правила! Угол дома должен быть прямым! Ты видела когда-нибудь закругленный кирпич?
- Нет, ну и что? И, кстати, не все дома строятся из кирпичей.
- Правильно, многие из панелей. Но закругленных панелей я тоже не видел!
- В Европе, Виталий Петрович, много домов из камня. А где вы видели прямоугольный камень? В природе всё разное. Дома должны быть, как природа – разными. А из какого материала их строить – время покажет.
- Ты не поступишь с такими мыслями.
- Вот мысли-то как раз можно спрятать! До поры, до времени.

Вспоминая свои перепалки с учителем, Лиза грустно улыбнулась. В те годы ни он, ни она не могли и предположить, какое развитие в ближайшее время получит стройиндустрия, какие материалы придут на смену «кирпичу» и насколько станут востребованы ее дизайн-проекты. А тогда, восемнадцать лет назад, учитель отвел ее в институт к своему бывшему однокурснику Артуру Ковальскому. Артур Борисович Лизе совершенно не понравился: «сноб»! Разговаривал свысока, даже надменно, Виталия Петровича называл рисовалкиным, на Лизу поначалу вовсе не взглянув.

– Ну-ну, и кого же вы нам привели, господин рисовалкин? Нового гения архитектуры или звезду дизайна?

– Артур, вначале посмотри Лизины работы, потом поговорим, – робко и, как показалось Лизе, стесняясь, попросил Виталий Петрович.

– А что тут смотреть? Это в корзину, это туда же.

Девушка чуть дара речи не лишилась. В какую корзину?! – хотела крикнуть, но не успела. Артур Борисович задержал взгляд на третьем эскизе, затем на четвертом, внимательно изучил пятый и, наконец, отложив их в сторону, вынул из мусорной корзины первые два.

– А девушка у вас, товарищ рисовалкин, с фантазией! Ты смотри, как интересно заполняет пространство. И линии такие свежие: не прямые, не кривые, какие-то летящие! Сколько вам лет, барышня? – Взгляд Артура Борисовича впервые за время разговора задержался на Лизе. В темно-синей юбке строгого покроя чуть выше колен, в белой блузке, облегающей хорошенькую фигурку, с двумя косичками, она была похожа на девочку-отличницу из образцового хора дворца пионеров. Лиза настороженно смотрела на Артура большими, влажными от подступившей обиды, голубыми глазами, совершенно не зная, что ожидать от заносчивого «профессора».

– Восемнадцать! А что? – нервное напряжение готово было вылиться в откровенную грубость. Но Артур уже ничего не мог ответить. Эти огромные глаза магнитом приковали его, медленно затягивая в себя. Он растворился в них и был счастлив от способности «голубой бездны» поглощать его целую вечность. В реальность вернул Виталий Петрович.

– Так как, Артур Борисович, записываешь нас на консультацию?

– Что? Ах, да... на консультацию, – Артур медленно возвращался из прекрасного мира любви, – да, да, конечно! Но только что тут консультировать? Она все делает...

– Я все делаю не так?!

– Что вы, я совсем не это хотел сказать. Вы все делаете... по-другому, по-своему. И это прекрасно.

В этот день Лиза впервые после детства возвращалась домой вприпрыжку. Она была счастлива. Не из-за того, что ее похвалили и даже не потому, что ее проекты, которые пока были просто набросками, оценили. Нет. Она прыгала и светила изнутри, потому что ее тоже посетила любовь. Хотя, если бы кто-нибудь тогда сказал ей это, Лиза рассмеялась и не поверила. Какая любовь? К этому снобу-профессору? Ну, похвалил ее работы, ну, оценил косички (зря, что ли, она весь вечер думала, как и в чем пойти на консультацию), но любовь? Нет, это что-то другое! И даже если она и войдет когда-нибудь в ее жизнь, то, первое – не скоро, и, второе – к кому-кому, но только не к этому снобу!

Общаться с Артуром оказалось интересно, познавательно и поучительно: после профессиональных замечаний исправленные эскизы приобретали черты реальных проектов. Постепенно Лиза привыкла к насмешливому тону, перестав обижаться на колкости.

– Вот что ты, деточка, хочешь сказать этим рисуночком?

– «Стадионом побед»?

– А! Это еще и стадион? А я-то, наивный, решил – убежище энтомологов. Сверху – вылитая бабочка-капустница.

– Знаете, спорт многие считают тяжелым занятием.

– Разве не так? Конечно, тяжелое. Но при чем здесь бабочка?

– При том! Все наши стадионы и спортивные сооружения построены «основательно и на века»! Поэтому в них и заниматься тяжело. А стадион должен быть парящим! Тогда в нем спортсмену и на тренировках, и на соревнованиях будет легко: он и сам не заметит, как придет к новым рекордам!

– А бабочка – символ наших новых побед?

– Ну, как вы не понимаете! Бабочка – сама легкость. Здание в форме бабочки... – Лиза осеклась и смутилась, заметив, как Артур медленно погружается в синеву ее глаз, – поэтому линия правого крыла проходит чуть выше левого.

– Хочу тебе напомнить – бабочка машет крыльями синхронно. – С этими словами «профессор» перевел взгляд на ватман, прочертив несколько быстрых линий карандашом. Статика здания, как по волшебству, ожила, приобретя легкость и полётность.

– Здорово! Как это у вас ловко получилось?

– Учись, деточка, и у тебя получится.

Экзамены пролетели быстро.

– Пришла пора расставаться, – грустно подвел черту Артур, – встретимся в сентябре. Конечно, если попадете в мою группу.

У Лизы, как при первой встрече, глаза наполнились слезами. Плакса! Вечно глаза на мокром месте.

– Вы уезжаете? – тихо спросила она.

– Нет. А вы?

– И я нет.

– Тогда мы можем, если вы не против, встретиться еще пару раз...

– Да?! – слезы мгновенно высохли и в глазах заискрились искорки. – Когда?

– А давайте сходим в кафе, отметим ваше поступление, – предложение прозвучало неожиданно, прежде всего, для самого Артура. Лиза же, напротив, быстро согласилась, будто этого и ждала.

Отношения развивались стремительно. Лиза влюбилась, что называется, по уши в молодого преподавателя. Артур водил ее на выставки, знакомил с друзьями: художниками, архитекторами. Но больше всего им нравилось быть вдвоем.

– Я знаю – ты женат. Но мне все равно! Главное, быть рядом с тобой.

– Маленький, я сразу сказал тебе: я разведусь.

Это ласковое обращение родилось после первой встречи, когда, провожая ее взглядом, он неосознанно пропел про себя фразу из детской песенки: «мой Лизочек так уж мал, так уж мал, что из листика сирени сделал зонтик он от тени...», тут же недоуменно пожав плечами: с чего бы это «мой»?

– Заметь, я не спрашиваю, когда, мне и так с тобой хорошо. Только жаль расставаться на ночь!

– Скоро все изменится.

Артур сдержал обещание, в августе подав на развод.

* * *

Когда родители узнали о связи Лизы с преподавателем института – в доме разразился скандал. Стоя посреди комнаты, уперев руки в крутые бедра, мать наговорила дочери кучу обидных слов, распаляя негодование внутри себя примерами из жизни подруг и родственников.

– Нет, ну, ты подумай! Моя дочь – потаскуха! К женатику она захотела! Да откуда ты его взяла? Посмотрите на нее – дорисовалась! Ты хоть знаешь, к чему это приведет? Вот, Верка, подружка моя, ходила, ходила так с одним, а потом? Все верила в светлое будущее! Вселил он в нее веру, надежду, любовь! А по концу – бросил! Да не одну, а с дитем! Вот что он в нее вселил! Ты хочешь мне на шею ребеночка повесить? Я не хочу, я молодая еще!

– Валя, Валь, ну, что ты говоришь? – попытался вступиться отец.

– Да я хоть что-то говорю! А ты – молчишь! Всю жизнь молчишь! Тебе премию не дают – молчишь! В отпуск зимой – молчишь! В бригады Петьку – молчишь! У тебя дочь уведут – молчишь! Домолчишься! Скоро жену уведут!

– Она уже взрослая!

– Видели мы таких взрослых! В пятнадцать лет в подоле приносили!

– Мне уже восемнадцать!

– Ой! Позвольте поблагодарить – дотерпели до совершеннолетия! Не опозорили родителей вконец! Твоя тетка всю жизнь мается! А почему? Потому что дура была молодая. Закрутил ей мозги старый хрыч! Сколько раз

ей говорила: Зина, не выходи замуж за старика! Ни к чему хорошему не приведет!

– Да Николай всего на семь лет старше твоей сестры! Какой он старый хрыч?

– О! Заговорила роща золотая! Голос подала! Ты кто? Нет, ты кто – адвокат? Как твоя фамилия – Борщевский? Вот сиди и молчи, если сказать нечего.

– Да я и молчу!

– Молчит он! Молчуны: и отец, и дочь! Полюбуйтесь, люди добрые, все тайком от матери! И что сейчас Зинка? По больницам с ним мается, вся дошла!

– Так Коля в аварию попал.

– Был бы молодой – не попал!

– Валя! Перестань!

– Перестань? Да я еще и не начинала! Вы, наверное, сговорились за моей спиной? Ты знал? Нет, скажи, ты знал, что она на свиданки к нему бегаешь?!

– Мама, прекрати, как тебе не стыдно! – душившие слезы вылились наружу.

– Мне стыдно?! Посмотрите на нее? Все соседи пальцем тычут, а мне стыдно должно быть!

Отец, в сдержанной грусти наблюдая за происходящим, наконец, не выдержал, встал и приобнял дочь.

– Ладно, Валя, успокойся. Так расшумелась, будто и впрямь уже бабушкой стала.

Хлопнув себя по бедрам, Валентина вышла из комнаты.

– А ты не реви. Слезами горю не поможешь.

– Нет у меня горя! Люблю я его! А он меня, – она повела плечами, попытавшись высвободиться из объятий отца.

– Я не про него, – тихо добавил тот, – я про мать.
Лиза улыбнулась, растирая слезы по щекам.

– Ну, пап, ты даешь.

– Я – что? Давай о тебе подумаем.

Думали основательно.

На это время мать взяла с дочери слово с Артуром не встречаться.

* * *

В комнате у Нины Ивановны было светло и просторно. Чай она сделала вкусный – в меру крепкий, с вареньем и пышными булочками, которые напекла перед приходом гостей. Валентина попросила давнюю подругу поговорить с дочерью. Никак не могла заставить Лизу забыть Артура.

– Понимаешь, она стала какой-то другой. Не пойму даже, в чем дело, – сетовала Валентина, договариваясь о встрече, – ты ей вправь мозги на место. А то вся жизнь впереди, а она ее загубить хочет.

– Приходите, поговорим.

Чай пили молча. Было неловко. Наконец, Валентина решилась.

– Лиза, мы с Ниной Ивановной посоветовались и пришли к выводу: тебе нужна помощь.

– Да, Лизонька, надо решать твою ситуацию. Давай в ней разберемся.

Нина Ивановна считалась среди подруг домашним психологом. Она всегда была готова дать дельный совет, зная ответы практически на все вопросы. Правда, жила одна, воспитывая непонятно от кого родившегося сына, но в психологии, как уверяли подруги, разбиралась.

– Кому надо? – вяло спросила Лиза.

- Лиза! Как ты себя ведешь?
- Валя, ничего страшного, ребенку сейчас тяжело. А надо, прежде всего, тебе. Сколько времени ты знаешь этого человека?
- Артура?
- Да, Артура.
- Около трех месяцев.
- Согласись, за такое короткое время узнать человека трудно.
- Мне с ним в разведку сходить?
- Да он уже один раз сходил! Ушли вдвоем, вернулись втроем – с языком!
- Валя, подожди. Хотя мать права. Мужчина всегда будет помнить свою первую женщину!
- Да, да! Это точно!
- И его всегда будет тянуть к ней! Закон природы.
- А если его ко мне тянет, а меня к нему?
- Правильно, а женщину всегда будет тянуть к первому мужчине.
- Господи! Так вы уже переспали!
- Валя, успокойся.
- Мама, что ты говоришь! Меня к нему просто тянет.
- Доча, тебя не подташнивает? Может ты уже беременная?
- Да не было у нас ничего. Слышишь, не было!
- Подожди, Валя. Речь о другом. Понимаешь, если его сейчас и тянет к тебе, еще не факт, что это любовь. Это может быть страсть, может быть влечение. Ты девушка молодая, красивая.
- Умная!
- Валя, речь не об этом.

– И об этом тоже. Хотя какая ты умная? Была!

– Но время пройдет, страсти поулягутся, а ребенок вырастет, и со временем Артур будет в нем узнавать себя. Как ты думаешь, к кому он скорее придет: к тебе или к себе? Конечно, к себе.

– Я не собираюсь запрещать ему видаться с сыном.

– Она не собирается запрещать! Станет он тебя слушать, когда наиграется. Не знаешь ты еще жизни, доченька! Ох, не знаешь.

– Мать права. Мужчине надо наиграться. Они, как дети, всю жизнь с игрушками. Только с возрастом игрушки меняются. И у некоторых появляются живые куклы.

– Ты этого хочешь?

– Почему вы думаете, что все будет именно так?

– Потому, что только так и бывает, – Нина Ивановна тяжело вздохнула, грузно осунулась, состарившись, как показалось Лизе, на несколько лет.

– Случаются исключения.

– Ох, деточка, хорошая моя, если ты станешь исключением, – хозяйка замолчала, обратив долгий взгляд в себя... – Давайте еще чаю.

Все это выматывало и опустошало. Лиза чахла.

В конце августа в квартиру постучали. Дверь открыла мать. На пороге, скрываясь за огромным букетом георгинов, стоял Артур.

– Здравствуйте, давайте знакомиться – я Артур Ковальский. Пришел с предложением руки и сердца к вашей дочери.

Она не помнила, как выбежала из комнаты, как оттолкнула опешившую мать, оказавшись на шее любимого.

За столом сидели напряженно, хотя Лиза светилась и порхала мотыльком.

– Так вы, стало быть, собираетесь пожениться?

– Да, если вы не против.

– Кто сейчас родителей спрашивает, – сдерживая недовольство и праведное негодование, мать разливала чай.

– Мы, – Артур приобнял Лизу.

Мать резко поставила чайник на стол, опрокинув одну из кружек – не сдержалась. Темно-коричневый кипяток пролился отцу на колени. Он, поморщившись, вскрикнул: то ли от боли, то ли от действий новоявленного жениха.

– Где вы собираетесь жить?

Лиза недоуменно посмотрела на родителей.

– Как где, вы что, меня выгоняете?

– Тебя нет, а вот всем нам здесь не разместиться.

– У меня есть, где жить, не беспокойтесь...

Выйдя на улицу, Артур предложил сходить в парк, по пути стараясь вернуть Маленького в хорошее расположение духа: завтра проведем время веселее – познакомлю тебя со своей теткой. Мировая женщина! И во мне души не чает.

* * *

...Ох, Аглая, Аглая! Не с той ли встречи пошли все неприятности, что свалились на нашу голову?

Даже через столько лет, при воспоминании о сложенном из длинных, ухоженных пальцев кукише, Лизу

пронзала неприятная внутренняя дрожь. Зачем она согласилась переехать в её квартиру, почему не прислушалась к себе? Да сколько сейчас вопросов ни задавай – без толку. Не вернуть счастливые годы, и сама она во всем виновата.

Весело в тот день провели время, нечего сказать. Она с болью смотрела на беспомощно лежащего рядом Артура: слышит он меня, ощущает что-нибудь?

Артур все слышал и понимал, но происходящее вокруг уже не вызывало в нем интереса, не затрагивало чувств. Единственное, что еще удерживало его в этом мире – причудливо мерцающие перед угасающим взором «картинки» уходящей жизни...

* * *

– Порой бывает полезно приходить раньше, не так ли? Сколько интересного можно узнать, настроившись на мысли находящихся рядом. Но к делу! Вы готовы к новому развитию событий?

Старик рассеянно слушал Некто, внимательно рассматривая висящие в соседней комнате небольшие портреты, явно нарисованные ребенком, но довольно точно передающие характер и настроение изображенных персонажей. После перемещения по временным пространствам он более-менее привык к новому состоянию, ощущая внутри уверенную свободу, позволяющую уделять внимание не только происходящему вокруг, но и замечать незначительные детали, вписанные в данное место и время.

– Чем вас так заинтересовала пустая стена? Простите, я сразу не понял. Рисунки висят в другой комнате, с той стороны на них удобнее смотреть. Да и изображе-

ние будет выглядеть точнее, если рассмотреть их не через стену.

Из трех небольших портретов внимание Старика привлек один. На рисунке то ли углем, то ли черным мелком был изображен черноволосый мальчик с открытым лицом и ясными глазами-лучиками. На его руке сидела симпатичная зверушка с таким же добрым,мышленным взглядом. Сходство с мальчиком поразило Старика. Он смотрел на картину и видел себя – отраженного в старом, в растрескавшейся амальгаме, зеркале мальчугана. Переместившись в другую комнату, еще раз внимательно посмотрел на портрет, недоуменно пожав плечами.

– Вас заинтересовала история этой семьи?

– Пожалуй, нет... А кто этот мальчик с белочкой?

– Мальчик с белочкой, девочка с персиками, – недовольно проворчал Напарник.

– Посмотрите, на обратной стороне есть надпись: Боря Ковальский, 1939. Но, прошу вас, помните, в любой картине заложена информация, не удивляйтесь, если она вдруг «оживет».

Брови Старика приподнялись вверх, выразив искреннее удивление. Он внимательно посмотрел на картину, затем на лежащего в другой комнате Артура.

– Вы правы, меня заинтересовала история этой семьи.

– Это не приветствуется, – Напарник выразил свое недовольство происходящим, – мы и так нарушаем все писанные и не писанные инструкции.

– Нарушаем. Но, как говорится: семь бед – один ответ. Поворачивать время вспять не стоит, но приостановить его, вернее, замедлить, вполне возможно.

– Я категорически против!

– Не возражай. Мы оба знаем – неординарный случай.

– В таком случае, без меня.

Глава десятая

Изгнание

Когда сестра вновь зашла в палату к Горелому, веки солдата мелко подрагивали, дыхание участилось. Казалось, еще немного, и сознание вернется к нему.

– Доктор, доктор! Скорее, – выбежав в коридор, она кликнула врача.

– Что случилось? – шурша накрахмаленным халатом, доктор поспешил в палату.

– Дыхание участилось, приборы зафиксировали мозговую активность.

– Утром укол делали?

– Да.

– Доза?

– Как вчера.

– Вечером, если не придет в сознание, увеличьте в полтора раза.

– Это не опасно?

– Ничего, организм молодой, крепкий... справится.

Девушка с грустью посмотрела на сильное, но такое беспомощное молодое тело, поправила подушку и

вышла из палаты. Тело сержанта осталось безвольно лежать на больничной кровати, но дыхание стало хриплым и учащенным...

* * *

– Мы рады осязать тебя, Воин! – Стражник сел в кресло, облокотившись о правый подлокотник.

– И я приветствую вас! – Воин приподнял крылья, с достоинством наклонив голову в сторону Стражника, затем, улыбнувшись одними глазами, поклонился Учителю.

– Надеюсь, ты догадываешься о причине, по которой мы посмели оторвать тебя от важных дел?

– Думаю, да. Эпоха перемен.

– Да... смена эр... Но дело не в этом, вернее, не только в этом. Мне известно о твоих успехах в Пятом Поле, но нам хотелось бы послушать самого героя.

– Там нет ничего геройского. Просто работа.

– Простая работа?

– Нет, не простая, скорее, сложная, но это просто работа.

– Извини, я стал плохо слышать. – Стражник приложил правую руку к уху, одновременно приподняв левое крыло. – Ну, и как продвигаются наши дела?

Все переглянулись. Зная о негативном отношении Старшего Стражника к происходящему в Пятом Поле, его вопрос о «наших делах» вызвал удивление.

– Мы в Пятом Поле чуть больше ста слокций, но успели многое...

– Может быть, тебе вернуться сюда?

Воин внимательно посмотрел на Старшего Стражника.

Агнелиус сказал правду: Стражнику не важен ни мой ответ, ни моя работа. Он затеял что-то другое. Хочет проверить меня на преданность? Абсурд! Он прекрасно знает: в Пятом Поле я выполняю волю Учителя, именно он задумал этот эксперимент, который так не нравится Стражникам. Или они хотят прекратить опыт, одобренный Большим Советом и согласованный Центральным Полем?

– Это неожиданно, – Воин посмотрел на Агнелиуса, который отвел взгляд в сторону, – но я вынужден отказаться.

– Ты всегда отличался прямоотой. Позволь спросить: почему? Я ведь еще не озвучил наше предложение, – чем ласковее говорил Стражник, тем большая тишина повисала в зале.

– Я не привык бросать дело на полпути. Да, там оказалось сложнее, чем мы предполагали, но очень интересно и перспективно. Если удастся завершить эту работу – мы войдем в другую реальность, с совершенно новой энергией.

– Получение энергии, о которой ты говоришь – дело эонов времени. Мое же предложение позволит получить результат очень скоро. – Стражник встал, сделав несколько шагов в сторону Хранителей, адресуя дальнейшую речь именно им. – Ты многое сделал в Пятом Поле. Навел порядок, пока, конечно, относительный. Согласен: прекратились катаклизмы, уравновешен климат, укреплена магнитная решетка, выровнен ландшафт, наполнены резервуары, подключена система жизнеобеспечения. Это позволило сделать данную местность обитаемой. Правда, она населена непонятными для нас су-

ществами... Вернее, слишком понятными, скорее – примитивными. Но где гарантии, что относительное спокойствие продлится продолжительно? Где гарантии, что примитивные разовьются? А если разовьются, в какую сторону? И, самое главное, где гарантии, – он остановился около Учителя, – что их развитие не повредит нашей Системе? Подумай хорошо, Воин, к чему это может привести? Ведь...

– Странно, ты говоришь о разрушении Системы из Пятого Поля, хотя сам там ни разу не был. А мне, напротив, кажется, нашу Систему скорее погубит статика. Живое должно развиваться.

– Ты перебил меня? – Стражник застыл с такой глубокой печалью на лице, что вызвал невольное сочувствие даже у Хранителей. – Неслыханно, – еще более растерянной интонацией произнес он, – боюсь, это результат твоего пребывания в... вернее, твоего длительного отсутствия здесь.

– Я не хотел тебя обидеть!

– Ну вот, опять! Я предупреждал, мудрый Учитель, этот эксперимент ни к чему хорошему не приведет! Все, кто побывал там, становятся неуправляемыми. У них начинают превалировать чувства, а не разум, основанный на порядке и логике! Учитель, что ты молчишь? Разве не понятно – Воина надо спасать! Он должен быть здесь, иначе мы потеряем одного из на...

Стражник одернул себя на полуслове.

– Закончи, пожалуйста, свою мысль. Недоговаривать так же невежливо, как перебивать. Ты, надеюсь, не посещал Пятое Поле? Тогда, отчего такое неуважение к собравшимся?

Члены Совета покинули свои места: Хранители полукругом окружили Учителя, одновременно мешая Стражникам взять Воина в кольцо.

– Одного из наших лучших Воинов, вот что я хотел сказать. Именно поэтому я намерен предложить ему должность Главного Смотрителя Среднего Поля.

Шорох прошел по залу Совета: большинство присутствующих не смогли скрыть удивление, приподняв крылья, обмениваясь вопросительными взглядами. Такой важный вопрос не был согласован заранее? Сейчас, на Большом Совете, Воин впервые слышит о столь ответственном предложении? Одни из Стражников вернулись к своим местам на подиуме, другие остались стоять в центральном проходе. Хранители, напротив, разомкнули кольцо вокруг Учителя, сгруппировавшись вокруг Воина.

– Это очень почетно и ответственно. Но, если мы думаем о деле, важен не почет, важно иное – найти того, кто лучше других справится с этой работой. Я благодарен за доверие, но... – Воин вновь попытался встретиться взглядом с Агнелиусом, – есть более достойные. Я же пока неплохо справляюсь там и что-то менять сейчас, на мой взгляд, не имеет смысла.

...Вечером сестра не обнаружила улучшений в состоянии больного. Она приготовилась сделать очередной укол, вспомнив о рекомендации врача увеличить дозу. Набрав в шприц полтора кубика диковинного лекарства, девушка на мгновение задумалась... и решительно ввела иглу в вену...

– Мы правильно тебя поняли, Воин, – вступил в разговор Помощник Старшего Стражника, – ты второй раз говоришь «нет»?

– Да!

– Почему?

– Я уже объяснил. И еще... Начинать новое всегда трудно. Но перспективы получения энергии от живых субстанций огромны! Да, вы правы, в Пятом Pole преобладают эмоции, там нет, практически нет разума. Но есть другое – теплота. Она идет от сердца. Это что-то невиданное и неизвестное нам до сих пор. Поэтому пока мое место там. И сколько бы вы мне ни предлагали остаться здесь, я отвечу – нет!

Крылья Воина сделали несколько энергичных взмахов, привнеся в зал сильный запах роз. Он с улыбкой посмотрел на Агнелиуса, но тот вновь отвел взгляд.

Странно, почему друг недоволен? Сам предупреждал о проверке, я выполнил его советы, а он... И почему молчит Учитель? Он так настаивал на моем участии в эксперименте.

Шум крыльев смешался с гулом голосов. Трехкратный отказ означал полное неповиновение Совету. Значит – бунт, и разговоры о стремлении Воина захватить власть в Ближнем Pole – правда?

* * *

...Горелому стало хуже. Он задыхался, не имея возможности вздохнуть полной грудью. Усилившийся запах роз вызвал аллергическую реакцию, спровоцировав отек гортани и воспаление слизистой.

Присутствуя на Большом Совете, Горелый знал – Агнелиус предал Воина. Всеми силами он хотел помочь этому честному и прямому существу, но сердце так бешено стучало: казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. «Тише, тише! Что ты так стучишь? Они услышат! И тогда я ничем не смогу ему помочь», – тщетно пытался успокоить сердце Горелый.

Приборы откликнулись на ситуацию, издав характерный писк...

* * *

– Хорошо! – голос Старшего Стражника прозвучал громко и властно, – Яснее выразить свою мысль трудно! Твой выбор сделан! Пусть это послужит уроком всем! Ангел, посмевавшийся не повиноваться, тот ангел, кто решил, будто его мнение важнее мнения Большого Совета – кто он?

Никто не решился произнести страшное слово.

– Кто он?! – настойчивее и громче прозвучал вопрос. – Вы даже это забыли? Воин пропитался эмоциями Пятого Поля! Он потерял разум! Вот к чему приводят необдуманные эксперименты! Вот что может случиться и в Ближних Полях! Он стал думать, что... нет! Не думать! Думать он перестал! Он стал жить чувствами! А чувствами может жить лишь тот, кто наделен сердцем! А у нас нет сердца! Или вы забыли об этом? Разум! Один лишь разум! Вот в чем наша сила! Только благодаря от-

сутствию чувств мы смогли построить стройную систему! Разум не дает нам возможности совершать ошибки! А ты? Решил, у тебя есть сердце?

– Я...

– Молчи! Совет раскрыл твои планы! Ты хочешь вернуться туда? Хочешь продолжить начатую работу?! Пусть будет по-твоему.

Вздых облегчения пронесся по галерее. Хранители расслабились, отступив от Воина, готовясь выслушать от Старшего Стражника предложения о новой кандидатуре на должность Главного Смотрителя.

Стражник приблизился к Воину, продолжив очень ласково, с болью и неподдельной грустью.

– Брат мой, ты сделал свой выбор. Отныне Пятое Поле всегда будет твоим. Но... Ты вообразил, что можно стать сердечным? Можно сопереживать и тратить энергию, полученную здесь, на жалость? Ты ошибся. Мы созданы по-другому. Посмотри, – Стражник выставил вперед правую руку, держа в ней большое перо, с острого основания которого капали ярко-красные капли, – посмотри, я вырвал это оперение из своего левого крыла, разве я чувствую боль? Оно оттуда, где должно быть сердце. Но его там нет! И у тебя – тоже нет!!!

* * *

...На дежурном пульте загорелись датчики. Сестра бросилась в палату, где уже был врач.

– Сколько ввели?

– Как вы говорили – полтора.

– Не выдержал! Пульс?

– Сто восемьдесят, сто девяносто!

– Срочно успокоительное.

– А как оно подействует с новым лекарством?

– Не рассуждай, делай!

И в этот момент сердце Горелого замолчало.

– Быстро за реанимационной бригадой!

Девушка опрометью выбежала из палаты.

– Не успеют! – достав из кармана ампулу, врач наполнил ее содержимым шприц, уверенным движением распахнул больничную пижаму на груди больного и, протерев спиртом левую сторону груди, глубоко погрузил иглу в остановившееся сердце. Тело сержанта дернулось, веки вздрогнули, и сердце издало первый глухой удар.

– Что вы делаете?! – вскричала вернувшаяся сестра.

– спасаю ему жизнь...

* * *

– И у тебя тоже – нет!!! – Резким выпадом, пробив латы сильным, неожиданным ударом Стражник вонзил перо в грудь ангела. – Убедился?!

Крылья Воина встрепенились. Широко раскрытыми глазами он с удивлением посмотрел на Стражника, затем медленно перевел взгляд на друга и слабо улыбнулся. Боли не было, вместо нее вернулась детская обида, как в далеком прошлом, когда товарищи могли легко разыграть его.

– Что ты сделал? – Крылья Агнелиуса из темно-серых превратились в пепельные, а латы и волосы утратили блеск. – Я этого не хотел!

– Я тоже этого не хотел! Я был уверен – он согласится! А теперь я дарю ему жизнь, которую он заслужил. С этого момента он навсегда покинет нас. Границы для тебя определены, правила – тоже!

Стражник резко выдернул перо, и Воин, лишившись опоры, начал медленно погружаться в открывшуюся под ногами бездну. Вначале он пытался удержаться в воздухе, тщетно взмахивая непослушными после удара крыльями, но спустя мгновение уже стремительно падал вниз, на звезду, дающую жизнь Пятому Полю. Агнелиус видел, как солнечный жар сжег крылья падающего друга, опалив и обуглив тело отлученного ангела.

– Изгой! Так будет с каждым, кто посмеет перечить Совету и мне!

Шок, вызванный поступком Стражника, прошел! Хранители выстроились в боевой порядок, готовые начать атаку.

– Учитель, почему ты молчишь?! Он уничтожил одного из нас! Это война!

– Он имел право.

Все взгляды устремились на понуро стоявшего в одиночестве Учителя.

– Он имел право. В Воине течет их кровь.

– Текла! – Стражник поднял крылья, полностью погрузив себя в них, тем самым извещая: переход власти завершен. – Исключительный случай, назначение Главного Смотрителя Среднего Поля переносится.

Глава одиннадцатая

Знакомство

В темной комнате Старик чувствовал себя неудобно. Он внутренне готовился к новому перемещению во временном пространстве, но внешне ничего не изменилось: стены, потолок, пол с расставленными на нем

предметами остались на своих местах. Лишь небольшая вибрация вначале тихо, затем все яснее и громче начала исходить от них, напрягая барабанные перепонки. Голова наполнялась неприятным треском и стрекотом помех настраиваемого транзистора.

– Не волнуйтесь, мы переходим в шестое измерение, – откуда-то издалека, сквозь гул, донесся посланный Некто электрический импульс, – скоро замедленное время придет в соответствие с мыслями и действиями интересующих вас людей и откроется канал, настроенный на нужную волну...

Действительно, постепенно шум уменьшился, после чего свет мощным потоком образов, звуков, эмоций, запахов, вкусовых и тактильных ощущений вошел в сознание Старика, сплетаясь с цветными картинками уходящей жизни, причудливо крутящимися в воспаленном мозгу лежащего на кровати Артура.

...Мысли путались, цепляясь одна за другую, рефреном возвращаясь к неутоленному желанию: пить, дайте пить! Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Ерунда! Кто говорит? Умершие с того света рассказали? Ничего у меня не проносится, только очень хочется пить... Может, я не умираю? Не обманывай себя, Артур, третий инфаркт. Надежды, как сказал врач, нет. Думал, я не слышу. Все я слышу, все понимаю, и сказать могу, только дайте пить, язык, словно деревянная колода: не шевельнуть.

Приятное журчание свежесваренного чая наполнило кружку из тонкого китайского фарфора ароматом живительной влаги благородного «коньячного» оттенка.

Аглая всегда знала, как сделать приятно...

По четвергам он приходил к ней на чай. Эта традиция, с годами перешедшая в неотъемлемый ритуал, возникла давно и не случайно. Тетка была единственным родным человеком. Несмотря на большую разницу в возрасте, с ней можно было поговорить обо всем: обсудить дела, посетовать на жизнь, она умела находить неординарные выходы из труднейших ситуаций, но, главное, с ней можно было поделиться радостью. В отличие от друзей, Аглая не завидовала, искренне разделяя с племянником очередную победу на архитектурной ниве, при этом всякий раз выражая сожаление о заброшенной им профессии художника.

— Ты, Артурчик, недалёковидный мальчик. Талант нельзя бездарно и безжалостно зарывать в землю.

— Какой талант, в какую землю? Я архитектор.

— Архитектор! А фундамент своих, пока никому не нужных домов, где будешь рыть, в космосе?

— Я не собираюсь ничего рыть, тем более, строить никому не нужные, как ты говоришь, дома! И вообще... ты поешь — пой. Я буду проектировать.

— Не хами, зодчий! Во-первых, поют, как ты выразился, певички в кафешантанах, ветераны в домах народного творчества и трудящиеся на демонстрациях солидарности. Я — исполняю! Во-вторых, позволь напомнить, давно не выступаю на сцене. В-третьих, поверь, придет время, пожалеешь о своем решении: талант зарывать нельзя! Накажут. Как наказали твоего отца: просидел свой талант в театре... Декоратор! Никак не мог начать серьезную работу. И еще белочки эти! Прямо мания у него какая-то была: что ни картина, обязательно

белку вставит, к месту, не к месту. Фирменный знак у него, видите ли, как клеймо у ювелира. Доклеймился...

Артура тоже всегда удивляло экстравагантное, как он считал, желание отца всюду совать свою белку. Будто обет кому дал. И странное дело: зверьки на картинах выходили разными, а выражение мордочек у всех одинаково трогательное и, в то же время, какое-то... Словно не вы на картину смотрите, а белка с рисунка вас изучает, оценивает. Сколько Артур ни пытался скопировать этот взгляд – не смог. И, хотя в артистической среде до сих пор с почтением вспоминали одного из лучших театральных художников Бориса Николаевича Ковальского-Степанова, с пиететом и уважением произнося его имя, тем не менее большой художник в отце все-таки пропал, очень большой.

В знак примирения Артур предложил «увековечить» тетку на холсте грандиозных размеров. Так появился ее знаменитый портрет «У торшера». В небрежно накинутом светло-желтом норковом манто, черном облегающем платье, с ниткой крупного жемчуга на грациозной шее, Аглая восседала у изящного торшера, мягкий свет которого обволакивал ее «мраморные» руки с ярко-красным блеском ухоженных ногтей. Писал Артур более двух месяцев – никак не удавался взгляд. Вроде поймает живой блеск в пронзительном взоре карих глаз, но – не то! Главное не мог схватить. Нашел случайно: проходя по двору, увидел черную кошку – грациозную зеленоглазую «пантеру». Вот! Тут же, не дожидаясь очередного сеанса (писал по четвергам, с тех пор и зародились их встречи), забежал к Аглае во внеурочное время. Два-три штриха, и портрет готов. Посмотрев «сторонним» взгля-

дом, остолбенел: зрачки получились продолговатые, как у хищника. А взгляд, как у отцовых белок – иронично оценивающий. Но все встало на свои места! Хотел было переписать...

– Ну, наваял, Рафаэль Санти? Хватит, мое терпение лопнуло! Два месяца не даешь взглянуть. Разворачивай транспарант и не протестуй!

Аглае портрет понравился. Особенно глаза.

Картину, сковав золоченой рамой, водрузили на стену, напротив трех небольших рисунков отца, два из которых были кем-то порваны, а затем бережно, но неумело наклеены на листы плотной бумаги. На вопросы племянника о причине сего вандализма, Аглая неизменно отмахивалась, слегка краснела, объясняя: дело давнее, не помню, поспешно переводя разговор на другую тему.

– Маленькая девочка – это я. Твой отец в эвакуации нарисовал, – самодовольно поясняла тетка. – Ну, этого ты знаешь, – одновременно с нежностью и досадой показывала на мальчика с лучезарными глазами, – его первый автопортрет. А этот... хоть убей, не помню ни кто такой, ни как зовут! – С третьего, крайнего слева листа, улыбался породистыми губами странной, упрямой и своевольной улыбкой круглоголовый мальчишка с ежиком светлых волос. – Но Боренька взял с меня слово рисунок хранить. Даже когда его не будет. Очень этот парень ему был дорог. Чем – не знаю, а отец твой рассказать не удосужился.

И на всех картинах была нарисована белка. У девочки ее мордочка «вплелась» в пышные волосы, у белобрысого мальчика – трафаретом на полосатой футболке, а сам Боря «живого» зверька, с поднятыми к мордоч-

ке лапками, держал на ладони. Аглая, с присущей иронией, называла эту часть квартиры по-разному. Если показывала рисунки – белкина стенка, если к показу добавлялся интересный рассказ – «Повести Белкина».

С написания портера «дружба» племянника с теткой стала еще крепче. Артур был уверен – с Аглаей можно общаться на любые темы, она поймет. Поэтому прежде, чем ввести в дом Лизу, решил поговорить наедине.

Журчание свежесваренного чая (Заварка, Артурчик, как порох – продукт одноразовый: выстрелил, новый насыпай!) наполняло кружку тонкого китайского фарфора ароматом юго-восточных склонов плантаций Поднебесной.

– Забывать стал меня, племянник.

– Ты о чем?

– Три четверга пропустил. Напрасно старушка ждет сына домой...

– Прости, закрутился... некогда.

– Летом?.. Пей чай, пока горячий. Остынет – невкусный будет.

Глоток терпкого напитка обжег нёбо: слизистая «вспухла», противно скатавшись под языком тонкой кожей. С трудом проглотив, втянул в себя воздух с характерным звуком – хоть так остудить жар.

– Горячо? Осторожней надо быть, Артурчик. В жизни, знаешь, можно так обжечься... Ну, не дуйся на тетку, дуй на чай (она усмехнулась удачной шутке). И не сиди провинившимся школьником. Да, это свинство с твоей стороны. Но я прощаю, все бывает. Она кто?

– Она, – поперхнувшись, спросил осипшим голосом, – ты откуда знаешь?

– Чего захрипел, племянник, простыл? Сколько раз говорила, для голоса полезно каждый день пить два сырых яйца. Как волк в сказке.

– Ему, вроде, кузнец связки подковал?

– Да, да, связки! Яйца он ему подковал, дурья твоя башка! Как можно связки «подковать»? Выпил гоголь-моголь и обманул козлятушек-ребятушек! С тех пор, понятно, многие рецептом пользуются, но секрет знают единицы: «снадобье» надо пить не позже полудни.

– Так откуда ты знаешь?

– Жизненный опыт... Ах, ты об этом? Ничего я не знаю. Но если мужчина не приходит к пожилой, но любимой (поправь, если не права) женщине, если его нет дома с семьей, значит – он завел другую.

– А если мужчина занят на работе?

– Тогда я выжила из ума, а это прискорбно. Понятна моя мысль неглубокая?

Умела, всегда умела повернуть разговор в свое русло, к месту вспомнив или театральную байку, или скабресный анекдот. Никогда не рассказывала «политических», наученная историей монтировщика из Кировского театра, крикнувшего во время оформления сцены к очередной годовщине Октября: Сталина и Берию на одну веревку. Он-то имел в виду портреты, а получил двадцать пять, с поражением в правах...

Артур рассмеялся. Натужно, ненатурально. Отпил остывшего чая, отметив: действительно не вкусно. Станный напиток: не заварится – пить противно, чуть

передержишь, появляется горечь, остынет – моча. Да, всему свое время, и каждый плод надо есть созревшим.

– Хочу познакомить тебя с Лизой.

– Уж полночь близится, а Германа все нет... – тут же пропела фразу из «Пиковой дамы». – Так с кем ты меня хочешь познакомить?

– С девушкой, которую люблю.

– Интересно. Выходит, Ольга вышла в тираж... Хотя, если я что-то смыслю в жизни, ты ее никогда не любил...

К Ольге Аглая относилась ровно, как относятся к стулу или табуретке. Предсказуема твоя жена во всех отношениях, про таких говорят: ни рыба ни мясо.

С ее братом-двойняшкой Женькой Ненаховым Артур дружил с детского сада, не подозревая о том, что Ольга его сестра. Узнал об этом только в школе. Известие обескуражило и удивило, заставив внимательнее присмотреться к светловолосой девочке с мелкой сыпью веснушек на продолговатом лице.

Женька, ярко выраженный «ботаник», за сестру заступался отчаянно, понимал ее, как и она его: двойняшки чувствуют и думают одинаково, и кровеносная система у них одна, природой причудливо разделенная.

Как-то, возвращаясь из кино, Женька предложил срезать путь, пройдя сквозь соседские дворы. Артур задержался – завязать вечно развязывающийся шнурок. В это время один из местных обидно пошутил про девочку в веснушках: то ли умываться с утра надо, то ли на солнце моську меньше жарить. Женька кинулся на обидчика, но тот спрятался за парнями постарше, которые, окружив чужака, гиканьем и пинками предложили поискать

«пятый угол». Сестра стояла, широко раскрыв глаза, беззвучно выталкивая из открытого рта призыв о помощи. Догоняя двойняшек, Артур вначале не понял происходящего, но, когда увидел мечущегося среди плюющей шантрапы друга, ринулся с кулаками на обидчиков, хоть драться не любил и не умел. Досталось им тогда... Вечером, оттирая следы чужих ботинок с пальто и брюк, парни поклялись: всю жизнь помогать друг другу и оберегать Женькину сестру. К детской клятве Ненахов отнесся «всерьез и надолго».

С той драки (если избивание двух очкариков можно назвать дракой) Ольга смотрела на Артура с благодарностью – не одного Женьку пинали. Месяца через три Артур к ней привык: куда они с Женькой, туда и она. И как-то само вышло: раз один – брат, другой – жених. Любви, правда, никогда не было. Детская привязанность была, а любви... Это они после рождения сына поняли. Но разводиться не стали: ребенок, чем виноват?

Теперь, по-настоящему полюбив, не представляя жизни без Лизы, Артур открылся жене. Она не протестовала: ни скандала, ни слез. У него камень с души свалился, словно индульгенцию получил. После этого и пошел к Аглае...

Не переживай, Артур. В жизни все бывает. Наиграешься, натетишься, сколько у тебя еще таких Лиз будет, и вернешься в семью. Мужчине жена нужна, а не кукла и не игрушка. Это только ваша мужская Библия учит: Слепил Бог Еву из ребра Адама. А в жизни жена мужа лепит, человека из него создает...

Почти с языка слетело, вовремя осеклась, зорко посмотрев на племянника. Серьезно у него, глубоко дев-

ка в душу запала. Хорошо, познакомимся с птичкой-невеличкой, моего Артурчика к рукам прибравшей.

– Что ж, приводи, посмотрим на твою зазнобу. Налить еще чаю? Только не обожгись.

* * *

...Сухая слюна наждаком оцарапала горло, затруднив глотательное движение. С трудом расцепив обветренные губы, облизнул тяжелым языком.

Может, и правду говорят: я в последнее время только «кино» о своей жизни вижу. Правда, крутится оно то с конца, то с середины... а где в нашей жизни начало, где конец... пить... Господи, как пить хочется... и зачем столько света? Лиза, выключи ты этот ненавистный торшер, я ослепну от него!

Всё тогда срежессировала: торшер за спиной контрсветом установила – возраст, морщинами на лице выписанный, скрыть. Как же: важно первое впечатление, дальше, Артурчик, старайся, ни старайся – каким тебя увидели, таким и запомнят. Всю жизнь играла, артистка! И арию выбрала с намеком...

*У любви, как у пташки крылья,
Ее нельзя никак поймать,
Тщетны были бы все усилья,
Но крыльев вам не обрезать...
– Здравствуй, красавица!*

Еще одна серая мышь! И что они в них находят?! Что отец, что сын! Хотя... быстрее бросит. Любовь – морковь. И когда мужчины научатся думать головой? За

всю жизнь одного и встретила. Зойка, подстилка авиационная, увела.

– Проходи, не стесняйся, у меня все по-простому, по-домашнему. Артурчик, проводи Лизоньку в залу.

– Почему она тебя так называет?

– А почему ты шепотом спрашиваешь?

Девушка пожала плечами, в удивлении взметнув вверх брови. Умела тетка произвести эффект.

По-простому, говоришь? Посреди большой светлой залы стоял огромный стол, сервированный по образу и подобию Букингемского дворца! Одних приборов до четырех предметов с трех сторон от фарфора на крахмальной белизне скатерти возлежало. Лучший сервиз, годами в старинном буфете покоившийся, выставила. Всю жизнь терпеть не мог «придворного этикета», а Лиза... Увидев неуместное великолепие, зарделась, как на первом свидании, но, к удивлению Артура, уверенно подошла к стулу с высокой резной спинкой, по важности момента разоблаченному из плена светло-кремового чехла, и застыла, в ожидании помощи спутника. Растерялся он, забыв в первые секунды об элементарном этикете: отодвинуть стул, освободив даме (все у тебя по-домашнему!) пространство перед торжественно сервированной голгофой. Аглаю «выхodka простолюдинки» взбесила, но виду не подавала: у нас характер? Ничего, и не таких ломали...

– Артурчик, ухаживай за дамами.

Под льющуюся из полированных динамиков «Веги» вторую часть двадцать первого концерта Моцарта Артур, беззвучно матерясь, старался галантно и, в то же время, непринужденно перемещать изысканные блюда

из общей посуды в «частные владения» сидевших друг против друга женщин.

Нехорошо это кончится, ох, нехорошо...

Фаршированный грецким орехом, бережно завернутый в тончайший сочный бекон, лоснящийся чернослив неожиданно выскользнул из упругой хватки серебряных щипчиков, безобразной кляксой плюхнувшись на белоснежную скатерть...

Как чувствовал – нехорошо!

Аглая и поморщиться не подумала. Взяв пузатенький бокал венецианского стекла за тонкую золоченую ножку, глазами предложила последовать ее примеру: велика беда, скатерть девятнадцатого века испортил, тут будущее на карту поставлено, будет она о мелочи думать. Смущенно улыбнувшись, влюбленные намеревались поднять бокалы «за знакомство».

У любви, как у пташки крылья

Ее нельзя никак поймать...

Пропела нарочито медленно, в диссонанс Моцарту, обведя взглядом безупречный стол с жирно-коричневым пятном в центре и, поднеся бокал к губам, неожиданно спросила:

– Как Вадик, здоров?

Вадик родился болезненным и на редкость некрасивым ребенком. Месяца не проходило без посещения докторов, экстрасенсов и всевозможных знахарей – без толку. Ребенок болел с завидной периодичностью, смотря на мир не по-детски грустными, мудрыми глазами. Казалось, он знает причину своих недугов и даже

возможность ее устранения, но сказать родителям ничего не может или не имеет права: сами должны догадаться, выучив свой урок. Однажды они попали на прием к старому доктору. Осмотрев мальчика, поохав-поохав, тот внимательно взглянул на родителей влажными стариковскими глазами в красных прожилках впитанной с годами мудрости и, покачав головой, тихо пробурчал неопределенно: любовь... всем на свете, особенно, ребенку нужна любовь, и не столько к нему, сколько между родителями. От любви рождаются красивые дети, а без любви...

Удивительно, светило медицины вслух ничего не произнес, умудрившись мысленно вложить информацию в сознание родителей. Болезни стали отступать, а когда Артур объяснился с женой, закончив неискренность отношений, мальчик почти поправился: взрослые «выучили урок», позволив «учителю», поселившемуся в ребенке болезнью, уйти.

– Так как здоровье сына, Артур?

Лучше бы я подавился твоим чертовым черносливом!

И понеслось!!!

Загипнотизировав жертв, удав начал медленную атаку, в подробностях рассказывая о замечательной семье племянника, о невиданной на земле дружбе тетки и невестки, о любви к Вадику... обо всем, чего и в помине не было в реальной жизни, но было так искренне «спето» превосходным когда-то меццо-сопрано.

– Спасибо за ужин, мы пойдем!

– Не дождавшись горячего?

Артура взорвало.

– Так это были холодные закуски?! Благодарю покорно! Не затем я привел Лизу. Хотел по-человечески познакомиться...

– А семью бросать – по-человечески?! А сына сиротой оставлять при живом отце – по-человечески?

Зажатым в руке ножом тетка, словно заядлый фехтовальщик, каждую реплику сопровождала очередным выпадом, сверля взглядом онемевшую Лизу.

– Думаешь, так запросто прийти и отнять у семьи мужа и отца?!

Артур понял: больше всего на свете тетка боится одиночества. С Ольгой жизнь текла просто и понятно: будучи равнодушным к жене, он достаточно времени проводил у Аглаи, и это устраивало всех, кроме маленького Вадика. Теперь, когда любовь накрыла его с головой, тетка актерско-женским чутьем поняла: она теряет Артура. Теряет власть и влияние, теряет свою значимость для него. Эта маленькая, невзрачная пигалица украла у нее единственного родного человека, который соединял с прошлым и давал надежду на будущее.

– Да не собираюсь я его с сыном разлучать! Что вы такое говорите? И от вас нам ничего не надо, – слезы, спазмом стоявшие в горле, вырвались наружу.

– Разлучать? Да кто тебе позволит! – не завершив очередной «выпад», звякнув вскользь по хрупкому фарфору, нож глухо ударился тяжелой ручкой о стол, позволив хозяйке сложить красивые пальцы в выразительный кукиш. – И думать не думай! Вертихвостка малолетняя! Чтоб ноги в моем доме...

Хлопнув дверью, молодые люди озлобленно сбегали по лестнице, пытаясь заглушить доносившиеся, под

хриплый аккомпанемент не снятой с диска иглы, выкрики. Моцарт кончился. Начались будни.

Глава двенадцатая

Тетрадь

С тех «смотрин» Артура будто сглазили. В начале года декан передал его группу Витке Игольникову. С трудом скрывая радость, рисовалкин фальшиво извинялся: не напрашивался, предложили... а ты бы отказался? Артур только махнул рукой. Затем ученый совет завернул готовый проект шестнадцатиэтажки с бассейном на крыше: рано такие дома строить. Фантазировать – пожалуйста, но в свободное от работы время и не за государственный счет. О какой травле вы говорите, Артур Борисович? Статью вашу в научном журнале напечатали? Напечатать-то напечатали, но так «обрезали» – весь смысл потерялся.

Лиза подбадривала, взвалив на себя бытовые проблемы, с рождением Евы накрывшие молодую семью. Как ни странно, когда от него отвернулось большинство коллег, рядом остался Женька Ненахов, негодуя по поводу вынужденного увольнения друга, суется при открытии Лизой фирмы архитектурного дизайна «ЛизАрт». При этом сам, пухлый коротышка, «рос», как на дрожжах: возглавил кафедру, затем факультет, плавно перейдя в городскую администрацию, где вскоре занял место главного архитектора, благополучно отправив на пенсию предшественника, между прочим, их общего учителя.

Лизе Ненахов не нравился. Доказать не могла, но знала: от него все беды, хотя Артур был уверен – Аглая прокляла.

– Глупости говоришь. Тетка, хоть и вредная старуха, тебя любит. Сходил бы, помирился.

Артур не шел: слишком глубокую рану, предательски, как он считал, нанесла в спину Пиковая Дама. По-другому теперь он Аглаю не называл.

Но любая полоса имеет свои границы. В конце концов, жизнь стала налаживаться. Не сразу, но «ЛизАрт» привлек клиентов свежестью взглядов и парадоксальностью решений сложных ситуаций. Вот когдагодились «нелепые» идеи строить дома с закругленными углами, куполообразными крышами, применяя естественный материал.

– Ты пойми, Женька, будущее за нами. Посмотри, что человек – венец творения! – с природой сделал! Какой он венец? Абзац творения! У природы учиться надо, а мы ее губим. Хорошо еще, реки вспять не повернули. Что стало с нашими городами? Сплошной углеводород и электричество. А человеку надо от этих статических зарядов избавляться, босиком по земле ходить – она заряд в себя забирает будет, нас от стресса освобождая и очищая. И где та земля в наших мегаполисах? В бетоне да асфальте! А наш дом...

Артур мог часами говорить о проекте, идею которого они с Лизой подсмотрели в одном из Итальянских журналов: в Милане готовились построить дома будущего с высаженной по всем этажам экосистемой. Целый лес в одном доме. Три года ушло на создание новой биологической структуры жилья будущего. Женька поддержи-

вал, восхищаясь эскизами и чертежами. Обещал устроить встречи с депутатами (такой проект без изменения в законодательной базе не пробьешь), банкирами (кто деньги даст?), мэром (у вас, ребята, государственное мышление). Правда, ни одна из встреч так и не состоялась, но Женька хлопотал.

...«Кино» закрутилось быстрее, прокручивая малозначительные страницы, вплотную подойдя к пятнице, тринадцатого мая одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года...

– Не дергайся, Лиза, у нас всегда: то густо, то пусто. Ничего, прорвемся, и Женька должен помочь...

Женька помог. В день защиты встретил обезоруживающей улыбкой: как обещал, будут и депутаты, и банкиры, и пресса, возможно, и мэр.

А дальше...

Даже сейчас противно вспоминать. Может, и прав друг детства: нельзя клятву нарушать. Не простил ухода от Ольги. Камня на камне не оставил от проекта. Знал – куда, как, чем и когда бить: не зря три года был рядом...

– Вы хотите построить в центре города дом «Чудодерево»? Чуковского в детстве начитались? Как вы собираетесь сдерживать корневую систему, или она будет прорастать сквозь бетонные перекрытия, соседям под потолок? Система полива – куда будут стекать тонны воды, необходимые для увлажнения такого количества почвы? А люди? В этом доме смогут жить аллергики? И как будете бороться с комарами и насекомыми? Здесь не Италия, здесь Россия, позволю вам напомнить.

Правильно говорят: предают только свои...

А я? Первый и предал...

У него тогда и злости не было. Сам виноват.

Лиза, напротив, Женьку возненавидела.

Вначале замкнулась в себе, но через год Артура, сутками изучающего «таинственную» зеленую тетрадь, от дел отстранила, взяв управление фирмой на себя. Девушка действительно оказалась с характером.

Спустя два года дела фирмы пошли в гору. Лиза бралась за все: от дачных домиков до развлекательных центров. Затем удалось главное – «ЛизАрт» («Арт» теперь трактовала как «искусство», эти буквы с именем Артура не связывая) выиграл тендер на проект и строительство крытого стадиона «Крылья бабочки»...

Но все это будет потом. А тогда, в день переезда, после провальной катастрофы на защите проекта, он чувствовал себя несчастнее Жака де Моле, последнего магистра Ордена Тамплиеров, сожженного на костре, как вторично впавшего в ересь. Не находя себе места в тесной квартире, доставшейся ему от Марии, нервно вышагивал из угла в угол, задавая один и тот же вопрос: что делать, что же делать? Поэтому свалившуюся из антресолей «прямо в руки» тетрадь воспринял как некий знак, поданный свыше.

Когда смертельно уставшая от переезда, но морально не сломленная от разгромной защиты, Лиза свалилась на разложенный в гостиной диван (теткину кровать в первую ночь потревожить не решились), он прошел на кухню, включил тот самый торшер и открыл тетрадь.

«...Как скрыть нахлынувшую радость, когда я еду в город своего детства, где не была столько лет, о встрече с которым мечтала все эти годы и вечерами, лежа в кровать, до слез, до спазма в горле вспоминала родные улицы, площади, фонтаны, запахи...»

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава тринадцатая Гольдштейны (Марк)

Мария и не скрывала нахлынувшую на нее радость. Да и как скрыть, когда предстоит вновь очутиться в городе своего детства, в котором не была пятнадцать лет, о встрече с которым мечтала все эти годы и вечерами, ложась в кровать, до слез, до спазма в горле вспоминала родные улицы, площади, фонтаны, запахи...

* * *

Отец Марии – Марк Соломонович Гольдштейн – слыл пламенным революционером, зараженным идеями социализма до мозга костей. Но после революции девятьсот пятого года вынужденно покинул Россию, здраво рассудив: умеренный климат чужой Швейцарии окажется более благоприятным для его здоровья, чем холод родной Сибири. Несколько лет помыкавшись за границей на деньги, присылаемые партийными соратниками после очередного «экса» (так они называли экспроприацию – справедливое возвращение денежных средств зажиточного населения Российской Империи рабочему классу, а попросту – элементарный грабеж), Марк Соломонович понял: это не еврейское дело. Тем более возможностей сделать хороший гешефт за границей предоставлялось великое множество. И одной из первых была удачная женитьба.

Девица оказалась мягкой, покладистой швейцаркой из итальянской семьи еврейского происхождения. А что вы хотите? Чтобы выжить – надо уметь крутиться,

тем более в Европе. Ее папа имел ювелирную лавку. Хотя, как говорил сам синьор-рэб Пьетро: неизвестно, кто кого имеет – я лавку или она меня. Такая жизнь, не приведи Господи, но и на это грех жаловаться.

Марк папе понравился – обходительный молодой человек с хорошими манерами (вначале поздоровался с папой, затем с мамой и только потом приложился к ручке невесты), и в политике разбирается. Голда? А что Голда – послушная дочь. Да и цирлих-манирлих разводить в двадцать пять лет девушке как-то не с руки.

Дела в лавке шли неплохо. Молодая семья уже планировала снять собственную квартиру, пусть не большую, пусть не в центре, но свою, как вмещались скрывающиеся в эмиграции товарищи: давно ли ты, Марк, платил партийные взносы? В прошлом месяце? Тогда объясни, почему мы честно платим пять процентов, а ты – всего сто марок? Что? Платишь больше всех нас вместе взятых?! У нас доход – пятьдесят марок на нос! А у тебя? Что значит, не твои деньги? А твоего теста проблемы мировой революции не интересуют? Или он против рабочего класса? Вот и плати с дохода всей буржуйской семейки!

Это было невозможно. В последнее время папа и так выказывал недовольство по поводу неоправданно раздутых трат «этого русского» – в прошлом месяце он в карты сто марок проиграл, в этом – переслал племяннику те же сто марок! Шлимазл! Принесла его нелегкая на нашу голову! Поэтому Марк решил тихо перейти границу, обосновавшись на «исторической родине» Голды – в Италии. Переход «через Альпы» удался, а дальше... Ес-

ли вы очутились в Италии, хочешь – не хочешь, а любая дорога приведет в Рим.

Город не понравился обоим: скученный, с огромным количеством шумных, спешащих куда-то людей на извилистых узких улочках, обилием транспорта, от которого они поначалу в страхе шарахались в стороны (после размеренной жизни в Швейцарии долго не могли привыкнуть к этому «буйству красок»). Но человек ко всему привыкает. Через год жизнь вошла в привычное русло (это они так думали, на самом деле молодым людям удалось вписаться в городской ритм, приспособившись к его темпу). А еще через год, в одна тысяча девятьсот десятом году, родилась Мария. С рождением дочери жизнь Марка обрела новый смысл. Как только в его руках очутилось это крошечное, смешно посапывающее вздернутым носиком, существо, понял: он в ответе за дочь, за Голду, за семью! С осознанием элементарного постулата пришла решимость и желание сделать нечто стоящее, то, что позволит с уверенностью смотреть не только в завтрашний день, но и далеко вперед.

О детях надо думать, о детях! До седьмого колена.

Совершенно ничего не понимая в часовых механизмах, он, представляясь одним из совладельцев швейцарской фирмы «Пьетро Росси и сыновья» (вот бы папа Голды удивился: какая фирма, какой сын?), добился разрешения на открытие в пределах городской стены небольшой часовой мастерской, сняв на втором этаже того же дома три небольшие комнаты для семьи. Голда занялась хозяйством, и жизнь потекла.

Мария росла послушным, но страсть, насколько подвижным ребенком! Мать неустанно что-то шила,

стирала, готовила. А он – занимался мастерской. Важно восседая на высоком стуле, смотрел на посетителей сквозь часовую лупу, вставленную в правый глаз, держа на столе одни и те же часы, создавая видимость своей значимости и профессионализма. За стенкой работали два мастера, исправно получая по десять процентов от заказа. А как иначе: за помещение плати, за инструмент рассчитывайся, грабительский кредит под четыре процента годовых отдавай, налог плати! А моральная ответственность?! Вот и выходит, как правильно говорил покойный ныне синьор-рэб Пьетро: кто кого имеет, я мастерскую или она меня, это еще как посмотреть...

В город, в тот шумный, многолюдный, опасный город первый раз Марию вывели в четыре года. Как ей понравилось ездить на конке, какие красивые военные скакали на лошадях с развевающимися перьями на высоких треугольных шляпах (это карабинеры, дочь), как весело били фонтаны, в которых можно было купаться, охлаждаясь от изнуряющей жары. А парки! Птицы щебетали на разные голоса, солнце скрывалось в листве, предлагая девочке сыграть в прятки. И мороженое! Какое вкусное мороженое у фонтана с чудным названием Треви. Подойдя к этому необычному месту, девчушка остолбенела. Казалось, мраморные кони сейчас выскочат из подвала дворца – им тоже жарко, они тоже хотят искупаться в живительной влаге, но тогда вода из фонтана выйдет из берегов, поглотив всех собравшихся зевак.

Так прошло шесть лет: веселых, удачных, печальных и страшных. Когда Италия вступила в войну, Марка Соломоновича вызвали, как он сам говорил, «куда надо». Вы прибыли к нам из Швейцарии. Да, мы с ней не вою-

ем, но вы не подданный Италии... Что? Мои часы? Да, это итальянские часы. Починить? Зачем, у них гарантия сто лет. Ах, если в них попадет пуля... На следующий день Марк Соломонович, повязывая галстук ходящими ходуном руками (чего не случилось со времен первого экса), бормотал под свой огромный, с обильно росшими из широких ноздрей волосами, нос: отечественные, итальянские, где ты найдешь механизм лучше швейцарского, старый дурак... провались она пропадом, эта война, житья от нее не стало!

Приношение возымело действие: ему позволили и дальше работать на благо великой Италии, увеличив налог вдвое. А что вы хотите – кому сейчас легко...

Марию все эти беды обходили стороной. Она продолжала расти в родительской любви и заботе, совершая интересные, познавательные прогулки с Голдой по любимым улицам, площадям и соборам. Соборы! Сколько в них было красоты, сколько золота сверкало со стен и сводов, сколько святых глаз с мраморных лиц смотрели на нее, желая одного – будь счастлива, девочка, а мы тут за тебя страдаем.

Все изменилось внезапно. В семнадцатом году. В далекой, неизвестной стране России вспыхнула и не погасла революция. На Марка донесли – какой он швейцарец? Еврей из России. Революционер. Пламенный. Занимался экспроприацией, на это и лавку здесь открыл. В тюрьму? Зачем. Отправьте в Россию, туда ему и дорога!

И никакие часы, ни связи, появившиеся за эти годы, не помогли. Через неделю, совершенно ничего не понимающие, обескураженные и потерянные, они тряслись в неудобном поезде в сторону холодного Востока...

* * *

Седьмого июля Гольдштейнов, едва ступивших на перрон Брестского вокзала, чуть не сбили малолетние разносчики газет. Размахивая свежими номерами «Правды» и «Известий», мальчишки наперебой кричали об убийстве германского посла Мирбаха, о подавлении эсеровского мятежа, о подлых предателях меньшевиках.

– Перешагнем к единому рабочему фронту через смердящий труп эсеров-меньшевистской контрреволюции!

– Позор клеветникам Советской России!

– Арестована Мария Спиридонова!

Не успев толком осмотреться на российской земле, бывший пламенный революционер, в недавнем прошлом итальянский коммерсант и единственный представитель швейцарской фирмы «Пьетро и сын» Марк Соломонович Гольдштейн был вовлечен в водоворот политических событий. Известие об аресте Спиридоновой вызвало оторопь. Он знал ее как бесстрашного революционера, одного из руководителей партии левых эсеров, преданного и решительного борца, пострадавшего от рук царских палачей. А ее арестовали? И кто? Советская власть? Что здесь творится, и что это за власть такая, когда таких людей сажает за решетку? Схватив чемодан, Марк сгрёб в охапку своих девочек, решительно направившись обратно в вагон.

– Куда вы, господин-товарищ? Приехали. Москва – конечная!

Проводник, разглаживая пышные седые усы, говорил спокойно, нараспев, будто происходящее его не касалось: чуть что, сядет в свой пульмановский вагон и

туту! Он-то сядет, а мы, действительно – приехали! И как быть? Я надеялся на помощь товарищей, а они вне закона. О каком законе я говорю? Господи, куда бедному еврею податься? Как куда? Тише, Марк, ты так распереживался, будто сам участвовал в этом заговоре. О тебе здесь никто не помнит и никто не знает. Все давно забыли идейного борца за освобождение трудового крестьянства.

Присев на чемодан, с удивлением посмотрел на притихших жену и дочь. А они что здесь делают? Зачем я их сюда привез?! Азохен вей... надо что-то делать, надо... идти к Моне. Моня живет на... живет... на Малой Ордынке! Как я мог забыть. Голда, Мария, берите чемоданы, идем, идем...

Город произвел на девочку удручающее впечатление. Да и можно ли это назвать городом? Всюду грязь, ветер треплет обрывки старых газет, афишные тумбы пестрят непонятными объявлениями, заплеванная подсолнечной шелухой мостовая, какие-то тетки в платках с вязанками бубликов на толстых шеях и кругом солдаты: все мужчины поголовно в фуражках, ремнях и с винтовками. Она зажмурилась, моля Бога, чтобы это был сон: ну, что Тебе стоит? Сейчас я открою глаза и окажусь в любимом Риме. Ну, пожалуйста... приоткрыла веки, посмотрев на удручающую действительность сквозь густые ресницы... «видение» не исчезло. Все те же трезвоны мерзко скрипящих на поворотах трамваев, резкое кваканье автомобильных клаксонов, крики извозчиков, перебиваемые руганью и площадной матерщиной и беспроектная, всепоглощающая серость.

– Что ты хочешь, Марк? Здесь все пошло не так, как мы думали!

– Самуил, почему ты говоришь шепотом?

– Шепотом? Прости, я не заметил... За это время я привык. Сейчас громко говорят только о будущем и на митингах, а мы с тобой говорим о прошлом... Знаешь, это теперь не приветствуется. Да и зачем говорить в полный голос, когда твои девочки спят?

На узкой панцирной кровати, под старым солдатским одеялом спали Голда с Марией. Вымотанные дорогой, переступив порог полуподвальной квартирки и познакомившись с хозяином, они умылись и, слегка утолив голод тощей селедкой с морковным чаем, попросили, если это возможно, уложить их спать.

Хозяин – брат Мони – Самуил совершенно не удивился их приезду. Вначале это поразило Марка, но к концу дня он понял: за последние полгода Самуил, как и большинство граждан новой страны, просто перестал удивляться, реагировать и оценивать происходящее, иначе можно было элементарно сойти с ума.

– Где Моня? Нет, слава богу, этот шлимазл в событиях не участвовал! Почему его нет дома? Шо сказать, Марк, он таки пошел служить в их Красную армию. И ты знаешь кем – комиссаром! Нет, я всегда знал, у нашего Мони язык подвешен, и я тебе скажу больше – он у него без костей! Но я никогда не думал, что с этими талантами он так далеко пойдет. Ох, я надеюсь, у этого поца хватит мозгов не заходить туда, откуда уже нельзя будет вернуться... О каком заговоре ты говоришь? Вчера был очередной спектакль, поставленный этим германским выскочкой! Он все заранее подготовил. Понимаешь, мы

ведь хотели честно, мы хотели все поделить... азохен вей, эта наша проклятая национальная черта – благородство! Нельзя ни с кем, а тем более с этими гопниками большевиками, проявлять благородство! Он, как оказалось, хочет править один. То же мне – царь Соломон! Ему не нужны ни две, ни три, ни, тем более, десять партий! Ему никто не нужен! Поверь мне, придет время, и он избавится от своих. Это не революция, это диктатура! А ты знаешь, что такое диктатура? Это кровь. А когда льется кровь... ох, Марк, когда льется кровь – страшно, но это еще поправимо, но когда льется много... реки крови – прилетают стервятники. И с каждым днем их аппетит возрастает... Зачем ты вернулся, Марк? У тебя такие замечательные девочки? Что с ними здесь будет?

Этот вопрос не давал ему покоя всю дорогу, особенно остро вонзившись в раскалывающуюся голову на вокзале. Что он наделал? Почему не вышел из поезда в Польше, почему не отдал все свои деньги, всё, что имел там, в Италии, лишь бы остаться, пусть в лагере для перемещенных лиц, пусть на улице, в нищете: выкрутились бы, выжили, встал бы на ноги. Но здесь? Вот кто шлимазл. Он думал, здесь его ждут старые товарищи, он думал получить от революции кусочек гешефта. Старый дурак, кусок идьёта! Получил... Москва – конечная...

Любая неопределенность когда-нибудь заканчивается – так устроен мир. Но в семье Гольдштейна неопределенность растянулась надолго. Вначале Марк, неимоверным усилием воли взяв себя в руки, по старой привычке решил открыть часовую мастерскую, но Самуил вовремя отговорил.

– Мэшугинер¹! Ты рехнулся? Они не нуждаются в швейцарских часах. Почему? Зачем им точность? Ты же видишь – у них свое время! Общечеловеческое они повернули вспять. Страна скатилась в феодализм и, скажу тебе по секрету, скоро дойдет до крепостнического рабства. У меня складывается впечатление, будто Там, наверху, забыли о несчастной России и бедных евреях, в ней проживающих. Иногда мне кажется – Господь отвлекся на секундочку... на Свою секундочку, которая здесь длится вечность! Но ведь, как я понимаю, даже когда Ему некогда, кто-то вершит Его волю? Кто-то должен управлять нами Оттуда? Вот и вопрос, Марк, кому надо было устроить это безобразие? Не могут люди сами до такого додуматься. Фантазии не хватит... Поэтому, Марк, брось свои прожекты. К тому же, позволь тебе напомнить, если ты не заметил: с частной собственностью здесь покончено раз и навсегда!

Как они выжили? Благодаря Голде. Почему Марк был не в курсе, и где она прятала доставшиеся от сеньора-рэба Пьетро камушки, никто так и не узнал. Но на деньги (язык не поворачивается называть этим благородным словом бумажные миллионы, на которые покупали коробок спичек!), вырученные от продажи по бросовым ценам драгоценных фамильных камней, они и продержались.

К осени у Марка совсем опустились руки: изо дня в день, словно обиженная, голодная птица, повесив свой большой нос, сцепив за спиной узкие ладошки худых рук, он мерил короткими шагами крохотную комнатку в

¹ משוגענער [мэшугенэр] (идиш) - сумасшедший

полуподвале Самуила. На улицу выходить опасался – все казалось ему чуждым и враждебным.

Марии, напротив, действительность нравилась все больше. Огромное удовольствие она получала от общения с дворовыми мальчишками: девочка обрела уверенность и развила дремавшую ранее ловкость, попутно расширив границы познания русского языка. В отличие от отца, она, кажется, ничего не боялась. Наоборот, как только во дворе затевалась очередная потасовка с беспризорниками, Мария бежала посмотреть, покричать, а зачастую, и принять участие в драке. Местные ребята вначале сторонились худой, непривычно смуглой оборванки, стесняясь в присутствии «обезьянки» ругаться отборным матом, но вскоре привыкли и уже не замечали этого лягушонка с длинными (тонкими, как спички, но стройными) ногами. Когда драка становилась по-настоящему опасной, один из них – Николай, просто вышвыривал «дьяволенка» из кучи дерущихся, тем самым нанося подруге психологическую травму: что-что (тут сказывалась горячая кровь итальянских предков), а драться она умела.

С Николаем они сошлись не сразу. Недоучившийся гимназист, отец которого служил в ЧК (страшной организации, которую все боялись, произнося эти две буквы шепотом, отчего получался зловещий звук передергиваемого затвора), был на три года старше Марии. Двенадцатилетний, физически развитый подросток (до революции занимался легкой атлетикой), нигде не учился, но, как сам говорил, помогал отцу обезвреживать контру, и даже один раз ему доверили револьвер. Врал, конечно.

Но про оружие Мария верила: в те годы его в Москве (как и во всей стране) находилось в избытке.

Познакомились случайно: однажды, ранним утром она, отстояв молчаливую, длинную очередь за хлебом, уже протянула карточки, как вдруг ее оттолкнул развязный широкоплечий паренек, громко крикнув: «Чего уставилась, раззява, я здесь стою!» От неожиданности и наглости она растерялась, выпав из очереди, вернувшись домой с пустыми руками. На следующий день история повторилась.

– Stronzo², porko cane³, шлимазл! Ничего, завтра он у меня получит!

Но на следующий день парень не объявился. Не пришел он и через день. И когда на третий Мария, успокоившись, встала в хвост «понурой змеи», ее неожиданно кто-то с силой потянул за локоть. Он!

– Что тебе надо, bastardo⁴?!

От незнакомых слов хулиган выпучил глаза.

– Не дрейфь, помочь хочу.

– Vaffanculo⁵! Два раза уже помог!

Но stronzo крепко держал за руку, проталкивая упирающуюся упрямицу к хлебному окошку:

– Разойдись, вас здесь не стояло! Видишь, как оголодала – всей харей почернела! – с этими словами он протянул ее, крепко зажавшую в кулаке карточки, руку под нос измученной хлебобрезке.

² Stronzo (итал.) – засранец

³ Porko cane (итал.) – грязная собака

⁴ Bastardo (итал.) – ублюдок

⁵ Vaffanculo (итал.) – пошел в жопу

Так они и познакомились. Николай оказался хорошим другом, с которым можно было не только подражаться, как с другими мальчишками, но и поговорить. Он даже знал несколько слов по-французски, чем привел Марию в совершенный восторг. В детстве все кажется выпуклее и ярче, даже в голодные, страшные годы. А когда кругом беда и тоска смертная, и не заметишь, как в душе поселится любовь. А как иначе – иначе не выжить. Она и полюбила. Сильного, смелого, наглого и удачливого парнишку. И он к ней привязался. Ну, и пусть девчонка – не всякий парень так драться умеет. С тех пор стали они «не разлей вода».

Глава четырнадцатая

Кавалли

Сколько себя помнил, все время хотел вырваться из этой нищеты: трех комнатенок в старом доме под черепичной крышей, неопрятно одетых, сопливых сестер, вечно пьяного и потому злого, отца, зимнего холода и постоянного чувства голода.

Сестер было семь – мал, мала, меньше. Семь маленьких замарашек, ноющих, голодных и крикливых. После смерти матери, умершей при родах младшей, названной Октавиа⁶ (как иначе назвать восьмого ребенка в семье), он был вынужден ухаживать за девочками, как мог, уберегая от побоев инвалида отца, добывая еду, даже стирая за ними. Поэтому местная босоногая шантрапа (такие же дети послевоенной поры) прозвала Антонио Кавалли Белоснежкой, которая, как известно, обслужи-

⁶ Октавиа по-итальянски – восьмая.

вала семь гномов. Сколько раз он дрался из-за этого, сколько синяков получил сам и наградил ими забияк с соседних улиц, оттачивая и совершенствуя мастерство кулачного боя. Но прозвище пристало – Белоснежка с виа Гарибальди. Вот на кого он хотел походить, вот кто был его герой! И когда отец, в редкие минуты общения с сыном, затрудняя свою бессвязную речь суетливой жестикуляцией, полузапletaющимся языком объяснял: «Фамилия наша, сынок, означает лошадь! Именно на таких, как мы, рабочих лошадках, и держится вся эта, в пух ее подери, распрекрасная страна. И работать мы должны, как лошади! Так что не ленись... сходи еще за одной бутылочкой для героя битвы при Капоретто!» Он думал о другом: не хочу я быть лошадью. Я – человек! И походить он хотел вовсе не на отца, а на храброго, неустрашимого героя, чье имя носила улица, где их семья влачила жалкое существование.

Всего две вещи в этой никчемной, бессмысленной жизни приносили Антонио радость: прослав на своей улице первым гордецом и забиякой, он страсть как любил подраться. Любая стычка, после которой соперники расходились с припухшими носами, заплывшими, в фиолетовых разводах, глазами, в перепачканной одежде, примиряла его с действительностью. Драка как бы подтверждала: не может быть жизни без насилия, побоев и боли.

Но была еще одна радость, со временем переросшая в тайную, старательно скрываемую ото всех страсть. Когда молодой Кавалли посещал кафедральный собор святой деви Маргариты, в нем будто что-то менялось.

Возвышающийся над рельефом древних гор, (от которых и получила название средневековая крепость – Монтефьясконе, «монте» по-итальянски, как известно, гора), величественный купол построенной в Средние века Базилики был виден издалека, с противоположной глади озера Больсена. Но не собор и, тем более, не католическая вера привлекали молодого паренька. Каждый раз, заходя внутрь массивного здания, он зачарованно смотрел на великолепную роспись, на которой в окружении святых парили в голубых облаках бездонного неба Христос и Дева Мария; любуясь фресками и мраморными скульптурами, расставленными высоко в нишах широких стен. Казалось, они вот-вот оторвутся от постаментов и спустятся со своей высоты на мозаичный пол. Антонио был уверен, они не разобьются: чудом, дарованным свыше, воспарят, уносясь туда, где жизнь легка и прекрасна, где нет голода, нужды и где «человек человеку товарищ и брат».

Это странное, но крепко засевшее в голове выражение, он услышал от однополчанина отца, однажды явившегося к ним посреди холодной зимы двадцать пятого года. Отец тогда был на редкость молчалив, товарища слушал внимательно, мерно покачивая головой, но в конце беседы, которую почему-то назвал «агитацией», взял бутылку кислого вина и, приложившись прямо из горлышка, хрипло подвел черту: на мою шею попов хватит, а ты еще какую-то партию хочешь повесить! Иди, промывай мозги, кому помоложе, мне в твое светлое царство не попасть, я по старинке, подожду билетик в рай... и, засмеявшись, одарив гостя гнилозубой улыбкой, допил вино, повалившись на смятый тюфяк.

Несмотря на трудности и частые стычки с «врагами», молодой Кавалли бодрость духа не терял. Нрава паренек был веселого, постоянно что-то мурлыкал себе под нос, зачастую переходя в полный голос. И тогда, казалось ему, душа устремлялась туда, куда готовы взлететь скульптуры из собора, куда мечтает заполучить счастливый билетик горе-отец.

В один из весенних дней, пребывая в отличном настроении после посещения собора, вдыхая полной грудью пропитанный сладким ароматом созревающих апельсинов воздух, Антонио спускался по узким улочкам, тихо напевая песенку Герцога: «сердце красавицы склонно к измене...». Любуясь синевой высокого неба, подросток не заметил, как запел в полный голос, звонко и чисто, наполняя пространство светом льющейся мелодии. Казалось, дома по обе стороны расступились, расширив границы улицы. Перед воротами старого города его окликнул Чезаре⁷ – парень, года на два старше, с густыми, сросшимися на переносице, бровями и легким пушком над верхней губой.

– Ну что, Карузо, поухаживал за гномихами, всем носы высморкал?

Из проходных дворов лениво подтягивались малолетние аборигены, предвкушая интересное развитие событий. Настроение было испорчено, но драться в такой благостный день, после созерцания скульптурной красоты, совершенно не хотелось. Однако Чезаре не отставал.

– Может, ты им не только носы подтираешь, а, Белоснежка?

⁷ Чезаре. В переводе с Итальянского – волосатый

Дружный гогот покрыл улицу. Если это стерпеть – можно вечером уезжать из города. Дурная слава распространяется быстро, особенно, среди мальчишек. Антонио остановился, медленно снял кепку, засунув ее за ремень и, повернувшись к Чезаре, наклонив красивую, в обрамлении черных вьющихся волос, голову пошел, словно бык, прямо на обидчика, до боли сжав кулаки.

– Ату, ату! Бей его!

Драка получилась короткой, но содержательной: разбросав сподручных волосатого подростка, Антонио точными ударами расквасил пару носов; увесистым пинком втолкнул толстого сына булочника в одну из арок (поджарься, пончик!); увернулся от нескольких ударов Чезаре и, в конце концов, нанес забияке сокрушительный удар в челюсть, в азарте не заметив, как сам получил несколько хороших тумаков, и сейчас, пиная воздух вслед уносящему ноги противнику, морщился от ноющей боли в левом веке. Отряхнув поднятую с земли кепку, осторожно потрогал заплывший фиолетовой подушкой глаз.

– Больно?

Вопрос прозвучал неожиданно. В проеме темно-зеленых дверей старого дома стоял опрятно одетый мужчина, в шикарной фетровой шляпе Борсалино, с перекинутым через руку светлым плащом.

– Вам не все равно?

– Раз спрашиваю, значит, не все равно. Ты хорошо дерешься.

– Дрался бы хорошо, не подбили бы глаз!

– И хорошо поешь, – незнакомец проигнорировал комментарий.

– Что вам надо, сеньор?

– Мистер.

– Что?

– Во-первых, не сеньор, а мистер, во-вторых, мне от тебя ничего не надо, а тебе от меня может кое-что понадобиться.

– Вы из Лиги Наций?

– Ну, другого ответа от такого драчуна я и не ожидал.

Насвистывая неизвестную Антонио мелодию (как после узнал – свой любимый чарльстон), перекинув плащ через плечо, мужчина зашагал вверх по булыжной мостовой упругой, танцующей походкой, словно пантера: свободно, уверенно, в то же время готовый в любой момент распрямить «пружину» в случае внезапного нападения. И мелодичный свист, и походка, и весь облик уверенного в себе человека потянули к себе Антонио, словно магнит. Нацепив на слипшиеся кудри потертую кепку, он, неожиданно для себя, пошел вслед за свистуном, непроизвольно подражая его походке.

– Удар хороший, но внимания к происходящему мало. Слишком горячишься. Драться надо с холодной головой, тогда победишь, – мужчина говорил, не оборачиваясь, словно был заранее уверен – паренек пойдет за ним, как привязанный.

– А я что, проиграл?

– Но и не выиграл.

– Отчего? Они же разбежались!

– Ты на свою физиономию посмотри. Девушке такое не понравится.

– У меня нет девушки.

– А я слышал – ты ей нос подтираешь.

Кулаки зачесались...

– Это сестры.

– Ааа! Это меняет дело. И сколько их у тебя?

– Семь.

Резко остановившись (Антонио чуть не налетел на широкую спину), незнакомец звонко и весело рассмеялся. Злость ударила в голову: хорошо смеется, но ничего, когда-нибудь я тоже посмеюсь!

– Так вот почему Белоснежка... ладно, не обижайся, я не нарочно... это, правда, забавно.

Отсмеявшись, мужчина протянул руку:

– Позвольте представиться. Уильям Браун младший.

Пожатие широкой, натренированной ладони оказалось сильным и решительным. Таким же, как и все, что делал этот человек в своей жизни.

– Антонио Кавалли.

– Приятно познакомиться с человеком, который не побоялся подраться с десятком парней.

– Да кто из них драться-то умеет?!

– Да вы хвастун, сеньор Антонио?

Кем-кем, а сеньором его еще никто не называл. Парень смутился, покраснел, опустив взгляд себе под ноги. За разговором незаметно дошли до вершины подъема. Но, как оказалось, в Базилику мистер не собирался. Он расположился на смотровой площадке, вдохнул полной грудью сладкий воздух, расправил руки и громко произнес:

– Какая красота! И сколько воли вокруг.

О какой воле он говорил, Антонио не понял. Не было в Монтефьясконе воли. Во всяком случае, на его короткой памяти. Не встречал он ее. Может, раньше, когда сюда наведывались папы, и была. Так это когда было. И что за красота? Он эту картину каждый день видит: гора, внизу поля, чуть дальше озеро. Место, как место. Его здоровый глаз выказал столько недоумения, что Браун младший вновь рассмеялся, но коротко и как-то с горчинкой.

– Поверьте, мой юный друг. Это по молодости мы не замечаем красоты мест, нас окружающих. Пройдут годы, и вы начнете смотреть на мир иначе. В каждом дереве, в каждой иголочке этой пинии вы будете видеть и красоту, и волю, и все лучшее, что на этой земле воспроизвел создатель. Ну, да ладно. Это лирика. У меня к вам конкретное деловое предложение. Хотите разбогатеть?

Вопрос поставил в тупик: кто не хочет? Да как это сделать?! Апельсины из папского сада воровать? Стоп! Да он же... Жар бросился в лицо. Мистер – значит американец, шляпа шикарная, костюм, ходит, как на пружинах, такой самоуверенный. Гангстер! Это же мафия! Куда меня сегодня занесло?

– И что для этого надо?

– Да, собственно, ничего... вернее, то, что ты и так умеешь делать. Надо лишь немного потренироваться.

– Носы, что ли, подтирать? – сам не ожидал от себя такой наглости.

Американец хмыкнул: с чувством юмора у парня все в порядке.

– Так как?

Антонио Кавалли решительно кивнул головой.

Вот это: «немного потренироваться» он потом долго вспоминал! От этих тренировок болело все: руки, ноги, туловище. Но больше всего – голова. Браун младший заставлял думать! А как думать, когда тебя ежедневно дубасят по органу, где Господь мозг разместил? Удары Антонио получал регулярно. Парням было велено «не жалеть Белоснежку»! У него не было даже сил реагировать на ненавистное прозвище. В первые месяцы из всей тренировки больше всего любил скакалку: крутишь хлесткую веревку, прыгаешь через нее, освобождаясь от мыслей, избегая боли от ударов... Но и тут Браун младший кричал: не прыгай просто так, думай! А о чем думать? Об отце, сестрах, о ставшем таким родным и желанным Монтефьясконе?

Он уехал, ничего не сказав отцу. Просто зашел домой, «вытер» напоследок всем сестрам носы, обняв и поцеловав каждую, собрал свои малочисленные вещи в мешок и вышел вон, от этой нищеты, холода, голода... в большой бокс. Это потом он узнал, что Браун встречался с отцом и обо всем договорился, оставив двадцать долларов, пообещав: через год о твоём сыне будут писать газеты. А пока он тренировался. Один, в паре, снова один. С остервенением бил по надетой на руку тренера Гарики «лапе», прыгал на скакалке, бегал, лежа жал штангу и редко выходил на закрытые поединки, с отворачиванием засовывая в рот распаренную в кипятке капю.

Когда ему впервые сломали нос, испугался: из зеркала смотрела осунувшаяся физиономия с распухшей «грушей» в центре! Господи, зачем мне все это надо, на что я согласился?! Постепенно Антонио начал понимать,

о какой воле говорил Браун на смотровой площадке в его родном городе. Да, по сравнению с рингом, обтянутым канатами, там была полная свобода...

Тренировки продолжались изо дня в день, выматывая, но и культивируя внутри уверенность от растущей силы, появившейся ловкости и расчетливо работающей во время боя головы.

– Не так ты бьешь, сынок, не так. Смотри. У тебя удар идет от плеча. Ты хочешь ударить рукой. Я понимаю, за год ты подкачался, развил мускулатуру. Но ответь, что тяжелее: твоя рука или вес всего моего тела? То-то и оно! Видишь во дворе телегу? Попробуй ее приподнять. Тяжело? Вот! Ты задействуешь мышцы руки, ну, еще грудные. А теперь возьми тот дрын, да, да – тот. Подсунь под телегу и используй как рычаг. Легче? То-то и оно. Так и в боксе. Веди удар от бедра, переноси вес всего тела от ноги, через корпус в руку. А кулак – это ракета! И чем больше «топлива» в твоей ракете, тем дальше она полетит, тем разрушительнее удар. Понял? То-то и оно! Давай, пробуй.

Груша треснула после третьего удара.

Через полгода Антонио с азартом работал руками, все меньше времени уделяя скакалке: давно подмечено – человек с *большим* удовольствием стремится делать то, что у него хорошо получается.

– Ну, как малыш?

– Удар у парня, что надо. И голова хорошо сообщает.

– Пора на ринг.

– Нет, Браун, рановато. Ноги слабые. И движется, как танцор. Не выдержит долго, ноги подведут. Надо еще бегать и скакать.

– Некогда бегать. Через неделю у него первый бой. Смотри, Белоснежка, не проиграй – я на тебя кучу зеленых поставил!

Как он провел тот бой – не помнил. Арена, болельщики, прожектора – все плыло перед глазами. Сидя перед рингом, Браун нетерпеливо покачивал лакированным носком модного штиблета – нервничал. Во втором раунде, когда Антонио, открыв корпус, пропустил серию ударов, американец надвинул широкополую шляпу на глаза, как бы говоря: проиграешь – видеть тебя не желаю. Этого нельзя было допустить: слишком большие деньги были вложены Брауном младшим в Антонио Кавалли, слишком многим он был обязан этому «гангстеру» от бокса, подписав свой «кабальный» контракт. Обмахиваемый полотенцем в своем углу, Антонио, плохо соображая, слушал тренера:

– Сынок, ты забыл, чему я тебя учил? То-то и оно! Холодная голова, горячее сердце и удар от бедра. Смотри, поляк выдыхается. Видишь, у него грудная клетка петушиная, узкая – легкие не так много воздуха забирают. А что это значит? Правильно – он вынужден дышать часто. То-то и оно! Да, двигается он отменно, ноги хорошие... говорил же, надо тебе еще ноги подкачать... так вот, ты и улови момент, когда он воздух хапать начнет, тогда атаку и начинай. Отвлеки его, мутузь хоть по воздуху, у него от этого дыхалка еще больше собьется, и он откроется. Не может не открыться – все открываются. Главное – не зевай: левой по печени, правой – в

челюсть. Только от бедра, чтоб наверняка – смертельно. Ну? Понял. Давай, давай, родной! Итальяшка чёртов!

Уильям Браун младший стоял в раздевалке, скептически оценивая разбитое в кровь лицо молодого боксера. Скривив брезгливую гримасу, двумя пальцами обтянутой перчаткой руки потянулся к заплывшему левому глазу и вдруг, отбросив в сторону по обыкновению перекинутый через плечо плащ, не боясь запачкать дорогой костюм, притянул к себе избитое тело, крепко обняв.

– Ну, молодчина! А, Гарик? Как он сделал этого Кшиштофа? Да ведь то не простой был поляк – чемпион страны, как-никак! Ну, молодец, герой, молодец! Это ж надо, я думал – все! Пропали деньги! Я ведь на тебя тысячу поставил. Не подвел! Нет, ну как он его?! До сих пор этот удар в глазах стоит: вначале воздух начал молотить, ну, думаю – все! Сдулась наша Белоснежка, утром, к чёртовой матери, отправлю к сестрам – носы подтирать. А он! Уловил момент, да в печень. Ты бы видел его глаза! Он не понял! А ты его – в челюсть. Да как-то так, с оттяжкой, от бедра, всем корпусом заехал. Он не под удар, под поезд попал. От такого не встают... Ну, правда, он и не встал. Держи, твоя доля. Заслужил. Давай, отдыхай, и через два дня... хватит ему два дня, Гарик? Хорошо, через три дня на тренировку. В следующем месяце едем во Францию, там соперники посерьезнее. Нет, ну как он его... от бедра и в челюсть...

– То-то и оно...

Глава пятнадцатая

Еремич

В жизни всякое случалось: и сам бил, и бит бывал, но крови не любил. В обморок, подобно курсистке, не падал, но... брезгливое чувство выигрывало внутри, словно запачкаться боялся. Поэтому в Гражданскую, воюя в Первой конной, не скакал во весь опор на взмыленном, с дико вытаращенными глазами, скакуне, размахивая шашкой; не орал до хрипоты, напрягая жилы, исторгая из глубин нутра громогласное «ура». Некрасиво это, не по-людски. Другое дело: вынесет тебя во фланг вражеской лавы тачанка-ростовчанка, лихо развернет возница четверку разгоряченных коней – и поливай противника свинцом: и дело сделаешь, и руки в крови не измажешь – будто со стороны наблюдаешь. Правда, риск (и не малый) был: не дай бог, нагонят. Тогда не обессудь, стрелять не станут. Шашками изрубят, что капусту нашинкуют. Оно и понятно: после горячности боя и страха смерти (ты ж ее сам минуту назад щедро сеял на бранном поле) озлобленность из людей выходила, в дикий нрав преображаясь.

А он любил красоту.

Одиннадцати лет от роду, Андрея, старшего сына белорусского крестьянина Антона Ерёмича, еле-еле сводившего концы с концами, отдали в услужение к купцу Сенкевичу в Гродно.

– Што ты, кум, не кажы, Андрейка твой хоць и не хлопец, но ужо и не дзіця.

Кум приехал из Свисловичей проведать мать Андрейки. Серьезно тогда Геля захворала, даже слегла, что

работающей бабе совсем не свойственно. А с чего? С забот. Шутка сказать: в хате девять ртов мал, мала, меньше, попробуй, прокорми такую ораву. Про одеть, обусть – разговора нет: летом пушай босиком резвятся, а зимой – одни валенки на всех: до нужника сбегать. А так пусть дома сидят, нечего, почем зря, сопли морозить.

Первенцу своему Антон, сын Агапона, страстно желал в люди выбиться. Да как в этих, богом забытых, Почуйках сему чуду свершиться? Тут человек, что скотина – порой не поймешь, кому под соломенной крышей лучше живется.

– Вот и сговорились. Завтра же и поедем. А чего тянуть, тем более маці твоей лучше стало: глянь, уже и с ложка подняцца. Так что, собирайся. Путь, понятно, не близкий, почитай пятьдесят с гаком верст. Поедем через Свисловици, там у нас с теткой Агатой денек-другой передохнешь, пасля напрямиком к пану Сенкевичу и доставлю. Ему работники нужны, а там, гляди, прыказчыком станешь...

У Сенкевича били его не сильно, но часто и все. С утра за чуб таскала кухарка – чтоб самовар раньше кочегарил; днем выкручивал уши Васька-приказчик (тот еще вражина!) за пол неметёный, за грязь на прилавке, за мусор оставленный; днем прилетала пара-тройка пинков от посыльных – шо ты такі не спрытны⁸; под вечер, по обыкновению, сам Вацлав Глебович отвешивал подзатыльник-другой: для порядку и пушого застрашванне, ибо каждый должен знать свое место и цену. А тебе цена, шчанюк, шэлег⁹ в базарны дзень.

⁸ Спрытны (белорусс.) – расторопный.

⁹ Шэлег (белорусс.) – грош.

Вот и выходило, что все, кому не лень, прикладывали руку к худосочному телу никем не защищенного парня. А как не приложить: жизнь – не сахар: люди местом и добытой копеечкой дорожат, а бестолочь вясковы¹⁰ под ногами путается, все у него из рук валится, ни к чему не приспособлен.

Так прошел год. Андрейка пообвык, пообтесался. По родным скучал меньше, все реже утирая слезы, уткнувшись по ночам в набитую соломой подушку. Постепенно жизнь стала налаживаться: пришло понимание, чего от кого ждать, как и чем домочадцам Сенкевича угодить: когда подсуется, а когда и схорониться от хозяйского гнева.

На исходе второго года, в начале августа, объявилась в лавке заезжая дама: худющая, спина – аршин проглотила, платье в кружевах да рюшах, на красивой голове шляпка с вуалью. Остановилась на пороге, острым взглядом комнату оглядев (он эту привычку потом на всю жизнь перенял), летним зонтиком модный сапожок постукивая. В лавке, прошлогодним табаком, пыльным чаем, да кислым хлебом пропахшей, ландышами повеяло, будто свет божественный пролился. В жизни Андрейка такой красоты не встречал. Как все закрутились, забегали: Вацлав Глебович суетливо кафтан натягивал, пуговицами в петли на раздутом животе не попадая; Васька вытянулся... и застыл; посыльные в дверях лбами стукнулись. А он не оробел. Ловко стул поднес, чистым полотенцем пыль смахнув. То, что ловко, по масленой улыбке Сенкевича понял: морщины в уголках век много-

¹⁰ Вясковы¹⁰ (белорусс.) – деревенская.

кратно увеличились, отчего и без того маленькие глазки в совершенные щелки превратились.

– Не извольте беспокоиться, сударыня, у нас всегда чисто, – и Андреюку, машинально, по заведенной привычке – тресь по затылку (не суйся в калашный ряд!) тут же, натянув пальцами за обшлаг засаленный рукав, седушку «отполировал», рожу пуще прежнего пытаюсь расширить: но куда – того и гляди треснет! – Присаживайтесь, чаю не угодно ли-с?

– Отчего, почтеннейший, юношу наказать изволили? – тихо спросила, но всех будто ушатом ледяной воды окатило.

– Так... чтоб не озорничал. Выюнош больно пряткий.

– Прыткий, говорите? – тремя пальцами в кружевной перчатке притянула упрямый мальчишеский подбородок, сверкнув из-под вуали карими искорками. Не оробел Андрейка, не отвел взгляда, понял – судьба его решается: либо в захолустной нищете прозябать будет, либо в другом мире окажется, а что дальше – не важно, лишь бы вдыхать этот дурманящий, исходящий от загадочной и манящей барыни, аромат! – Отдайте мне паренька.

– Как так – отдайте? – стерев улыбку с лица, опешил старый Вацлав.

– Элементарно.

– Да на что он вам, голубушка, сдался?

– Я вам, любезный, не голубушка, и лишних вопросов прошу не задавать. Ваша лавка? Торгуйтесь! – И зонтиком неожиданно хлоп по лысеющему, в бусинках

пота, лбу, от чего рот хозяина непроизвольно растянулся во всю ширину разъявшейся морды.

На каких условиях «подписали соглашение», Андрейку не уведомили, велев, спустя час, собрать пожитки и отправляться за барыней в новую жизнь:

– Повезло тебе, голодранец – на широкую дорогу вступаешь!

Знал бы, куда та широкая дорога приведет... нет, пожалуй бы – не пожалел, но соломку...

Ольга Павловна Ишевская служила в Мариинском театре. Не примой, конечно, но в кордебалете стояла в первой линии, и в «Лебедином» одним из четырех лебедей по сцене скакала. Так Андрей для себя вначале определил. А как иначе сказать – танцуют-то по-другому: не раз видел, как Миха-стекольщик в кабаке, что напротив лавки Сенкевича, в пляс пускался, девок за собой увлекая, как вприсядку танцевал, а над ним Олеся кружилась, платочком на вытянутой руке размахивая. А тут что? Прыгают, друг друга за неприличные места хватают. Не понимал он этого. Зачем она его сюда привезла? Может, понравился он стройной барыне расторопностью, взглядом сметливым, в столь малом возрасте многое в жизни повидавшем, да физиономией смазливой? Невдомек было молодому пареньку – в надежном человеке нуждалась Ольга Павловна, кому можно сложное дело доверить, кто преданным станет до мозга костей, готов будет за нее и в огонь, и в воду. А такого надо было еще воспитать, к себе приручить, приклеить... Вот и помогла парню, приклеив на всю жизнь...

Сейчас, загнанный в угол толстым итальяшкой, сидя в Сорренто, в комнате с закрытыми жалюзи, он за-

давал себе один и тот же вопрос: отчего он «заболел» этой страстью? Где первопричина его неводержанности перед женской красотой, женским телом? С чего все началось? С роскошных особняков, куда часто выезжала на званые приемы Ольга Павловна, неизменно отвечая на вопросительные взгляды хозяек: это мой паж, не могу и дня без него обойтись, – грациозным жестом указывая на застенчивого юношу. Именно там он впервые увидел такие полотна! – дух захватывало: обнаженные пышнотелые богини обнимались с рогатыми существами на козлиных ногах, из воды выходили легкой тканью прикрытые девы... Он старательно отводил взгляд от этого непотребства – ведь стыдно!.. Или с книжек, которые заставляла читать (стыдно не картины рассматривать, стыдно неграмотным быть!) Но и в книжках рисунки не отличались целомудренностью. Может быть, с театра, когда подносил ей белые тапочки со смешным названием «пуанты», а вокруг за кулисами порхали в обтягивающих чулках и белых балетных пачках красивые, стройные балерины. Как он мечтал к ним прикоснуться!.. Или с тех шляпных коробок, которые по субботам благотельница просила снести к модистке Глафире, появлявшейся перед ним в небрежно наброшенном халате, откуда так и просились на волю необъятные женские прелести? Или все началось позже, когда однажды его богиня попросила расшнуровать вечернее платье? Он мечтать не мог – прикоснуться к этому телу, дотронуться до хрупкой, но такой сильной и гибкой спины! А она задержала его вспотевшие ладони на костяшках корсета, медленно передвигая выше, выше... вот сюда... и соединила на маленькой, упругой груди. Даже сейчас, в этом палимом

солнцем Сорренто, Андрея пронзил озноб, пробежав по телу забытыми мурашками... Все бы отдал, чтоб тот миг повторить, тот сладкий поцелуй, который в его деревянное тело жизнь вдохнул, страстью существование наполнив. А дальше...

...Тебе понравилось? Глупенький! Знаешь, почему? Ну, не надо, не смотри на меня глазами испуганного олененка... Потому что красиво. Что ты видел в своей жизни: грязь, подзатыльники да соломенную подушку на ветхом топчане. Жизнь вообще, мой верный паж, штука жестокая, и скажу тебе – это неправильно. Посмотри, сколько вокруг красоты! Почему же досталась она лишь избранным? По какому праву?! Но ничего, скоро все люди станут счастливыми, скоро мы научим всех любить и ценить красоту. А ты, Андрейка, не хмурься. Чаще улыбайся. Улыбка у тебя замечательная: открытая, без лукавства... Ладно, дружок – любезный пастушок, хватит бездельничать. Как говорится: хорошего помаленьку. Собирайся, отнеси бабушке пирожок и горшочек масла... Шучу. Снеси-ка ты, Красная моя шапочка, эту шляпную коробку мамзель Глафире.

Тяжелая коробка. Или он от любви обессилел?

Секрет субботних шляпок узнал следующим летом, цепко схваченный за шкуру слоноподобным городовым (по всему Петербургу облавы шли). Как выкрутился – не понял: ловко выскользнул (точно намыленный) из рыжеволосых лап стража порядка, бросившись наутек! Вдогонку лишь трели свистка, да громкий шелест взметнувшихся из разодранной коробки от нале-

тевшего ветра прокламаций. Вот, значит, какие шляпки носил.

И закрутила-закружила революционная деятельность, опасностью и риском нутро щекоча. Подчас так страшно было... но делать все старался красиво, как учила Ольга Павловна. И в Гражданскую, и в Польскую кампанию, когда впервые, по причине владения языком, в разведку попал, и в боевых действиях против Антоновских банд – всегда старался кровью «не замазаться». Лучше, по приказу товарища Тухачевского, бандитов газом потравить, чем в расстрелянной команде оказаться, приклад к плечу пристраивая, глаза от стоящих напротив тебя отводя.

Там его и заметил «железный» Феликс, забрав к себе в ВЧК.

Где только с тех пор не пришлось побывать, каких заданий выполнить. Но всегда (именно это в нем Дзержинскому и понравилось), шел по жизни с улыбкой, стараясь все делать красиво, при этом руки предпочитая не марать.

И вот тебе на: за-ма-рал!

Глава шестнадцатая

Гольдштейны (Голда)

Происходящее угнетало Голду: Марк сутками лежал на кровати, Мария связалась с этим malavitoso¹¹. Средства к существованию катастрофически таяли, и что делать – она не знала. В один из ноябрьских дней, после третьей годовщины революции, Голда поняла – если не

¹¹ Malavitoso (итал.) – бандит, вымогатель, жулик, мошенник

она, то кто? Соединив собранные в кучу еврейские мозги со швейцарской расчетливостью и итальянским темпераментом, женщина решительно принялась за дело. Прежде всего, заставила Марка составить список старых знакомых. Затем, с помощью Самуила, выяснила, на кого из них можно положиться (прекрасно понимая – доверять нельзя никому), а от кого решительно отмежеваться. Когда дело было сделано, попросила познакомить ее с некоторыми товарищами. Самуил пожал плечами, но помочь обещал.

Ранним утром позднего ноября они вышли из промерзшего трамвая. До Китай-города было рукой подать, но промозглый ветер и колючий снег преграждали путь, что Красная армия Юденичу на северо-западном фронте. Подходя к Лубянской площади, Голда остановилась перевести дух (она так и не привыкла к здешним морозам): дыхание сбилось, сердце выскакивало из груди, лицо застыло и все тело стало деревянным, неживым. Из ледяного оцепенения вывел резкий звук клаксона. Стреляя выхлопными газами, переваливаясь по занесенной снегом мостовой, их попытался обогнать автомобиль, но, несколько раз «чихнув», заглох посреди дороги. Мотору французского «Делонэ-Бельвилль» русский климат тоже оказался не по зубам. Из автомобиля вышел одетый в серое, на вате, пальто человек с отсутствующим взглядом невыразительных глаз.

– Арсений Петрович, здесь рукой подать, я пешком дойду. А вы, голубчик, потрудитесь, чтобы следующий раз авто не глохло... Вечно у меня с ними проблемы... – и, приподняв на прощание элегантную шляпу, осторожно зашагал по скользким булыжникам в сторону

страхового дома «Россия», где разместилась ВЧК. Взгляд голодной, вынужденной выживать любыми способами, Голды впился в интеллигентное лицо. Где-то она видела этого человека! Давно... в Швейцарии... у отца в лавке? Нет... надо вспомнить, это важно.

– Кто это?

– Менжинский.

– Да, как я сразу не признала! Он есть в нашем списке? Ну, что ты мнешься, Самуил? Есть?

Самуил переминался с ноги на ногу. Но не холод беспокоил осторожного брата бывшего эсера: зачем связываться с их чека? Можно найти более безопасный вариант. Но Голда уже приняла решение: развернувшись, быстрым шагом направилась обратно.

– Марк, Марк!

– Что ты так кричишь? У нас пожар?

– Марк, ты знаешь Менжинского?

– И что? Из-за этого надо врываться в дом с таким видом, будто настал конец света?

– Организуй мне с ним встречу.

– Голдочка, почему ты уверена, что он тебя примет?

– Я знаю, чем его заинтересовать.

– Даже не думай об этом! Я не позволю своей жене превратиться... ты хочешь его соблазнить? В Европе у него в каждом городе было по пассии!

– Марк, ты теряешь рассудок. Соберись с мозгами!

– Голда, Менжинский не совсем тот вариант, который нам нужен. Видишь ли, я знаком с ним не так близко, но был свидетелем одной... скользкой истории. Нет! Он интеллигентный, кристально чистый че-

ловек, но в этом все и дело... Ты же знаешь, революция – это неизбежное разрушение старого... А при таком раскладе, как ты понимаешь, невозможно не запачкаться. И всегда нужны деньги. Ты должна это помнить по партийным товарищам, из-за которых мы перебрались в Италию... А где добывать деньги? Вот и приходилось их экспроприировать...

– Ты хочешь сказать – грабить?

– Азохен вей! Зачем сгущать краски? Грабят, когда отнимают последнее. А после наших эксков с голоду никто из ограбленных, как ты изволила выразиться, не умер... Так вот. Денег надо было много, поэтому боевые группы действовали по всей Империи. Правда, не везде успешно, но на Урале, под предводительством некоего Лбова, товарищи работали хорошо. Не просто хорошо, а удачно. Бывший военный, он планировал операции грамотно, да и дисциплина была! Они и передали главе большевицкого центра – товарищу Ульянову-Ленину совсем неплохую сумму, я бы даже сказал – очень неплохую. Что-то около шести тысяч рублей. На что? На покупку оружия. И деньги товарищ Ленин взял, но вот оружия ни на Урале, ни в другом месте никто не дождался. Куда он их истратил? Кто ж его знает. Может, новый велосипед купил после аварии – он тогда под автомобиль попал...

– Какое совпадение...

– Что ты имеешь в виду?

– После, рассказывай.

– Может, в ресторанах прокутил. Чего не знаю, того не знаю. Но факт остается фактом – денег нет и оружия нет. Как узнали? А прибыл в Швейцарию один ма-

ленький человек с Урала – Саша. Да, просто Саша. Нет, с мандатом, конечно, но нелегально. И пожаловался: мол, деньги, с риском для жизни добытые, передали, а винтовок – нет! Я его с Менжинским и свел. А тот, надо сказать, Ленина недолюбливал, называл революционной вертихвосткой, политическим иезуитом, считающим себя единственным претендентом на русский престол. Он тогда был в оппозиции и называл ленинцев секцией партийных конокрадов. Вот Менжинский и составил для Саши «открытое письмо», где Ленина прямо обвинил в присвоении денег. Да! И напечатал это письмо отдельным листком.

– А Ленин?

– Ленин... А что, Ленин? Как всегда рассмеялся (он на такие обвинения прямо никогда не отвечал) и начал рассуждать о прекрасном будущем, когда социалистическое хозяйство будет настолько обширным, что мы каждому талантливому мерзавцу – это он о Менжинском – найдем в нем работу.

– Вот видишь, Марк, ты сгущаешь краски. О том случае уже все забыли.

– Голда, золотце мое, ты не знаешь этих людей! Они никогда, запомни это, никогда, ничего не забывают...

Но Менжинский помог.

Как ни странно, он вспомнил Голду довольно быстро. Внимательно посмотрев на посетительницу безликими глазами, сощурился, задумался, и тут же встал из-за стола, признав в Голде ту девушку, которая десять лет назад оказала ему первую посильную помощь, после того, как его на одной из парижских улиц сбила машина

(в тот год сеньор Пьетро решил показать дочери столицу Франции). Попросив принести чай, выслушал печальную повесть, посетовав: отчего Марк не обратился к нему – мы старых товарищей не бросаем; спросил про отца (жаль, жаль, простите, не знал... царствие, что называется, небесное. Я помню, прекрасно помню, как вы с ним навещали меня в госпитале), и затем выжидательно замолчал. Если человек пришел, значит, с просьбой. Не надо смущать, пусть соберется с мыслями и спокойно все расскажет.

По итогу встречи Голда получила место в НАРКОМПРОСЕ¹², которым заведовала сестра Менжинского Людмила Рудольфовна.

* * *

– Как это – не знаете, что будете делать? В нашем учреждении, голубушка, вам самое место! Вы сколько языков знаете? Пять? Вот и отлично! Будете учить ребят языкам, проверять иностранную корреспонденцию, делиться опытом с нашими соотрудницами!

В миловидной, интеллигентной Людмиле Рудольфовне трудно было признать закаленного революционной борьбой большевика. Однако вся ее яркая, полная опасностей и волнений, жизнь была отдана партии. Именно ей ЦК поручал самую ответственную работу, посылая на рискованные задания. Именно она, рискуя свободой, помогала товарищам бежать из ссылки, снабжая поддельными документами, организуя выезд за рубеж. Получив дворянское воспитание и прекрасное образование, она, тем не менее, являлась яркой поборницей женского равноправия, предложив издавать журнал для

¹² НАРКОМПРОС – народный комиссариат просвещения.

женщин. Как мы его назовем?.. – «Работница»! Накануне революции именно в ее доме собрались члены ЦК на важное заседание – решать главный вопрос: быть революции или не быть. Обходительная и, в то же время, решительная, принципиальная и неподкупная, Людмила Рудольфовна слыла человеком открытым, с добрым и отзывчивым сердцем.

В Голде она увидела себя в молодости, поэтому отнеслась к молодой женщине со всей теплотой и отзывчивостью.

Постепенно жизнь стала налаживаться: им дали комнату на Большой Никитской, Марию определили в школу смешанного обучения в Мерзляковском переулке – бывшую мужскую гимназию. Появились деньги, и с ними – призрачная, но хоть такая, уверенность в завтрашнем дне. И все бы ничего. Но Марк чах день ото дня. Он практически потерял интерес к происходящему, все больше времени проводя на узком кожаном диване (который Самуил широким жестом отправил вслед за ними в новую квартиру), о чем-то тихо размышляя. А Голда работала, не замечая «капризы» мужа, сюда же ее и привезшего. Ей надо было выживать, растить и воспитывать дочь (хорошо, переехали – хоть от этого *malavito* со избавились), и строить новую жизнь.

Дел в НАРКОМПРОСЕ хватало! Основная задача, поставленная перед комиссариатом просвещения, состояла не в том, чтобы ликвидировать безграмотность; развенчать миф о божественном сотворении мира, высмеивая религию; донести до масс идею социализма, разжевав полуграмотным крестьянам учение Маркса, которое, по словам Ленина: всесильно потому,

что оно верно. Все это, несомненно, важно. Но основная цель виделась в создании и воспитании гражданина новой страны. Человека нового мышления, нового типа: преданного партии, готового отдать все свои силы, а если понадобится, и свою жизнь за идеалы социализма. Не за конкретных – царя и Отечество, а за идеалы. А там кто и когда еще разберет – верные идеалы, не верные, ложные ценности или истинные... И уже с помощью новых людей, этих «винтиков» страны Советов, а, вернее, их силами – возвести доселе никем не виданное (разве только в романах социалистическо-утопистов, да в фантастическом «Что делать?» господина Чернышевского описанное) государство.

– И эту работу, товарищи, надо, прежде всего, начинать с наших детей. Неслучайно ЦК приняло решение передать проблему беспризорников в руки чекистов. Кто, как не они, смогут справиться с наследием проклятого царского режима? А мы им должны в этом всемерно помочь! Что мы можем предложить? Какие есть соображения? Давайте, думайте, товарищи. Международная обстановка очень сложная, поэтому – не затягиваем...

Как эта идея пришла ей в голову, самой себе не могла объяснить. Просто вспомнила детскую книжку, которую отец подарил на День рождения. На каждой странице большая цветная картинка: зоопарк, цирк, театр, парк и под картинкой – четверостишие. Так легко было понять и запомнить кто, что, зачем и почему. Вот она и предложила: чтобы дети легче разбирались в структуре Советской власти, легче запоминали названия наркоматов (слово это терпеть не могла, с недоумением

читая каждый день возникающие все новые и новые аббревиатуры), надо выпустить «книжку-шпаргалку». Пусть художник нарисует, а поэт напишет веселые стихотворения про новые учреждения.

– Молодец, товарищ Гольдштейн! У тебя самой сейчас стихи получились! За работу, товарищи!

Познакомившись с эскизами, Голда оторопела. Она совсем не этого хотела. Но руководство одобрило. Так появилась «ее первая книжка». Когда Марк (он уже почти не вставал с дивана – нервные перипетии последних лет надломили и без того некрепкое духом тело бедного еврея) прочитал принесенные женой вирши, он долго смеялся.

– Что это, – спросил, откашлявшись, – юмористический журнал для детей?

Радуюсь перемене в настроении мужа, объяснила.

– Постой, постой. Ты хочешь сказать, это всерьез? Что на этом будут воспитывать нового человека? Самуил, – обратился он к пришедшему навестить товарищу, – послушай! НАРКОМТРУД:

*Смотрит он со всех сторон,
Что тебя бы, никогда бы,
Никогда бы и нигде
Не обидели в труде!*

– Насколько я помню, мы мечтали о таком государстве, в котором бы и мысли об обмане трудового человека не возникало! Потому что хозяин этого государства и есть рабочий человек. А кто может обидеть маленького ребенка в Советской стране? И что, дети опять

будут трудиться? Опять, как у «буревестника революции» Горького – «В людях»? А вот еще: НАРКОМТОРГ:

*Он вечно морищит лоб,
Чтоб
На суше ли, на море ли
Тебя не объегорили!*

– Опять детей готовят к обману? Но почему? Нет, я, конечно, понимаю: в торговле без шахер-махер не проживешь. Частник на то и частник: он только свою выгоду видит. Но где он сейчас? Они же всё национализировали. А дети, отчего-то, должны быть готовы к обману, чтобы дать отпор? Для чего и существует НАРКОМЗДРАВ:

*За тобою смотрит он
Дома и на улице,
Чтоб ты был здоровяком,
А не мокрой курицей.*

– Но кому давать отпор? Мы же победили проклятых буржуев и капиталистов! Мы, простите – они! выгнали всех эксплуататоров. Выходит, теперь эксплуататор само государство, которое готово «объегорить» своих же граждан? А это? Что это за НАРКОМЗЕМ:

*Ходит с думой он одной
О земле твоей родной,
Чтоб она дала тебе бы
Каждый день краюшку хлеба!*

– Позвольте полюбопытствовать, о какой краюшке хлеба идет речь? Даже когда я жил в черте оседлости в одной из южных губерний у нас, у бедных евреев, всегда было что на стол поставить. Мы жили бедно, но не впроголодь! А теперь дети должны мечтать о краюшке, как я в детстве мечтал о сливочном пирожном, когда отец брал меня с собой в Житомир? Да и как земля сама даст краюшку хлеба? На ней работать надо: пахать, сеять, собирать урожай, а не осанну читать. От одних дум хлеб не родится! Голда, что ты мне принесла? Кто это сочинил, кто разрешил? Наркомпрос? А! Вот и о нем!

*Он заботится о том,
Чтоб ты не был дураком.*

– Самуил, по-моему, дурак – это я! На что я потратил свою жизнь, чему ее посвятил? Зачем я не послушал отца и пошел в революционеры, когда мудрый папа говорил мне русским языком: Марик, что ты делаешь? Какие листовки, какие прокламации? Это не еврейское дело. Наше дело – торговля. Не хочешь торговать, займись ремеслом: стань сапожником, жестянщиком, провизором, на худой конец, ювелиром. А Марик? А Марик хотел перевернуть мир, он хотел жить не в черте оседлости, а там, где захочет. Марику захотелось свободы. И что я получил: лежу в Москве и читаю то, о чем раньше и вообразить не мог. И вы думаете, я счастлив? Вы думаете, моя жизнь, которая завершает свой круг, прошла не напрасно? К чему мы все с вами приложили руку? Мы решили обогнать время, «перепрыгнув через несколько

ступенек», тем самым изменить мироздание, устроив новый миропорядок. Наивные. Мы забыли еврейскую мудрость: бойся времени, даже когда оно улыбается тебе. Время нельзя обогнать, мы просто выпали из него. Азохен вей, если бы только мы? Им удалось это проделать с огромной страной. А этого нельзя было делать! Нельзя вмешиваться в высший промысел! Хоть бы кто-нибудь на секундочку задумался: как может человек, хоть семидесяти семи пядей во лбу, быть умнее Бога? Не дано ему.

Он вдруг прикрыл глаза и затих, будто старался вспомнить нечто важное, то, что не сделал в своей жизни, но должен был сделать давно. Внутренне собравшись, подошла Голда, опустившись рядом на деревянный стул, накрыв ладонью запястье мужа. Марк открыл глаза, внимательно посмотрел на жену и одними губами произнес: прости... Затем глубоко вздохнул, накрыл ее руку своими высохшими пальцами и еле слышно попросил:

– Позови Марию...

Глава семнадцатая

Николай

...Колеса стучали в такт с сердцем Марии. Паровоз призывно гудел, оставляя позади себя станции, полустанки и небольшие города. Скорый! Он нес ее в мир детства, к любимым фонтанам, площадям, к родным улицам с запахом хрустящего хлеба, вкусной лазанье, нежному тирамису и сочному винограду, к утреннему пению птиц и сказочным, достающим до неба пиниям. Уютно устроившись на кожаной полке в мягком вагоне,

Мария смотрела на мелькавшие пейзажи, светясь предвкушением радости от встречи с детством.

Обидно – папа не дожил до этого дня. Он бы порадовался.

Прошло девять лет, как, леденея нутром (то ли от осознания непоправимого, то ли от холодно-отталкивающей кожи скрипучего дивана), она сидела подле отца. Он говорил что-то слабым, бесцветным голосом, о чем-то предупреждал, а маленькая девочка смотрела сквозь него расширенными от испуга глазами с одной пульсирующей мыслью в тяжелой, чутунной голове: не умирай, лучше я замерзну на этом диване, только ты не умирай...

* * *

– Голда Петровна?

Элегантно одетый человек приподнял серую шляпу.

– Вы пришли проститься с Марком?

– Простите, не знал. Соболезную. Я пришел к супруге – сорок дней, знаете ли. Мы хоть это не приветствуем, но... Это ваша дочь?

– Да, Мария.

Человек внимательно посмотрел на девочку и, грустно улыбнувшись, продолжил:

– Мою жену тоже звали Мария, – подойдя к кладбищенским воротам, остановился, предложив подвезти, – что ж, как знаете... Всего хорошего... и вам, Мария. Если понадобится помощь, не стесняйтесь, приходите прямо ко мне.

Так она познакомилась с Вячеславом Рудольфовичем. Встреча эта, на первый взгляд совершенно случайная, мимолетная, коренным образом изменила ее жизнь.

С тех пор молодую девушку будто кто вел, корректно, но твердо держа за руку: в пятнадцать лет ее приняли в Комсомол, поручив возглавить спортивную секцию в школе, которую Мария через два года закончила с отличием (даже по прилежанию поставили высший бал, хотя благонравным поведением выпускница не отличалась); без проблем поступила в медицинский техникум, где с головой погрузилась в общественную работу. Жизнь улыбалась молодой, веселой и озорной Марии Гольдштейн.

Довольно часто они с матерью приезжали к Менжинскому на дачу. Хозяин принимал гостей полулежа на диване (больное сердце не позволяло иначе), при этом всегда элегантно одетый и галантный. Поначалу манеры этого человека приводили Марию в замешательство. Даже к ней — подростку, он неизменно обращался на «вы», проявляя внимание и обходительность, вежливо осведомляясь об успехах, интересуясь, не нуждается ли в чем семья старого революционера. Именно благодаря Менжинскому, Мария пошла учиться в медицинский техникум:

— А кто меня вылечит? Только на таких, как вы, молодых, полных энергии и оптимизма хозяев нашей страны вся надежда.

Четырнадцатого июля, после окончания техникума, они с матерью приехали к своему покровителю — «отчитаться о проделанной работе». Мягкое солнце бережно пленяло ласковым светом высокие сосны и разлапистые ели, оттеняя черные отметины белых берез, пробиваясь в «морщинки» коры старого дуба. Наверху, где кроны теснее соприкасались друг с другом, отбрасывая

на землю прохладную тень, словно в большом птичьем городе, жили своей жизнью пернатые. Невзрачный серый дрозд, сверкая в просветах ржаво-рыжими боками, старательно выпевал короткие арии; крохотная желтая трясогузка, словно метроном, ежесекундно вертела длинным хвостом; отсвечивая оливковым окрасом, старательно добывал жучков дятел, выстукивая твердым клювом стволы гнилых деревьев.

Прошлогодняя, усеянная растопыренными шишками, хвоя коричневым ковром пружинила под ногами. Придерживая соломенную шляпку, Мария пыталась рассмотреть, кто так красиво, словно флейта, поет в вышине. Из душевного равновесия вывел душераздирающий звук. Девушка инстинктивно отшатнулась, не удержав спланировавший на землю головной убор.

– Испугались? – отряхнув, мужчина протянул шляпку, – это иволга. Странная птица: то чудесно поет, то вдруг издает такие ужасные звуки, словно кошке на хвост наступили.

Она едва успела сказать: спасибо, а незнакомца и след простыл – растворился между деревьев, словно его и не было. Может, не человек повстречался ласковым утром – привидение? Легкой волной тревога прокатилась по всему телу... и прошла.

Менжинский чувствовал себя несколько лучше, поэтому встречал гостей на крыльце. Поздравив с окончанием техникума, спросил о планах на жизнь, предложив расположиться на веранде и, внимательно выслушав (хочу в институт поступать), застенчиво, как умел только он, улыбнулся, покачав головой:

– Врач – замечательная профессия! Но сдается мне... ваша матушка отлично владеет пером, да и у вас слог недурён... – помолчав, добавил, – Экая вы, барышня, красавица выросли! Вам сколько сейчас? Двадцать один? Прекрасный возраст, – вдруг задав неожиданный вопрос, – а молодой человек у вас есть?

Словно старая извозчичья лошадь, мирно дремлющая в ожидании седока и внезапно получившая от возницы скрученными вожжами чувствительный удар, прокатившийся по изношенному телу волной боли, Голда материнским чутьем уловила скользкий поворот, на который, сама того не ведая, сворачивала дочь. Вроде «ехали, ехали», а приехали совсем «не по адресу». Не о молодом человеке спрашивал глава секретной службы. О другом. Понадобилось ему ее итальянское сокровище. Со всеми потрохами понадобилось, и добра от этого не жди!

– Что вы, Вячеслав Рудольфович! Мария вся в учебе! Да и рано ей еще!

Переваливаясь, деловито поворачивая длинноклювую голову в разные стороны, подошла к веранде серая ворона. Черными бусинкам умных глаз оценила происходящее и, подпрыгнув на одной лапке, каркнула, взлетев на стоявшую невдалеке ель.

– Рано, говорите? Сами-то когда с Марком познакомились? Вот-вот! Беда всех родителей: очень быстро забывают свою молодость. Перестают чувствовать время! Вы мне поверьте, Мария, я худого не пожелаю. Сейчас придет один замечательный юноша, сын моего давнего товарища...

Час от часу не легче: заныло еврейское сердце старой итальянки, будто надвое его разорвали. Чуяла – неспроста, ох, неспроста сыпались на ее голову все эти «революционные блага». Никого власть просто так не «облизывает». Да сейчас что говорить... еще тогда, на первой встрече догадалась: «подписала» она негласный договор. И с кем?! Только предположить не могла, что платить придется дочерью.

– А вот и наш молодой человек!

Кровь отхлынула от лица, ноги подкосились – хорошо, в плетеном кресле сидела. Николай! Как она радовалась, когда судьба развела дочь с этим *malavitoso*! Его отца в двадцатых перевели в Ленинград, и след молодого варнака затерялся. И вот... не зря иволга дикой кошкой заорала – то жизнь знак подала. Да разве мы умеем читать эти знаки? Правильно говорят: от судьбы не уйдешь.

Мария сразу и не признала друга детства: вырос, изменился главный хулиган ее первого московского двора. Николай улыбнулся открытой, обаятельной улыбкой, непринужденно, но корректно поздоровавшись со старыми знакомыми. Будто вчера расстались. И эта улыбка сразила девушку наповал – она забыла обо всем на свете: и о желании поступать в институт, и о матери, и о Менжинском (нет, о нем она как раз не забыла, он, этот чудовошесбник, просто отошел на второй план, где-то в подсознании звеня одним словом: спасибо, спасибо, спасибо!). Как же она могла так долго жить без этого славного драчуна, без своего *stronzo*!

Дня не проходило без общения. Иногда ей казалось – не было этих лет разлуки, иногда – разлука была

вечной. Все лето с незнакомым ей прежде нетерпением, пронзающим тело нежным трепетом, ждала Мария встреч, стараясь наверстать проведенное порознь время, которое, вопреки земным законам, сейчас замедлило ход, иногда до неприличия замирая и останавливаясь: предоставляло возможность знакомиться заново, наполняясь друг другом.

Позже Мария удивится: Николай почти ничего не рассказывал о себе. Говорила она, но при этом казалось – они вдвоем рассказывают интересную историю, дополняя друг друга. Молодой человек умел слушать.

Однажды он вспомнил, как в детстве Мария говорила с ним по-итальянски, предложив общаться на ее родном языке.

– Я его почти забыла! А ты разве помнишь?

– Нет, конечно! Вот и прошу – научи.

Пришлось прибегнуть к помощи Голды. Та, показав седой головой, согласилась. К концу лета Николай сносно говорил на римском диалекте, а Мария вволю наслаждалась забытой речью предков.

На очередной встрече (сейчас они проходили чаще) Менжинский заговорил по-итальянски, выказав одобрение успехам молодых людей.

– С таким знанием языка сидеть взаперти грех! Кстати, когда свадьба?

Мария покраснела, а Николай ответил по-военному четко, будто ждал вопрос:

– Да хоть сейчас, Вячеслав Рудольфович!

– А и правда, что тянуть? Чего вы зарделись? Вы ведь любите друг друга?

Совершенно произвольно для себя она кивнула, тихо сказав:

– Sì...

– Вот и прекрасно. Сыграете свадьбу и отправлю вас в Италию... что может быть прекраснее медового месяца в Сорренто? Согласны?

А вы бы отказались?

Тем не менее, поездку пришлось на некоторое время отложить...

Глава восемнадцатая

Кавалли (продолжение)

И закружилось: бои, тренировки, бои, деньги, бои, бои, тренировки, бои, бои, деньги... За три года Антонио света белого не видел. Но на ринг выходил уже признанным боксером, любимцем публики, проводшим свыше пятидесяти поединков – Антонио Бьянко¹³. Браун посоветовал. Что за фамилия Кавалли? Лошади на ринг не выходят, для этого есть ипподром. А псевдоним должен быть красивым, звучным, иметь корни... Вот Бьянко и будешь. А он что? Он и не возражал. Американец платил исправно: хватало и на жизнь, и на девочек, и сестрам помочь (регулярно посылал деньги). Лишь одна мысль не давала покоя: если Браун младший столько зарабатывает, сколько же имеет Уильям Браун старший?

После очередного боя, в сопровождении Гарика, болельщиков и репортеров Антонио, подходя к автомобилю, заметил двух молодчиков, стоящих невдалеке со

¹³ Bianco (итал.) - Белоснежка

скрещенными на груди рукам, нахально, с вызовом смотрящих в его сторону.

– Кто это, – недоуменно спросил Гарика.

– Не обращай внимания. Фашисты.

Нехорошим предчувствием кольнуло внутри.

В это время к парням подошел низкорослый толстячок и, оценив ситуацию, что-то громко прошипел, лихо жестикулируя, после чего оба вытянулись по стойке смирно, выпучив мыльные, утратившие наглость, глаза. Оставив, как понял Антонио, своих подчиненных, человек направился к нему, на ходу приподнимая шляпу:

– Позвольте представиться, Адольфо Орсини из Флоренции.

Антонио пожал пухлую мокрую ладонь, брезгливо подумав: после такого прикосновения хорошо бы вытереть свою, но – неудобно. Он было открыл рот, но Адольфо протестующе замахал руками.

– Что вы, что вы! Кто же не знает Антонио Бьянко! Пожать вашу руку для меня большая честь. И еще, прошу извинить моих балбесов, – он скосил бегающие глазки в сторону двух молодчиков, – малограмотные увальни совсем недавно прибыли в столицу. Что вы хотите, еще вчера пасли овец на высокогорье, а сегодня – служащие добровольной милиции национальной безопасности, члены передового отряда партии Дуче. А вы еще не вступили в партию? Жаль. Но это поправимо...

– Уважаемый, если у вас дело, изложите, пожалуйста, покороче. После боя боксеру необходим отдых.

Сочные маслины превратились в колючие буравчики, пронзившие Гарика насквозь. Тренер хмыкнул, широко распахнув дверь перед своим подопечным. Но, к

удивлению, в машину проворно забрался синьор Орсини из Флоренции. Не драться же с ним, то-то и оно.

– Итак, что вам угодно? – продолжил Гарик, когда машина тронулась с места.

– Видите ли, любезный, я уполномочен говорить не с вами, заезжим иностранцем, а с великим итальянским боксером Антонио Кавалли, прошедшим более пятидесяти боев и ни разу не проигравшим! Налево сверните, да, на улицу Национале... Так вот, вы итальянец, дорогой Антонио, и должны понимать – сейчас важно укрепить моральный дух нации. Важно, как никогда, ее сплочение и единство! И первое, что нам предстоит для этого сделать – воспитать молодое поколение в духе патриотизма... да, да, *sempre dritto, sempre dritto*¹⁴, – он снисходительно похлопал шофера по плечу, – и любви к нашей великой родине. Помочь им вспомнить – кто они!

– Как кто? Сами сказали: недавно спустившиеся с гор пастухи. То-то и оно!

Маленькие глазки одарили Гарика презрением.

– Они – наследники великой Римской империи! Потомки Гая Юлия Цезаря, который, как гениально определил наш дуче, является первым, кто хотел объединить всю Италию, то есть – первым фашистом! Поэтому мы предлагаем вам провести европейское турне под знаменем партии. Мы покроем все расходы: и неустойки, и убытки, и гонорар... Главное – укрепить дух наших парней. Прошу вас, Антонио, подумайте, я уверен – вы патриот и примете правильное решение. Что касается вашего менеджера синьора Брауна, мы сумеем его убедить... Остановите здесь. Ответ жду завтра, – вски-

¹⁴ *Sempre dritto* (итал.) – постоянно прямо.

нув руку в фашистском приветствии, Орсини вошел в здание Министерства по делам печати и пропаганды.

Браун младший был вне себя от ярости.

– Мерзавцы, грязные ублюдки! Я тебя нашел, воспитал, я тебя сделал! А теперь они хотят заполучить твою славу? Не выйдет!

Вечером посыльный принес маркированный фашистской символикой конверт и пыл Уильяма поугас. Прочитав, он плеснул виски на дно стакана, выпил, по привычке смакуя, затем, еще раз перечитав письмо, скомкал листок, в бешенстве швырнув на ковер, наполнил стакан до краев и залпом выпил светло-коричневую жидкость. А что делать? Власть поставила перед выбором: либо турне, либо его в двадцать четыре часа выставят из страны. А здесь у него бизнес, школа бокса, секции, ученики... контракты, наконец. А это деньги, и деньги не малые.

– Не смогу я сейчас начать с нуля ни в Америке, нигде бы то ни было! Пойми, они взяли меня за яйца, и это не очень приятно! Подонки, нашли слабое место. И этим местом оказался самый талантливый мой ученик. Хорошо! Принимаем вызов – турне, так турне. В конце концов, какая разница, под чьим флагом бить морды на ринге? Главное – побеждать.

Турне продлилось год. Год жестких, изнуряющих боев, после которых голова раскалывалась, ноги и руки деревенели, тело болело от нанесенных ударов. Но он выдержал. Ни одного поражения. В партию ему предложили вступить после первого боя в Милане. Соперник был сильный – чех из Праги. Уже в первом раунде Антонио рассек ему бровь, но тот не сдавался, только про-

скрипел зубами: фашист! продолжая драться, несмотря на боль и полностью заплывший глаз. Это прозвище – фашист прилипло к Антонио, как репей.

Орсини (он теперь всегда был рядом) ликовал. Браун пребывал в постоянном раздражении, все чаще прикладываясь к бутылке. А Гарик... Гарик потерял к происходящему всякий интерес. Он ненавидел фашистов и давно бы бросил всю эту компанию, но условия контракта обязывали, да и в глубине души он еще надеялся вытащить парня из этого дерьма. Но с каждым боем Антонио все больше нравилась шедшая по пятам, а зачастую и опережающая его слава. Он выходил на ринг, как на шоу: долго раскланивался, потрясая поднятыми вверх руками в объемных перчатках, боксировал жестче, выполняя шипящие наказания толстяка: помни, ты потомок Цезаря! Они все недостойны стоять рядом с тобой! Несмотря на успех, деньги Орсини выдавал скупое, объясняя отсутствие средств необходимостью до конца исполнить контракт: одержишь победу во всех матчах, тогда и получишь заветную сумму.

Месяц назад, когда Браун расписал финальные матчи до последнего боя, уладив технические вопросы и согласовав детали, Орсини решил отослать его в Рим: нечего позорить великую нацию, показываясь на публике в подпитом состоянии. А вашу работу могу делать и я. Не великое дело: горшки обжигать!

За неделю до финального боя Спортивный комитет Германии известил итальянскую сторону о переносе поединка из Гамбурга в Мюнхен, окончательно определив дату. От этого, казалось бы, простого известия ново-явленный менеджер впал в истерику: он ничего не пони-

мал в боксе, он вообще в жизни ничего не умел, кроме как кричать лозунги да плести интриги. А тут – такое!

– Да какая разница, где и когда кулаками махать?

– Что ты понимаешь, сопляк! Только и можешь, морды бить! А тут – политическое дело! Санта Мария – Мюнхен! И когда? Двадцатого апреля, в день рождения Адольфа Гитлера! Святой Януарий, за что все эти беды свалились на мою несчастную голову? Чем я тебя прогневал? Хауфлер будет драться не на жизнь, а на смерть. Он наизнанку вывернется, но победит! А это конец!

– То-то и оно! Но это не конец, это финал.

– Финал? Какой финал?! Это конец мифу о великом Антонио Бьянко! И гонорару конец. И всем нам конец. Партия, знаете ли, не любит, когда не выполняют поставленную ею задачу.

– Значит, надо победить.

– Да если он победит – будет еще хуже! Думаешь, этим штурмовикам понравится проиграть в день рождения фюрера? Мы в ловушке! Это конец, конец.

– Перестань вести себя, как кусок дерьма. Мой парень еще ни под кого не ложился. Мы выиграем, правда, Антонио? То-то и оно! Вот еще, что хотел сказать тебе, Белоснежка. Хауфлер этот вроде левша – следи внимательно, не пропусти удар справа.

Немец дрался хладнокровно и расчетливо: техника великолепная, двигался свободно, удар поставлен. Только почему левша? Он работает правой, и хорошо работает! Задумавшись, Антонио пропустил удар. Встряхнувшись, пошел в атаку, заставив соперника уйти в глухую защиту...

Отступив в «родной» угол, хватая ртом воздух, Хауфлер прислушивался к своим секундантам, громко, жестикулируя за канатами, энергично настраивающих его на победу. Немец собрался и провел серию хороших ударов под одобряющий ор штурмовиков, которые после каждого удара скандировали «хайль Гитлер»! Все это мешало, не давало сосредоточиться, злило и выводило из себя. Холодная голова, холодная голова, только и повторял он. В конце раунда он чуть не достал противника своим коронным ударом в челюсть, но тот ловко увернулся в сторону, умудрившись нанести сильный удар по почкам. Боль пронзила тело, белым пятном вспыхнув в глазах. И опять правой! А я все за левой слежу.

— Да что с тобой? Тебя тут напоили чем-то? Почему не дерешься? Ор мешает? Значит, обрати его себе на пользу... Пусть хоть до хрипоты заорутся — включи голову. Ну, давай, давай, чемпион. Помни: холодная голова. И ноги, ноги, передвигайся легче, сбрасывай напряжение... За левой следи, не забывай.

Гонг отразился в голове, словно снаряд разорвался. В глазах все плыло... мутило... странно, раньше и не такие удары принимал — ничего... отчего сейчас так плохо... Он вяло двигался в ринге, а мозг пульсировал одной мыслью — дерись до конца. Главное — не предать. Ни Брауна, ни Гарика, ни самого себя... Немец нападать не спешил — выжидал удобной, точной позиции, чтобы ударить наверняка. В памяти всплыл Гарик: «тебя здесь напоили чем-то? Почему не дерешься?» Зачем он с утрапил принесенный Орсини кофе: придаст силы, уверенности в себе... воспоминание о кофе вызвали рвотный позыв. И тут как прозрел: сволочь пузатая! Решил так свои

дела уладить? А я-то думал, зачем вчера приезжал один из ублюдков, что в первый день нагло смотрели на меня у машины? Что он мне подсыпал...

Внимание отвлеклось от соперника. Хауфлер понял – пора! Несколько раз выбросив вперед правую руку, поймал момент, когда итальяшка все внимание перенесет на нее, открывшись справа и тут же, как молотом, ударил левой. Удар пришелся по скуле, отшвырнув Антонио на канаты. Отскочив от них, как от резинки, наскочил на повторный удар правой под дых. Хватая ртом воздух, упал на колени. Судья, отстранив соперника в сторону, начал отсчет: раз, два, три... семь... Шатаясь, Антонио поднялся...

* * *

Повезло ему тогда или нет, он не знал. Но сейчас, нежно касаясь ее густых волос, черной гривой разбросанных на белоснежной подушке, ощутив каждой клеточкой: ему не жить без этой женщины, понял – тогда все произошло не просто так, а по воле высших сил. Ведь не случись того боя – не вылетел бы он из бокса, а значит, не оказался бы в Сорренто, не пристроился бы садовником с помощью добрых людей (спасибо недавней боксерской славе) на эту виллу. И пошла бы тогда вся его жизнь по другой дороге. Значит... он нежно посмотрел на тонкий, красивый профиль лежащей рядом женщины, значит, тогда все случилось так, как и должно было случиться.

Глава девятнадцатая

Задание

Вызов к начальству обычно настораживает, а внезапный вызов почти всегда не к добру. В тот ли день началась череда неприятностей и досадных ошибок, приведших к роковым последствиям, или он стал одним из звеньев в цепи его запутанной жизни, Андрей Еремич сейчас не думал. Да и что толку: думай, не думай, сделанного не вернешь. А выкручиваться как-то надо...

Девять месяцев назад, в День взятия Бастилии, его срочно вызвали к Менжинскому, который чувствовал себя лучше обычного, при этом был, как всегда, по-иезуитски вежлив и тих. Начал издавека, спросив, знаком ли Андрей с романом Горького «Мать».

– Хорошо. «Песню о Буревестнике», надеюсь, тоже читали? А «Дело Артамоновых», новый роман нашего классика? Нет? Ну, ничего, еще успеете, – помолчав, добавил, – в этом году у Алексея Максимовича вышла новая книжка, с таким, знаете ли, говорящим названием: «Мои университеты». Глашатай революции, после девяти лет, проведенных в Италии, все чаще оглядывается назад, возвращаясь в свое детство, к истокам, так сказать. Наверное, это правильно. Без прошлого, говорят, нет будущего...

Он внимательно посмотрел на собеседника, оценивая его реакцию на почти библейский постулат. Еремич возражать не стал: не беседа и не диспут. Он – вызванный к начальнику сотрудник, значит, держи рот на замке и слушай. Спросят – ответишь. Оставшись

довольным реакцией подчиненного, Менжинский продолжил:

– Как вы знаете, автор «Буревестника» политически верноотреагировал на предложение Советского правительства окончательно и бесповоротно вернуться на родину. Засиделся товарищ Пешков в Сорренто, а здесь дел невпроворот: электрификация, индустриализация, коллективизация. Как без «нового» человека поднять такие пласты? Как вытянуть страну от сохи до гигантских заводов в две пятилетки, попутно объясняя полуграмотному крестьянину: не в единоличном кулацком хозяйстве твое счастье, а в коллективном труде, где все общее, всем поровну, как говорится: от каждого по способностям, каждому по сроку... в общем, всему свой срок. Кто это сможет сделать? Только инженеры человеческих душ, которых должен объединить общей целью и задачей – созданием нового человека он – первый глашатай революции – Максим Горький. И все бы хорошо, но возник один нюанс... Окончательно вернувшись на родину, Алексей Максимович часть архива оставил за рубежом. Допустим, чемоданы с письмами советских писателей, которые те посылали ему из-за границы, находятся в надежных руках Марии Будберг. Передача их в Москву – дело времени. Но была у него одна тетрадь, в зеленом переплете, вот ее-то ни секретарь Крючков, никто другой из окружения Горького найти не может. Упустили, знаете ли, в ворохе перевозимых бумаг важную вещь. А что там написано, одному богу известно. Два раза всего видел ее товарищ Крючков, и каждый раз Алексей Максимович прятал тетрадь в стол, запирая на ключ. Вот такое дело. Сдается мне, осталась она на вилле Иль Сори-

то. Так что думай, Андрей Антонович, как вернуть сей важный документ на родину. Но запомни: никаких признаков нашего присутствия на вилле, никаких «шпионских страстей». Все должно быть... как говорится – комар носа не подточит. В свое распоряжение получишь двух агентов. Одного знаешь хорошо, кстати, твой товарищ... второй, точнее, вторая – его жена. Правда, она об этом еще не знает, ну, ничего, – застенчивая улыбка спряталась в аккуратных усах, – дурное дело не хитрое. К нам девушка никакого отношения не имеет, бдительности, так сказать, не обучена. Вот ты и подготовь. В Италию прибудешь за месяц до семейной пары, как атташе по культуре. В Сорренто дома снимешь рядом, чтобы в случае чего... ну, что тебя учить. Детали операции жду через неделю.

Вдыхая аромат летней хвои, Еремич возвращался к воротам казенной дачи в недоумении: почему именно ему, более пяти лет не выезжающему за рубеж, поручили это задание? Резкий крик иволги вывел из раздумий, и он тут же буквально наткнулся на худенькую, но поразительно ладно скроенную смуглянку, с головы которой слетела соломенная шляпка. Её спутница (наверное, мать), поспешила наклониться, но он, проворно подняв головной убор, сам протянул его испуганной хозяйке.

– Испугались? Не бойтесь, это иволга – глупая птица.

Выйдя за ограду, Еремич остановился, почувствовав вдруг пробежавшие по спине мурашки: его руки, мгновение назад державшие дамскую шляпку, пахли ландышами...

Разлапистые, густо-зелёные ели, растущие по периметру высокого забора, тщетно пытались сохранить в старинной подмосковной усадьбе атмосферу неспешных бесед, отвлеченной философии и ни к чему не обязывающего приятного времяпрепровождения у самовара: тот мир, который, словно ластиком, давно и безвозвратно был стерт «железной пролетарской рукой».

— Андрей Антонович? Не обижайся, Коля, он мне не нравится. Отчего? Не знаю: вроде и улыбчивый, и говорит мягко... но, знаешь, как-то вкрадчиво, и в тоне его сквозит неискренность, фальшь, что ли... Ну, может и показалось. Не знаю...

И самой себе Мария не могла объяснить вползшее в душу чувство тревоги. Инстинктивно, с доисторических времен дремавшим в сердце каждой женщины чутьем, с первых секунд поняла — бедой веет от этого человека. Не абстрактной, а конкретной опасностью, грозящей именно им: Николаю и Марии Ковальским. Никакой это не друг, как расписывал его Коля. Скорее, наоборот: расчетливый, долгожданно-нежданный враг, без малейших колебаний, если потребуется, готовый пустить под откос все их планы, надежды и саму жизнь, тот, в котором сконцентрирована квинтэссенция зла, выпавшего на это ее земное воплощение.

— Что ж, давайте знакомиться. Меня зовут Андрей Антонович, — моложавый, хорошо сложенный мужчина протянул руку для пожатия, — моя задача — подготовить вас к поездке. И чем лучше вы будете готовы, тем меньше опасности и сюрпризов будет подстерегать вас *там*. Во избежание недоразумений сразу хочу предупредить:

любой шаг, любое желание с сегодняшнего дня вы обязаны, в целях вашей же безопасности, согласовывать со мной.

В комнате царил полумрак. Окутанная мелкой «золотой» пылью, Мария стояла в яркой полоске солнечного света, протиснувшегося сквозь узкую щель в бархатных шторах. Вначале она решила – окна зашторены с ночи, но со временем поняла: инструктор не терпит яркий свет, предпочитая находиться в тени. И костюм он носил не броский, и говорил тихо, бесцветным голосом, и глаза неопределенного, «выцветшего» цвета смотрели сквозь собеседника (нет вас перед его взглядом, словно на пустое место взирает), и невозможно по выражению этих глаз прочитать ни мысли, ни эмоции, ни желания их обладателя. Не человек – тень, бесшумно скользящая над и по всем, замечающая каждую мелочь, фиксирующая каждую деталь. Не удивительно, что тогда, на даче, словно в воздухе растворился.

– Но – к делу. Прежде всего, вам предстоит освоить это, – снятый кожаный чехол задел каретку печатной машинки, которая, щелкнув, издала звук передернутого невдалеке ружейного затвора. Инструктор поморщился (некрасиво получилось), – знакомы с данной техникой?

– Я умею печатать. И довольно хорошо... Современный образованный человек должен идти в ногу со временем, которое летит все быстрее...

– Вы правы, тем не менее, – жестом руки предложил подойти к столу, – на этой машинке вам придется учиться заново.

Видавший виды «УндервудЪ» оскалился на девушку кругляшками латинского шрифта.

– Вам предстоит серьезная работа, и не только в этих стенах. Конечно, рядом с вами будет Николай... и другие товарищи, но – бдительность, Мария, бдительность и еще раз бдительность. Это второе и главное, чему я должен научить вас за это время. Уверен, вы оправдаете доверие, оказанное вам партией и лично товарищем Менжинским. Кстати, он сказал, вы превосходно владеете языком? А я, как Алексей Максимович, за все годы выучил лишь «буэно сэра». Нет способностей, знаете ли. Но в нашем деле, как вы догадываетесь, язык не главное, – оторвав взгляд от машинки, девушка медленно повернула голову в его сторону, случайно нажав несколько клавиш на упругой клавиатуре, – в нашем деле главное – воля к победе. А с языком, – он сделал паузу, изучающе посмотрев на собеседницу, и тут случилось непредвиденное: «непробиваемый» инструктор улыбнулся, – уверен, с языком нам поможете вы.

Дни потекли, похожие один на другой. Количество напечатанного текста притупило восприятие действительности – она перестала вдумываться в смысл прочитанных фраз, не обращая внимания на содержание переведенных документов. Через три месяца, приплюснутые от многочасовой работы подушечки четко стучали по стеклянным, одетым в блестящие металлические колечки, клавишам старой машинки всемирно известной фирмы. Машинально передвигая каретку после предупредительного звончка, Мария вспоминала звук «передернутого вдали затвора», с каждым разом быстрее и увереннее выпуская очередь печатных символов, оставляющих размытый оттиск через черную ленту на желтых листах.

Обычно Андрей Антонович появлялся ближе к вечеру. Цепким взглядом осматривал с порога комнату по часовой стрелке, после чего бесшумно прикрывал дверь, с дичайшим акцентом произнося «буэно сэра». Устраиваясь за спиной Марии, неизменно закуривал, прося не обращать на него внимания и продолжать работу. Затем присаживался на соседний стул, тихо, издалека начиная разговор о проблемах и трудностях, с которыми советский человек обязательно столкнется в буржуазном мире, и о том, как эти трудности избежать. После чего брал «отработанные» страницы, любуясь ровностью строк иностранного шрифта. Выражал полное одобрение успехам Марии в деле «печатной промышленности» и, товарищески похлопав (иногда погладив) по плечу, выходил, так же тихо затворяя за собой дверь. Неприятный холодок пробегал по спине Марии: опасностью веяло от вежливого инструктора.

К вечеру, измотанная и обессиленная, она мечтала об одном – скорее очутиться в кровати, закутавшись в мамину шаль, закрыть воспаленные глаза и провалиться в тяжелый, но такой желанный сон.

Николай в усадьбе появлялся редко, часто отсутствуя по несколько дней. Вернувшись, уединялся в кабинете с инструктором, который, в целях конспирации, плотнее задергивал шторы и запирал дверь на ключ.

Тоскуя в холодной постели, Мария с нетерпением ожидала мужа. Казалось, разлука должна сблизить их, обострив чувства, но с каждым разом Николай возвращался все более подавленным и замкнутым. Она не могла понять: то ли от частых поездок устает муж, то ли после общения с «другом» становится обессиленно-

обескровленным, словно выжатый лимон, улыбочиво от-малчиваясь от ее расспросов. А может быть, она стала в тягость? Горячая кровь разжигала ревность, рисуя в воспаленном (от стучащих днем клавиш и тягостных вечерних раздумий) мозгу картины измены. Как знать, не нашел ли Николай за пределами хвойной ограды молодую, пышногрудую комсомолку в красной косынке...

Иногда Марии удавалось выкроить время прогуляться в парке. Она любила эти редкие моменты счастливого (хотя понимала – призрачного) освобождения от невыносимой «занятости», когда можно вволю любоваться серым, тяжелым подмосковным небом, вдыхая полной грудью сладкий воздух мягкой хвои.

Вернувшись после одной из прогулок, умиротворенная, и от того слегка рассеянная, девушка не успела присесть за ненавистный «УндервудЪ», как на пороге появился инструктор. «Сфотографировав» безликими глазами пространство по часовой стрелке, запер дверь и, криво улыбнувшись, положил ключ в карман широких брюк. Мария убрала руки от клавиатуры, вопросительно посмотрев на вошедшего.

– Секретность предполагает закрытые двери.

Сев на край стола, закурил.

– Мария, вы умная девушка, уверен: давно поняли – вас прислали сюда не на машинке отстукивать. А за другим, важным и ответственным делом. Через день выезжаете вместе с мужем. Вначале в Вену, затем – Париж. Через месяц должны прибыть в Сорренто, – словно из воздуха в его руках появился картонный скоросшиватель, – прочтите и хорошо запомните. Это ваша новая биография.

От волнения она с трудом разбирала «расплывающийся», набранный латинским шрифтом на желтых листах бумаги, текст: Мария Конти, итальянская журналистка... муж – французский литератор Николя Бонне, сотрудник еженедельника левой направленности «Регар»...

Господи, да ведь все это время она именно это и печатала!

– Я внимательно наблюдал за вами с первой встречи нашего знакомства: вы умная ... и очень красивая девушка, – Еремич не договорил, резко встав, протянул руку. – Наше общение здесь закончено. Желаю вам удачи, госпожа Конти.

* * *

– Такса – охотничья порода собак, с характерными короткими ногами. Существует несколько разновидностей такс, отличающихся размерами и весом. Они разделяются на гладкошёрстных, длинношёрстных и жесткошёрстных.

– Коля, зачем ты мне это читаешь?

– Слушай дальше. Такса – самая старая порода норных собак. Согласно некоторым теориям, предки такс появились еще в Древнем Египте.

– И что?

– Нам необходимо завести таксу.

– Зачем?

– И обязательно девочку. Тебе понравится.

Вопреки его ожиданиям, увидев тщедушное создание с обвислыми ушами и коротенькими лапками, Мария не умилилась. Напротив: втянув воздух своим большим, с горбинкой, носом отпрянула, брезгливо по-

морщившись. Покачав головой, Николай улыбнулся: это Зизи, думаю, вы подружитесь...

Собака являлась частью задуманного плана. Ее, как представительницу одной из старинных пород, выведенных в Германии, со всеми справками, печатями и прививками приобрели в Вене, дабы ее родословная косвенно, но подтверждала подлинность их легенды.

Однако главное было в другом.

...Раскрыв толстую тетрадь, Мария уютно устроилась на нижней полке в мягком купе, покачиваясь в такт «спотыкающимся» о рельсовые стыки колесам.

– Ты решила завести дневник? С ума сошла?! Он выдаст нас с головой.

– Николя, с головой может выдать любая случайность, а отсутствие у журналиста записной книжки выглядит более чем подозрительно, ты не находишь?

На коротеньких кривых ножках, поскуливая, тыкаясь мокрым носом в теплый локоть, крутилась Зизи, тщетно выпрашивая внимание хозяйки. Но Мария не замечала ее. Смотри влажными, от нахлынувших чувств, глазами на мелькающие за окном родные, до сладкого спазма в груди, пейзажи, девушка никак не могла поверить: она в стране детства, там, где была любима и счастлива, счастлива и любима.

А сейчас? Она счастлива... любима?

Глава двадцатая

Ошибка

Ослепив, магниевая вспышка осветила стандартный номер в отеле «Регина Джованни». Казалось, фото-

граф щелкал непрерывно, и под эти звуки комната наполнялась незванными гостями: карабинерами, людьми в штатском, понятыми... чья-то рука повернула электрический выключатель. Оставив его «в чем мать родила», Леонора натянула одеяло на голову, лишь миндалевидные глаза следили за происходящим: туда-сюда, туда-сюда. Не к месту подумал: как у котика в часах-ходиках. Но, если честно, было не до котика. Было скверно.

– Добрый вечер, сеньор Ерьемищ! Или к вам лучше обращаться – товарищ? Я так долго ждал нашей встречи, а сейчас, представляете, совершенно не испытываю никакой радости... перегорел, наверное. Ну, так как прикажете к вам обращаться? Да выключите этот чертов свет!!! Наш гость все понял, не правда ли? Понятые, подпишите протокол в соседнем номере и свободны, всех остальных это тоже касается. И хватит, хватит фотографировать, – толстяк брезгливо поморщился, впихивая свое короткое тело в узкое кресло. – Давайте по порядку: атташе по культуре Советского посольства застигли при совершении противоправных действий сексуального характера в отношении, – сально усмехнувшись, шлепнул по аппетитной ягодице покидающую номер девицу, – гражданки Италии...

Растерянность, вызванная внезапно «поднятым занавесом» в интимной пьесе, прошла. Стало смешно и одновременно досадно: некрасиво получилось. Неспешно одевшись (пытался выиграть время, сосредоточиться), присел в кресло, с полной уверенностью – выкрутится, не велик проступок.

– Простите, с кем, собственно, имею честь? И по какому праву...

Спросил зря: удар, нанесенный стоявшим сзади верзилой, повалил на колени, припечатав нос к железному остову кровати. В голове зашумело, дыхание сбилось, кровь алыми кляксами брызнула на ковер и рубашку.

– Зачем? Вернее, почему вы так неосторожны? Приводите малознакомую девицу в отель. Нехорошо...

– Что за грех? – загнусавил, зажав нос поданным тем же верзилой полотенцем. – Или у вас приняли закон, запрещающий проституцию?

– Ох, Андрей Антонович, Андрей Антонович! Конечно, вы правы! Нет ничего предосудительного, если мужчина решит сбросить, так сказать, давящее изнутри напряжение в компании молоденькой девицы. Допустим, в нашей стране, даже если мы предъявим обвинение в соращении несовершеннолетней (ей вчера исполнилось шестнадцать, вы не в курсе?), дело можно уладить... Но как быть, если об этом, – толстяк развернул извлеченные из внутреннего кармана желтоватые листы, старательно расправив пухлой ладонью, – узнает московское руководство? Какие последствия могут ожидать именно вас?

Буквы заплясали перед глазами. Это была запись его разговора с агентом на открытии выставки русской живописи в одной из художественных галерей Рима. Именно там он впервые увидел длинноногую красавицу (у которой отличной оказалась не только фигурка, но и память). Чужал – добром не кончится. Неспроста эта смазливая мордашка после выставки мелькнула в трамвае (она меня преследует?) и тем же вечером в кафе... Леонора! Дрянь. Хотя, почему дрянь? Это я идиот – словно под гипнозом потерял голову, увидев ее длинные, закинутые одна на другую «балетные» ноги, уловив недву-

смысленный, томно-застенчивый взгляд... Конечно, ей далеко не шестнадцать, и даже не восемнадцать, но какая тварь... Листы задрожали в руке. Это приговор, здесь не выпутаться. Некрасиво получилось, зато очень даже по-человечески.

– Вижу, вы осознали всю греховность проступка (как ни скверно было на душе, улыбнулся: излишне театральнo толстяк сцепил пухлые пальцы в мнимой молитве: аббат Прево!). Скажу сразу – девица ни при чем. Она по-вашему знает не больше трех слов. Просто мы всегда были рядом – оберегали вас... Однако к делу: на встрече (если запомнили – прочтите, здесь все написано) вы, кроме всего прочего, просили агента снять две виллы в Сорренто... представьте, наши интересы совпадают. Я тоже не прочь посетить этот городок и прочесть записи из некоей тетради. Что вы так встрепнулись? Да, из зеленой тетради... однако боюсь, мне понадобится помощь. Одна маленькая услуга с вашей стороны, и этих бумаг, как не бывало.

Времени на раздумья не было. Да и о чем раздумывать? Просто так его не выпустят: протокол ждет в соседнем номере, осталось вызвать сотрудника посольства. И все! Черт!

– Что вы хотите? – он потряс забрызганными кровью листами.

– Пустяк. Подписать договор, – толстяк хмыкнул, ткнув плоским ногтем в алую кляксу, – это излишне... Чернилами. Здесь и здесь... Чудесно. Отправляйтесь, как и планировали, в Сорренто, помогите товарищам найти тетрадь и передайте ее... простите, забыл представиться: Адольфо Орсини, начальник департамента Министер-

ства культуры и пропаганды по вопросам популяризации итальянского искусства за рубежом. В некотором роде мы коллеги. Так вот, передадите тетрадь лично мне – и все: вы меня не знаете, я вас...

* * *

Девять месяцев назад задание казалось смехотворным: в самом деле, не Махно же похищать, или предателя- оппортуниста ликвидировать. С Николаем встретился через день после вызова к Менжинскому. Обнялись, коротко вспомнили прошлое, настоящего не касаясь. В их кругу вопросы не принято задавать – незачем знать кто, где и чем занимался. Выслушав информацию, Николай недоуменно хмыкнул:

– Как проникнем на виллу?

– Это проблема?

– Проникнуть – нет. Но, чтобы найти тетрадь, необходимо время.

– Значит, придумаем способ, как воспользоваться гостеприимством хозяина. Например, у молодой супружеской пары французских журналистов любимый «ребенок» – гладкошерстная такса, которую во время течки они «по чистой случайности» выгуливают вблизи Иль Сорито. Гарантирую – с вами захотят познакомиться. Почему? Потому что у нового хозяина виллы в любимчиках бегают гладкошерстный такс Казанова.

– Ты шутишь! Кривоногий ловелас покрыл не только всех собак в округе, но и пойманных барсучих?

– Не знаю, кого покрыла вислоухая сосиска с таким громким именем, но, по нашим данным, хозяину оно подходит больше. Уверяю, как только он увидит даму с собачкой – ворота виллы гостеприимно раскроются.

– Ты предлагаешь?... Андрей, Мария моя жена, я люблю ее!

– Да люби себе на здоровье, кто мешает? Только не забывай: сорок восемь исписанных листов, которые наш Буревестник не пожелал привезти на родину, могут попасть к врагу! Не нравится – предложи другой способ. Нет? Значит, сиди и слушай: на карту честь страны поставлена!

Жену он любит! Надо будет – свою жопу подставишь, не то, что дырку жены. Этого вслух не сказал. И правильно. Незачем с товарищем перед ответственным заданием отношения портить, ни к чему это.

Операцию планировали тщательно: сочинили легенду о французском журналисте и его жене, уроженке Италии, задействовали людей в Париже и Вене, на два месяца посадили Марию за «УндервудЪ» латинским шрифтом листы дырывать. Договорились о связи: в понедельник и пятницу с четырнадцати до пятнадцати супруги обедают в ресторане «Дон Альфонсо». Тетрадь должна лежать внутри газеты «Il Popolo d'Italia»¹⁵ за предыдущее число. Никаких паролей и других шпионских «страстей» – связной будет знать Николая в лицо. Все было готово, все проверено... И вот – на тебе! Как это произошло? Всю жизнь жил с оглядкой, что называется, семь раз отмерял... Да, грешен – слаб до женского пола, падок, так сказать... Но главным всегда было дело! Вот бог, которому молился... Себе-то не ври! Какое дело и ради чего? Твой бог далеко сидит, высоко глядит, как Машенька из сказки... И гнева этой «Машеньки» боишь-

¹⁵ Il Popolo d'Italia. («Народ Италии») – итальянская газета, основанная Бенито Муссолини 15 ноября 1914 года.

ся ты пуще любого наказания, ведь, если разобраться, и наказание от бога принять – благодать. Но разгневаться, не оправдать доверия, подвести... Поэтому и закрыл ты, Андрей Антонович, душу на амбарный замок, превратив улыбку в гримасу, отгородившись от людей, страшась почувствовать человеческие чувства внутри, пустить ростки жизни. Ведь тогда пошатнется твоя железная вера, товарищ Еремич! Она и пошатнулась...

Да ведь все из-за нее! Когда впервые вошла в кабинет – плечами недоуменно повел: худенькая, черные волосы собраны в тугий пучок на затылке, открывая покатый, «умный» лоб, голос резковатый, с хрипотцой. Но когда повернула голову с немим вопросом в карих глазах: как это – язык не главное? – словно током прожгло... Такие красивые, грациозные руки, такую «лебединую» шею один раз в жизни встречал. И запах... вылитая Ишевская! Пятнадцать лет Ольгу Павловну винил: приучила к женской красоте, ни одну юбку пропустить не мог! Да нет! Это *ее* я пытался отыскать в «легионе звездочек», зажигающихся для меня почти каждую ночь и неизменно гаснущих утром. Поэтому и на Леонору клюнул – слишком похожа оказалась эта тварь на «девушку с ландышами», с кошачьей грацией расположившись за соседним столиком в старом кафе. Так и получилось: шел, шел по жизни с чистыми руками, и на тебе – замарал!

Радостный собачий лай «перегрыз» роящиеся в мозгу разновременные воспоминания, вернув в реальность. Из-за шторы, «вполглаза», Еремич наблюдал за происходящим в соседнем дворике: ведя на поводке коротконогую собаку, чета «французских журналистов»,

незаметно оглянувшись, вошла на территорию виллы. Пока супруг отпирал дверь двухэтажного дома, Мария, залитая солнечным светом, в белом платье под летним зонтиком стояла посреди зеленой лужайки, словно сошедшая с картины Моне. После месяца, проведенного в Европе, она стала еще краше. Пальцы непроизвольно сжали тяжелую портьеру: Ишевская! Будто и не было этих пятнадцати лет...

* * *

Три дня Мария прохаживалась вдоль обрамленной зелеными насаждениями ограды. Зизи семенила рядом, время от времени поднимая острую мордочку, вопросительно смотря на хозяйку черными смородинками умных глаз: что я делаю здесь, где не пахнет ни лисой, ни барсуками? Но хозяйка продолжала прогуливаться по тенистой улочке, закрываясь (больше от сторонних взглядов) легким зонтиком, эффектно подчеркивающим светлым шелком ее шоколадный загар.

Николай недоумевал: отчего на Зизи не реагирует этот кобель Казанова? Почему не спешит на кривых ножках к ограде, заливаясь звонким собачьим баритоном? Может, пресловутый ловелас захворал или, того хуже, издох? И как прикажете попасть на виллу, которая выглядит подозрительно необитаемой?

На следующий день решили оставить Зизи дома – возможно, одинокая барышня скорее привлечет внимание владельца особняка.

* * *

Из всех растений, за которыми Антонио заботливо ухаживал в тенистом саду старой виллы в Сорренто, больше всего любил розы. Привязанность зародилась в

отрочестве, когда отец, спивающийся садовник в папском замке, брал его с собой в качестве помощника, наставляя полузаплетающимся языком:

– Режь ниже, сынок: ветки быстро растут, так быстро, как летит эта треклятая жизнь... ты и не заметишь, как они сравниваются с верхними побегам... и больше поливай... роза, как все живое, хочет пить... только поливай теплой водой... и не ленись, Антонио, не ленись: после каждого полива припудривай цветы золой. Волшебный порошок: и рану затянет, и...

Обычно на пятой – шестой фразе ветеран засыпал, уютно устроившись в тени древнего платана, предоставляя сыну наслаждаться благостным пением птиц в наступавшей тишине. Тогда он и представить не мог, как пригодятся «уроки» инвалида войны, когда жизнь выбросит «на обочину», оставив без средств, без друзей, без любимого бокса...

Солнце клонилось к закату – время полива. Вдыхая аромат вобравших влагу цветов, всегда приводивший в волнение, напоминающий о чем-то далеком, давно забытом, но таком родном и желанном, Антонио срезал несколько «выскочек», выравнивая куст. Жизнерадостно-призывное твяканье заставило развернуться в сторону ограды, за которой элегантно одетая синьорина, не в силах сдержать звонкий смех, смотрела на «летающую» в ее сторону коротконогую собачонку. Охая и смеясь, девушка присела на корточки: ты все-таки сбежала, рыжая разбойница! И часу прожить без меня не можешь? Когда собака подбежала к хозяйке, та ласково потрепала ее по отливающему бронзой загривку и, застенчиво улыбнувшись, посмотрела в сторону Антонио.

– Простите за беспокойство. Вы, наверное, хозяин виллы?

– Что вы, синьора, я всего лишь садовник.

Но кто он, кто она – было уже не важно: сердце kloкотало так, будто Антонио только закончил самый главный бой своей жизни. Глаза молодого человека вспыхнули, но в ту же секунду он застенчиво отвёл их в сторону и, расплывшись в непроизвольной улыбке, неожиданно, прежде всего, для самого себя, протянул незнакомке ярко-красную розу: Возьми... Ты очень красивая.

От растерянности Мария не удержала цветок.

Неправдоподобно медленно роза заскользила к земле, осыпаясь ярко-красными изогнутыми лепестками, нежно-шелковой чертой определившими границу между молодыми людьми.

Глава двадцать первая

Удача

Бывает, простое дело идет с таким трудом, столько препон и преград встречая на пути – бросить хочется, забыть. И даже если дойдет, с горем пополам, до финала, результат получится неказистый, прямо скажем, никчемный результат. Причины неудач, конечно, разные, но, главная: не в то время и не в тех энергиях задумывался процесс. Проще говоря – звезды не сошлись.

Случается наоборот: невыполнимое, казалось бы, задание, над которым голову ломал не одну ночь, вдруг получает неожиданное, совершенно непредсказуемое, простое решение.

– Говоришь, хозяин виллы в отъезде? Отлично, просто отлично! Этот садовник нам и поможет! Два дня он знакомит тебя с местом проживания пролетарского писателя. Как же – молодая французская журналистка левых взглядов мечтала побывать в гостях у глашатая революции, написать о нем большую статью, а тот, к сожалению, уехал на родину! Прощай, гонорар (а у тебя мать больная), прощай, карьера! Может, вы позволите хоть дом посмотреть, подышать, так сказать, воздухом революции?

– Примерно так я и расписала свою «проблему» итальянскому другу.

– Осталось малое – найти тетрадь. Где она может быть?

– Где угодно! Видишь ли, трудно искать предмет, когда тебя ни на минуту не оставляют одну. И не потому, что не верят или подозревают. Просто... знаешь, он смотрит на меня такими глазами, так преданно и бескорыстно... Ты ревнуешь?

– С чего ты взяла?

– Я вижу! Надулся, Отелло доморощенный.

– Ничего я не ревную... Тем более, его влюбленность нам на руку. Договорись с ним насчет ужина... при свечах. Подсыплешь в вино снотворное – и вилла в нашем распоряжении.

Ночью Марии приснился сладостный и в то же время тревожный сон: под выразительным взглядом темно-синих глаз Антонио она, присев на корточки, собирала в ладонь опавшие лепестки с подаренной розы. Антонио нежно гладил ее по волосам, и она точно знала: он имеет на это право, возникнув в ее жизни отнюдь не

случайно. Вначале бледно-розовый цвет лепестков не обратил на себя внимания, но когда Антонио наклонился ближе, желая о чем-то сказать, она вдруг поняла несоответствие окраса цветка в жизни и во сне, вопросительно посмотрев на садовника. Однако перед ней стоял уже не Антонио, а Николай. Улыбнувшись, Мария приложила к его телу лепесток подаренного чужим (или не чужим?) мужчиной цветка, который вдруг окрасился алым. Она попыталась закрыть им невидимую рану, прижимая пальцами бордовый шелк к телу мужа, но кровь не останавливалась, напротив, продолжала вытекать с большим давлением, окрашивая красным и Николая, и ее руки.

Сквозь сон Мария поняла – пальцы трут постельный шелк в той части кровати, где должен лежать Николай. Встряхнувшись, села на скомканное одеяло. Где он? Что случилось? Почему среди ночи ушел, не предупредив, не сказав ни слова? Но отчего она так запаниковала, даже легкий озноб прошел по спине – это случалось и раньше. Он всегда уходил без предупреждения – дела. Внутри неприятным осадком опустилось чувство пустоты. Она не ревновала к воображаемой пышнотелой синьорине, как это было всего несколько месяцев назад в Москве. И даже не испытывала тревоги. Просто стало одиноко. Одиноко и страшно от осознания своих чувств: это была не любовь. Детская привязанность, благодарность к другу, не раз защищавшему «тонконогую обезьянку», ностальгия по ушедшей молодости, когда был жив отец и, казалось, впереди всё будет благостно и прекрасно... Это было все что угодно, только не любовь. Так и он меня не любит...

К своему удивлению, Мария с завидной простотой открыла для себя закон, над которым рассуждали лучшие умы человечества, и о котором большинство индивидуумов элементарно не задумывалось: человек, по отношению к другому, испытывает такие же чувства, какие тот испытывает к нему. Все это вранье: из двоих любит один, а другой лишь позволяет себя любить. Даже если так, то любовь первого (настоящая, искренняя и верная) сделает свое дело и второй влюбится столь же горячо и «безнадежно». Почему «безнадежно», она определила только сейчас: настоящую любовь ничто не может разлучить, разбить, сломать — безнадежно! Невозможно от нее скрыться, спрятаться или убежать — нагонит.

Стало зябко (ночи в приморских городах зачастую прохладные, особенно, когда с моря дует легкий бриз), и от этого захотелось вина. Накинув на плечи подаренный Голдой платок (своеобразный талисман), спустилась на первый этаж, пожившись, взяла с неокрашенной полки запыленную бутылку и, откупорив, наполнила пузатенький бокал. Отпив два глотка, почувствовала приятное тепло под ложечкой и легкую сухость с кислинкой на языке. Чуть успокоившись, подошла к окну, впервые увидев свет в доме напротив. Странная вилла. Она казалась ей необитаемой, с постоянно задернутыми шторами и закрытыми жалюзи, с тишиной, исходящей из нутра старого дома. А там кто-то живет? Или прячется? Нехороший дом, не нравится он мне, подвела черту своим наблюдениям Мария и, захватив бутылку, поднялась в спальню — здесь теплее: можно уютно устроиться под одеялом на широкой кровати, где, смакуя, выпить еще пару бокалов.

Порыв ветра распахнул не запертое на щеколду окно. Призывая в дом беду, застучало по стене жалюзи. Пospешив закрыть деревянную створку, остановилась у шторы. Вначале ей показалось – ветер доносит обрывки фраз с улицы, из-за высокой ограды но, прислушавшись, замерла: во дворе «странной» виллы кто-то злым шепотом выговаривал собеседнику:

– Вы обещали вручить интересующий меня предмет неделю назад!

– Поймите, проникнуть внутрь и то оказалось проблемой, а найти...

– Ваши люди непрофессионально работают.

– Пошлите своих!

– Я бы с радостью, но они не читают на варварском языке.

– Мне нужна еще неделя.

– Три дня! Кстати, вздумаете играть...

– Послушайте, Ор...

– Тише! Мы в Италии: здесь не только стены – деревья имеют уши! В пятницу жду вас у «Дона Альфонсо». И, поверьте, я совершенно не горю желанием знакомить ваше руководство с пикантными фотографиями.

Сквозь просветы в густой листве Мария разглядела, как на белой от лунного света стене круглая тень приподняла рукой шляпу, растворившись в густом плюще, вьющемся чуть дальше по шершавым камням ограды.

Собеседник помедлил, прежде чем удалиться по направлению к дому, захрустев мелким гравием под крадущимися шагами. И походка, и голос неизвестного по-

казались настолько знакомы... Но где и когда она слышала эту бесцветную, тихую речь?

Какому разговору у потайной двери в ограде соседней виллы она стала невольным свидетелем, Мария и думать не хотела. Быстрее в кровать – и спать, спать, спать. Впереди особенный день. Она чувствовала – завтра все решится.

* * *

– С этого места дед (так Антонио называл великого пролетарского писателя) мог часами любоваться морем.

Садовник, не отрываясь, смотрел на гостью, стараясь запомнить каждую черточку ее лица, каждую складку чувственного, в меру припухлого рта, удлиненную форму ушных раковин, развевающиеся на ветру темные, непослушные волосы и глаза, озорной, но внимательный, взгляд которых заворожил его с первых секунд их «случайной» встречи.

Взглянув на итальянца, Мария грустно улыбнулась, вновь устремив взор в морскую даль.

После месяца, проведенного за границей (точнее сказать – вне границ) лучшего в мире социалистического государства, она все чаще задавалась вопросом: почему здесь люди живут открыто и жизнерадостно, почему, преодолевая свои жизненные проблемы и невзгоды, не смотрят на тебя «волком»? Первые дни ее удивляло, когда при входе в лавку или кафе все здоровались друг с другом. Улыбки казались фальшивыми, готовность прийти на помощь другому человеку – подозрительной. Но с каждым днем память просыпалась, освобождая из подсознания, казалось бы, накрепко забытые

и забытые воспоминания о счастливой жизни с нормальным человеческим общением. Менжинский просчитался: детский опыт не сыграл «на руку» Советской Отчизны. За человеком можно установить тотальную слежку и даже держать взаперти, можно запугать, вызвав временный «паралич» мысли, можно до физического изнеможения загрузить работой, но арестовать душу? Невозможно. Придет время, и она вырвется на свободу. В самый неожиданный и «неподходящий» момент в урождённой итальянке с еврейскими корнями проснулись свобода и независимость, породив массу вариаций с вопросом: почему?!

Антонио, смешной, наивный Антонио! Не на море смотрел пролетарский писатель. Там, в дали водной глади, Алексей Максимович пытался различить любимый Капри – остров, на котором провел самые счастливые годы своей жизни, где с друзьями-единомышленниками мечтал о светлом будущем, представляя, как осчастливит всё человечество, своей работой, энергией и талантом превращая в реальность три великих слова: свобода, равенство, братство. Он смотрел на остров, на котором ему и поселиться-то запретили, как на обломок разбившейся мечты. А как жить без мечты? Как жить, когда друзья-товарищи превратили то светлое, о чем мечтал, в грязь, кровь, разруху? Когда отвернулись от тебя, и рядом не осталось не только единомышленников – элементарно порядочных людей...

Возможно, эти мысли он и доверил зеленой тетради? Нехорошо, если такое напечатают здесь. Кому плохо? Прежде всего – писателю Горькому. По-

этому и надо, во что бы то ни стало, найти зеленую тетрадь... да где?!

Мария сжала в кармане аптечный пузырек. Хочешь – не хочешь, придется воспользоваться снадобьем. А если этот симпатичный парень уснет навечно? Кто его знает, каким зельем наполнил темно-синюю склянку мой *malavitoso*, как звала его мама...

При воспоминании о муже грудь сжало нехорошим предчувствием, и в шуме накатывающих на берег волн в памяти всплыл ночной голос. Где я могла его слышать... Бессознательно крепче обхватила нагретое в руке стекло, до боли впившись ногтями в ладонь, отчего в мозгу родился элементарный вопрос:

– Антонио, после отъезда писателя на вилле остались его личные вещи? Мне так важно прикоснуться к «живой» истории.

– Остались, конечно, но очень мало. Хочешь взглянуть?

Выслушав ответ, опешила – он еще спрашивает!

– Конечно, хочу!

В первый день она заприметила необычный пенек-корягу, с вырезанными извивающимися змеями, отчего-то уверившись – именно в нем находится тайник. Проходя мимо отполированного пня, превращенного фантазией художника в причудливый журнальный столик, приглядывалась: нет ли замаскированной щели, потайного ящичка или спрятанной под видом сучка кнопки с потайной пружинкой, уверенная – Антонио подойдет именно к этому «произведению искусства». Заметив ее взгляд, садовник улыбнулся.

– Красиво? Мне тоже нравится. Но его вещи на втором этаже.

Правду говорят: хочешь что-либо спрятать, положи на самое видное место. На зеленом сукне писательского стола, среди прошлогодних газет, лежали очки в тонкой круглой оправе с мягкими, гнущимися дужками, костяной нож для разрезания бумаги и... Побледнев, Мария присела на стул. Показалось. Она так страстно желала обнаружить тетрадь именно здесь.

– Тебе плохо? Подожди, я принесу воды.

Опершись локтями о край стола, услышала легкий щелчок: дно выдвижного ящичка опустилось, открыл потайное отделение... Решение пришло внезапно.

С Антонио столкнулась на лестнице.

– Тебя всю трясет, куда ты так спешишь? Выпей вина, оно вернет силы.

Пальцы дотронулись до крепкой руки, взгляды встретились и сердце, призванное отсчитывать секунды человеческой жизни, подвиснув в невесомости, замерло. Почему он возник в моей жизни? Почему я должна подсыпать снотворное человеку, не сделавшему мне ничего плохого, который так нежно и преданно смотрит... Да ведь он любит меня. А я? Тело покрылось холодными пупырышками – верный признак «попадания ситуации в душу». Мария, признайся себе, ты тоже любишь! Как только услышала этот голос, как только наши взгляды пересеклись, тебя словно «спицей проткнули». Ты сразу поняла, только признаться боялась: вот тот, с кем должна и хочу прожить жизнь!

Тяжелый стакан глухо стукнулся, покотившись по деревянным ступенькам. Подхваченная, словно пушин-

ка, сильными руками, покрываемая поцелуями, она не сопротивлялась: до того приятны и желанны были прикосновения этого, еще вчера чужого, человека...

Несмело прикасаясь к ее жестким волосам, черной гривой покрывших белоснежные подушки, Антонио недоумевал: как эта женщина оказалась с ним в одной постели? Почему ее, образованную и утонченную, страстно, до головокружения, до безумия потянуло к нему – простому садовнику? Рядом с ней было хорошо, как никогда раньше: его душа, несмотря на полную неясность ближайшего будущего, наполнялась забытым покоем и теплом, словно кто-то свыше (святые из Монтефьясконе?) тихо шептал в самое сердце: доверься судьбе, ты нашел главное счастье своей жизни, за которое готов умереть. Но это не финал. Вся твоя жизнь до этого была лишь прелюдия. Твое истинное предназначение... ты поймешь свое истинное предназначение, тебе откроется... предназначение... значение...

Утомленный событиями последних дней, переполненный чувством внезапно вспыхнувшей взаимной любви, Антонио, незаметно для себя, погрузился в глубокий сон.

Мария проснулась от внутреннего толчка: два часа ночи. Вставай, иначе будет поздно! Посмотрев на спящего рядом мужчину, не испытала ни стыда, ни чувства неловкости. Напротив, все случившееся показалось естественным и давно желанным...

Осторожно встав с кровати, тихо собрала вещи в объемную «корреспондентскую» сумку и на цыпочках вышла из комнаты.

Глава двадцать вторая

Дон Альфонсо

– Зачем вы пришли? Мы же договорились: завтра, у Альфонсо.

– Обстоятельства, знаете ли: ваша «француженка» осталась на вилле. Откуда мне это известно? Вы думали, я способен пустить столь важное дело на самотек? Приходится держать ситуацию под контролем. Так вот, ваша подопечная осталась на вилле, значит, дело кончится утром, в крайнем случае – к обеду.

– Тем более, не пойму причину вашего прихода.

– Муж, ревнующий сильнее сицилийских рогоносцев. Он может наделать глупостей. Вам надо ее перехватить до возвращения домой.

– Она уверена – меня нет в Италии.

– Тем лучше. Внезапное появление начальства обычно несколько шокирует. Объясните: приехал проконтролировать финал операции, и тут же заберите тетрадь.

* * *

Было униительно стыдно и мучительно больно. Последние дни он изводил себя, воображая, как потные мужские руки обнимают хрупкое тело Марии, расстёгивают ее платье, скользящее вниз по шелку кружевного белья, ласкают гибкую шею, грудь, живот... Как же больно! Ревность завладела Николаем, разъедающая изнутри. Находясь вблизи спящей жены, одновременно обожая и ненавидя, он и желал, и не мог позволить себе прикоснуться к «оскверненному» телу, превращаясь в зомби, с единственной свербящей мыслью: убью! Вначале его,

затем ее! Поэтому ночами сбегал, бродя до рассвета по морскому побережью, в бессилии планируя, как сам найдет и выкрадет злосчастную тетрадь, и они уедут, уедут, уедут!

Сегодня, накручивая себя воображаемым выяснением отношений, Николай ревновал особенно болезненно, чувствуя – развязка близка. Ты с ним спала?! Пощечина получилась болезненной, звонкой: ударил тыльной стороной, с размаху. Обида вспыхнула презрением. Спала! Похотливые глаза выдают тебя с головой! Понравилось? Еще хочешь, сучка жидовская?! Мечтала сбежать, остаться с любимым в Италии...

Не может быть! Ничего у них не было! Тогда почему мне так больно? Я и не подозревал, как люблю эту женщину. Как не сойти с ума, как?!

Солнце спряталось в море, сменив синеву небесного купола серыми сумерками. Через мгновение их вытеснит черный фрак средиземноморской ночи, вспыхнув на шелковой подкладке холодным бриллиантом безучастных звезд.

И какая из них моя путеводная?

Она вошла тихо, заставив вздрогнуть от неожиданности. Опустошённая, обессиленная и чужая. Остановившись на пороге, удивленно посмотрела на мужа, словно не ожидала его увидеть и, горько усмехнувшись своим мыслям, молча, выложила на стол потертую тетрадь. Николай стушевался. Потупив взгляд, пролистал записи, нервно зашагав из угла в угол. Спала, не спала... дело сделано! Какой ценой – кому это интересно? Впервые за последнее время неуверенно приобнял жену, с болью и благодарностью посмотрев в карие глаза. Моло-

дец, Маша, молодец. Он попытался погладить пропитанные морским воздухом волосы, но Мария, с несвойственной ей угловатостью, освободилась из объятий.

– Подожди, Коля, я должна...

– Не надо, – выдавил охрипшим, не своим голосом, – не сейчас.

Слова потонули в рыданиях. Всхлипывая, давясь кашлем и обильными слезами, рухнула на диван, забившись в глубокой истерике. Он пытался успокоить, неуверенно прикасаясь к вздрагивающей спине, но она лишь нервно отмахивалась, выталкивая из себя нечленораздельные, булькающие звуки, из которых разобрал одно: прости, прости.

– Маша, успокойся, ты умница. Скоро все закончится... завтра, вернее, уже сегодня, уедем домой. Отобедаем последний раз у донна Альфонсо, и вечером в путь. Поверь, этот кошмар забудется...

Истерика закончилась внезапно. Фраза вспыхнула в мозгу неожиданно, заставив внутренне собраться и сосредоточиться: «Встречаемся в пятницу у донна Альфонсо». Совпадение? В этих играх совпадений не бывает... *эти люди никогда ничего просто так не делают, не прощают и не забывают, помни об этом, доченька...* Холодными, колючими «кристаллами» воспоминания пробились из замороженной памяти, словно невидимый фокусник вытаскивал из черного цилиндра то барахтающегося кролика, то трепыхающегося голубя, то массу разноцветных шелковых лент... В тот день, парализованная страхом вплотную подошедшей смерти, она не слышала последних наставлений отца, которые сейчас проявились полно и ярко:

– Мария, я очень виноват перед вами.

– Папа, ты о чем? Так сложилось. Я совсем не жалею, что мы приехали сюда! Здесь так интересно, столько нового, у меня грандиозные планы!

Взгляд отца выразил такую щемящую боль, что Мария осеклась.

– В этом-то все и дело... они уже успели задурить тебе голову. Эту светлую темноволосую головку... Как я мечтал, чтобы ты была счастлива.

– Но я и так...

– Подожди... Я виноват, в том, что вернулся сюда, лишив тебя детства... но больше всего я виноват, что не научил тебя, как здесь жить. Старая, человек видит хуже, но яснее... а я, хоть и подошел к последней черте, так и не понял – как же здесь жить... Доченька, издали все люди хорошие, но это не значит, что им можно верить. Стоит подойти чуть ближе... Умоляю, не верь никому. Даже своим глазам и ушам: эти люди умеют лгать и молча. Поэтому, пока не проверишь по десять, по сто раз! пока сама не убедишься – не верь! Одного человека можно обманывать долго, но со временем он разберется: где правда, где ложь. Но если врать всем... Их сила в массовой лжи космических масштабов. Они сумели заставить людей поверить в несуществующее, неосуществимое, а это никогда никому не приносило счастья... Помнишь сказку о голом короле? Все видели: костюма нет, но восхищались «прекрасным платьем». Почему? Думаешь, боялись наказания? Нет. Больше всего люди боятся быть непонятыми и осмеянными, а значит – прослыть дураками. А мальчик по детской наивности не ведал этого страха, вот и крикнул, что

думал. Но ты уже большая девочка, поэтому, заклинаю тебя – не будь наивна: молчи. Не попадись на их провокации: в лучшем случае выжмут все соки и выкинут на обочину. Ведь не так страшен закон, даже писанный ими, как его исполнители. И помни: Бог вначале заглядывает в наше сердце и только потом – в мозги. Слушай свое сердце... Господи, как мне вас жалко, как вам здесь будет тяжело...

Думай, Мария, думай! Кто и зачем встречается сегодня у дона Альфонсо? И этот голос, такой знакомый, тихий голос, где я могла его слышать... Но ведь он ни слова не знает...

Выпив предложенной воды, промокнула слезы, посмотрев на мужа испытывающим взглядом.

– Коля, Еремич говорит по-итальянски?

– Андрей? Почему ты о нем вспомнила... Не знаю. Хотя, нет! Он сам говорил: страдаю языковым кретинизмом.

Она, было, рванулась рассказать о ночном разговоре, но осеклась, прикусив язык. Молчи! Ты попала в очень нехорошую историю. Соберись с мозгами, они у тебя умеют работать... Вдруг эти двое заодно? Где мой stronzo пропадал каждую ночь? С кем встречался? Не с Еремичем ли? Что они затеяли? Передать тетрадь толстяку? Но этого нельзя допустить! Думай, Мария, думай...

* * *

Ресторан «Дон Альфонсо» открывался одним из первых.

В ранний час сонные официанты покрывали растрескавшиеся круглые столы до хруста накрахмаленны-

ми белыми скатертями, на которые, проверив строгую симметричность ниспадающих складок, стелили нежно-кофейные напероны, с четырьмя белыми полосками внизу. И уже на это произведение сервировочного искусства торжественно возлагали сложенные аккуратным конвертом того же цвета салфетки.

К сервировке сеньор Альфонсо относился предельно ответственно. Глаз посетителя, – каждый раз наставлял он персонал, – должен «зацепиться» за стол, который обязан манить изысканным, но в то же время гостеприимно- доступным видом. Не отпугивать, Азарио, а именно притягивать, как магнит! И только после того, как «рыбка» клюнет, ее необходимо неназойливо... Не подталкивать в бок, Азарио (свалился на мою голову увалень деревенский!), а бережно проводить к столику, на который упал глаз клиента. А дальше – ароматы запечённой форели, жареных в оливковом масле сардин, бесподобной пиццы и нежнейшего ризотто, базилика, кинзы и всевозможных пряностей, соусов и непревзойденной кулинарии, волшебным образом разливающиеся из кухни, «пригвоздят» посетителя к широкому стулу в нашем гостеприимном зале. И меню, Азарио (помилуй меня, святая Розалина, какая неприятная рожа!), следует не тыкать кожаным переплетом в нос лироносящего обладателя, а с почтением подать, стоя слева от клиента! Запомнил? Тогда – все за работу!

Свежий утренний бриз вольно гулял по широкой террасе; ласковые солнечные лучи, скользя по легким тюлевым шторам, проникали в просторную залу, отражаясь в изящных кофейниках, отполированных до зеркального блеска куполообразных баранчиках, в сверка-

ющей стали столовых приборов, игриво рассыпаясь солнечными зайчиками по нежно-розовым стенам.

Но в ранний час посетителей практически не было. Разве парочка молодых людей, зашедших взбодриться после бессонной ночи утренним кофе или охладить мороженым неудержимую страсть. Да толку от них! Поставленное на скатерть пятно несло больше убытка, перечеркивая мизерный доход от чашечки кофе. Другое дело – обеденное время. Тут не зевай: привлекай отдыхающих, утомленных жарой, морем и несносной болтовней своих спутниц! И дон Альфонсо не зевал, лично выходя на улицу поведать потенциальным посетителям о старинных кулинарных рецептах, о почтивших его своим присутствием знаменитостях и о других диковинках и небылицах, неизменно заканчивая неназойливым, но настоятельным предложением хорошо (и не дорого!) отобедать в лучшем ресторане Сорренто.

В пятницу все шло своим чередом: в зале стоял разноязычный гомон иностранных туристов; официанты разносили заказы; повара, утирая пот, стояли у плит; Азарио выдавливал улыбку в тридцать два зуба. Работничек! Но попробуй, откажи в просьбе милиции национальной безопасности! Дон Альфонсо, отчасти удовлетворенный происходящим, собирался зайти внутрь, когда к террасе подошла молодая пара, ведя на поводке кривоногую таксу.

* * *

– Знаете, синьор комиссар, они мне сразу не понравились. Не поверите, я печенькой почувствовал, как только они первый раз пришли... когда? Недели две назад. Так вот, я сразу понял – от них будут неприятно-

сти. Почему? Интуиция. Видите ли, у нас строгие правила. Мы не пускаем в зал посетителей с животными. А у них была эта неприятная собака. Да, вы правы, собак я с детства не очень... так вот, они приходили с таксой. Как, ну и что? Сеньора хотела непременно попасть внутрь. Нет, не скандалила. Чего не было, того не было, врать не буду. Они располагались вот за тем столиком, в самом углу террасы. Да, каждый раз. Нет, происходящее в зале с этого места увидеть невозможно. Вход? Да, вход виден, как на ладони. Потом? Что было, да ничего не было. Заказали обед: суп с белыми грибами, ризотто. Кстати, у нас сегодня бесподобное ризотто! Не хотите? Простите, понял. Нет, к ним никто не подсаживался. Они ни с кем не разговаривали, ни с кем не встречались. В зал? Да, мужчина заходил в зал. Потом... Да, да, да, вы правы, сеньор комиссар! Он вернулся оттуда несколько иной, ну, как, в чем выражалось, не знаю, не могу объяснить, но я столько лет работаю с людьми, знаете, интуиция или как еще назвать. Я чувствую... это как паста. Ты чувствуешь – шедевр сегодня получится или просто хорошая – у нас, знаете ли, плохой пасты не бывает. С кем встречался в зале? Простите, не видел. Но, думаю, ни с кем – очень быстро вернулся. Может, увидел кого... Сеньора? Она его о чем-то спросила... нет, я не понял. Они говорили несколько на повышенных тонах, вернее, она. Почему, все прекрасно слышал, но они общались по-французски, а я, знаете ли, не силен... я его с детства, как и собак, да, не жалую. Дальше? А дальше вышел толстяк. И собака вдруг завывала, да так пронзительно! Сеньора? Она увидела толстяка и вся вспыхнула, порывалась за ним идти, но сеньор ей что-то сказал и пошел

за толстяком сам. Поспешно так пошел, будто догнать хотел. Нет, не окликнул... Толстяк? Неприметный. Вышел, как обычно: ни быстро, ни медленно. Но, знаете, радостный был. Я еще подумал – только кофе выпил, а такой довольный нас покидает. За углом они скрылись из вида, и что там случилось, простите, не видел. Если б я знал, чем все кончится, первый бы побежал за ними, но... как говорится, неисповедимы пути Господа. Персонал? Все на месте. Можете проверить. Сейчас позову... ребята, ребята... а где Азарио? Где Азарио?!!

Глава двадцать третья

Расплата

Орсини был почти спокоен: сегодня «француз» передаст найденную девчонкой тетрадь Еремичу, после чего он лично войдет внутрь, займет столик рядом с похотливым чекистом, и подменит лежащую на стуле газету. Вуаля. Если вдруг что-то пойдет не так – Азарио проследит. За эти годы увалень пообтесался, умудрившись продвинуться по службе благодаря своей деревенской хитрости.

Еремича, напротив, ночной визит вывел из равновесия: сейчас нам только ревности не хватало! Ставит под срыв завершение важной операции, Отелло чертов! Дурак я, дурак! Его эмоции надо было учесть, когда он о чести своей жены пекся, но, к сожалению, все учесть невозможно. Нельзя вычислить человеческий фактор! Люди непредсказуемы. Кто мог предположить взывавшую в опытном сотруднике ревность, которая сейчас может

перечеркнуть всю проделанную работу. А сам я – чем лучше?

Думать о своей измене было невыносимо, а не думать не мог. Как возвращаться без тетради? Остаться здесь – верная смерть. Если не эти, так свои точно дотянутся. У нас руки длинные. У нас? Кто теперь наш, кто не наш? С недавних пор некое сладко-щемящее чувство поселилось под ложечкой, периодически подступая к горлу рвотным позывом. И руки. Точно силу из них вынули: ни газету удержать, ни шнурки завязать. Не слушаются, хоть плачь! Наверное, так люди чувствуют приближение смерти.

Ночью он не успел перехватить Марию, увидев ее входящей в ворота виллы. Слава богу, хоть здесь сvezло. Иначе, как потом объяснять: почему действовал не по плану... да мало ли вопросов будет. Все должно идти по плану. Только по чьему: нашему или жирного итальяшки? Придушить его, и дело с концом. Андрей, ты сходишь с ума! Не таскает же эта мразь в потертом портфеле порочащие тебя улики. А если таскает...

Он появился в ресторане за полчаса до оговоренного времени. Зашел впервые. В предыдущие дни не имело смысла, но теперь тетрадь найдена – финал оперы буфф! Осмотрев зал против часовой стрелки, удивился – обычно делал наоборот. Что ж, Андрей Антонович, готовите пути к отходу, пытаетесь повернуть время вспять... На определенном столике стояла табличка «заказан». Правильно. Мы его еще в Москве «зарезервировали»: с этого места весь зал, как на ладони. Но, главное, рядом двери, ведущие в кухню. Случись что – раз, два и ты «в дамках».

К столу мягко пришвартовался (именно пришвартовался, скользя по полу, словно изящная яхта по морской глади к пирсу) субтильный официант.

– Добрый день! Что сеньор изволит?

Буэно сэра! Ответь я ему с московским акцентом – без полиции не обойтись. Улыбнулся: почему в голову всегда приходят несвоевременные мысли? А кто знает, какая своевременная, а какая... Решил заказать кофе с эклерами. К ним тоже Ишевская приучила. Сама не ела – фигура! Но обожала с детства. Поэтому испытывала сладкую муку, наблюдая, как поедает запретное лакомство верный паж.

– Для начала принесите воды.

Такой лучезарной улыбкой парня одаривали редко. Он попытался растянуть узкие губы в ответ, но... это искусство, мальчик, с первого раза не получится. Нужны годы тренировок или врожденный талант. Может, и правда, ответить с акцентом, загреметь в полицию, а там... всплывет «подписанная кровью» бумага! Сидите, товарищ Еремич, ждите напарника.

Николай появился ровно в два часа пополудни. Не осматриваясь, устремил взгляд на нужный столик. Молодец: ни один мускул на лице не дрогнул. Может, догадывался и ожидал именно меня здесь встретить. Хотя, нет: глаза все-таки «округлил» и голову чуть в сторону наклонил, верный знак – удивился. Значит, не ждал. Газета в руках. Ну, чего ты ждешь? Вперед, дружище!

Сердце стучало ровно, хотя внутри все ликовало: дело сделано! Сегодня злосчастная тетрадь уйдет в посольство, оттуда дипломатической почтой на родину. На террасе ждет Мария. Осталось расплатиться, оставить

чаевые, подхватить Зизи и домой! В дверях чуть не столкнулся с низкорослым толстяком, пыхтя, оттирающим пот со лба и толстой шеи огромным, схожим с полотенцем, платком. По лицу мужчины пробежала волна раздражения, но он с ней быстро справился, натянуто улыбнувшись.

Мария, неотрывно следящая за входом в зал, отвлеклась на заскуливши-завозившуюся Зизи, заметив на полу террасы округлую тень мужчины с приподнятой шляпой в руке: с Николаем раскланивался ночной визитер Еремича. Спазмом перехватило дыхание – выходит, они знакомы.

Светясь, Николай спешил к столику, но увидев жену, озабоченно спросил:

– Что случилось? На тебе лица нет.

– Ты его знаешь?

– И ты знаешь. Но почему ты спрашиваешь? Об этом нельзя говорить.

– Я его не знаю! А кто тебя с ним познакомил, не Еремич?

– Стоп. Мария, ты сейчас о ком? Еремич, скажу тебе, в нарушении всех инструкций, сидит в ресторане. Именно ему я передал газету.

– Я знаю.

– Час от часу не легче. Откуда?

– А ты не знал, что он здесь? Живет по соседству с нами.

– Тебе-то откуда это известно?! Ну, допустим, живет! У нас одно задание, забыла? Мы сделали свою часть, теперь его черед.

– А кто этот толстяк, с которым ты столкнулся в дверях?

– Понятия не имею.

– Тогда отчего он с тобой так приветливо раскланялся?

– Маша, после неожиданной встречи с Еремичем я выходил весь в своих мыслях и чуть не сбил человека с ног. Извинился, сказав: пардон. На что он, в знак «примирения», приподнял шляпу. Элементарная вежливость.

– И все?

– Клянусь.

– Тогда Еремич предатель.

– Ты серьезно?

– Готова поспорить, сейчас из дверей выйдет обиженный тобой субъект с нашей газетой в руках. И в ней тетрадь, которую ему передал твой друг.

– Бред! Ты просто переутомилась.

– Смотри!

За то время, пока с террасы, покачивая в руке коричневый портфель, спускался довольный коротышка, Мария рассказала мужу о ночном разговоре.

– ...в Москве он меня уверял: по-итальянски не знает ни слова...

– Иди домой, я скоро.

– Коля!

Но он уже сбегал по ступенькам, вслед смешно подпрыгивающему на коротких ножках толстяку.

* * *

Его до сих пор окружал ее запах, в кончиках пальцев ощущалось возбуждающее прикосновение к «непослушным», выющим волосам и шелковой коже, покры-

той золотистым, осветленным солнцем, пушком, а сердце разрывалось от безысходности и необратимости происходящего. Бесцельно бродя по залитым солнцем улицам, Антонио пытался трезво оценить случившееся ночью: наивный, размечтался! По-другому и быть не могло. Жизнь не сказка.

Чуть вдалеке, забавно подпрыгивая, словно желая вырасти в глазах окружающих, переходил улицу круглый коротышка (прыгает, как Орсини после удачно совершенной гадости). Оглянувшись, тот отчего-то засеменил пухлыми ножками чаще, почти перейдя на бег, крепко прижав к рыхлой груди коричневый портфель. Да это он и есть!

Поквитаться он хотел давно. За все: за тот кофе, за сломанную жизнь, за Гарика, получившего удар ножа в спину. Все эти годы он жил с одним желанием: наказать этот жирный кусок дерьма, как называл Орсини Браун младший. Тогда, на девятом счете рефери, собрав волю в кулак, Антонио с трудом поднялся на ноги. Шатаясь, преодолевая боль в боку, осмотрел заплывшим глазом ликующих штурмовиков, с трудом разомкнув в едкой улыбке разбитую губу...

Еще вчера меня распирала гордость от принадлежности к фашистской партии... Как же – связка¹⁶ единомышленников, как говорил наш «маленький дуче». Никакая это не связка! Фашизм – это свора малограмотных недоумков, в бешенстве травящих одного...

Стойку принять не успел – гонг.

Теперь Антонио знал о противнике все: его левой надо не остерегаться, от нее надо спастись бегством!

¹⁶ Фашизм (итал. - fascismo, от fascio) – пучок, связка, объединение.

Он хорошо закрыт, легко «танцует», а правая... Гарик суетился, щадяще отирая кровь с разбитого лица, громко нашептывая: послушай, Белоснежка, ну его к черту, этот турнир. Толстяк сбежал, денег нам не видать, пора подумать о собственной шкуре. Не время героизмовать, парень, на тебя страшно смотреть. Еще один такой удар, и ты покойник... в лучшем случае – инвалид. Не дрейфь, проигрывать тоже надо уметь. А? Выбрасываю полотенце?

Он тяжело помотал головой.

– Хорошо! Тогда слушай внимательно, сынок. Это твой единственный шанс. Рискованно, конечно, но этот трюк попробовать стоит... и помни, у тебя одна, максимум, две минуты, дольше не выдержишь.

Звон гонга потонул в приветственном рыке сотен довольных глоток.

Снисходительно ухмыляясь, Хауфлер по-хозяйски «качал маятник», внимательно следя за Антонио, который, скорчившись, все пятился и пятился к канатам. Последним ударом я лишил его разума – итальяшка сам себя загоняет в угол. Антонио выжидал единственно верный момент. Еще чуть-чуть, еще полшага назад... пора! Он намеренно открылся справа, приглашая соперника нанести заключительный удар, и тот клюнул! Тяжелым молотом вылетел вперед левый кулак... «споткнувшись» о пустоту. Гарик дал толковый совет: замани его на канаты, откройся, затем резко пригнись, увернувшись от удара... Сила инерции выбросила накаченное тело вперед. Потеряв опору, немец сгруппировался, пытаясь развернуться – поздно. Он так и не понял, когда и откуда «прилетел» сильнейший удар под дых. От резкой,

неожиданной боли скрючился, тут же получив разящий удар в висок. «Паровоз» Белоснежки безжалостно «раздавил» германского боксера.

Дальнейшее он старался не вспоминать. Сбросив оцепенение, штурмовики кинулись к рингу. Под чудовищный гвалт его чудом провели к раздевалке и, не дав переодеться, спешно вывели через «черный» вход. Не успели. Озверевшая толпа, оттеснив к кирпичной стене, готова была разорвать изможденного спортсмена. Молниеносная реакция старого боксера подсказала Гарику единственно верный ход: приставив выхваченный из кобуры ближайшего штурмовика «Люгер» к горлу хозяина, матерясь на освоенных в портах Нью-Джерси (где по молодости работал грузчиком) языках, он, заслоняя собой, вытолкнул Антонио «из круга признания».

Разрезая толпу задним бампером старого «Опея», к ним пробивался Браун младший.

– Не так-то просто отделаться от меня, Белоснежка! Чего ты возишься, прыгай!

Удивительно, но погони не было. Причину поняли, выехав за город, когда Гарик, зажав рукой рану в правом боку, попросил остановиться. В горячности стычки он не почувствовал проникновения стального клинка, но нападавшие знали – кровь пролилась, возмездие свершилось.

Гарик умер, не доехав до Италии пару километров: вонзенное сзади тонкое лезвие стилета поразило печень, вызвав обильное внутреннее кровотечение. С трудом сглатывая вязкую, кровавую слюну, тренер поднял замутненный взгляд на своего ученика, прохрипев сквозь

посиневшие губы: все-таки я вытащил тебя из этого дерьма, Белоснежка... то-то и оно.

* * *

Ускорив шаг, Антонио свернул за угол, наткнувшись на лежащего в луже крови Николая.

– Тетрадь, Мария, тетрадь у него...

Удивление и оторопь прервал взвившийся в небо женский крик: убили, помогите! Полиция! Боковым зрением, профессионально, заметил, как залитую солнцем стену ближайшего дома мельком загородил и тут же пропал силуэт верзилы с тонким стилетом в руке. Так вот кто убил Гарика – один из молодчиков Орсини! Со всех сторон подбегали люди, карабинер наполнял кварталы пронзительным свистом, призывая на помощь коллег. Инстинкт боксера сработал молниеносно: развернувшись, опрометью бросился вдогонку за убийцей. Где Мария, что с ней, почему зарезали ее мужа – об этом после. Сейчас главное, не дать уйти негодю, иначе за решеткой окажется он сам: слишком много жлесвидетелей.

Перемахнув через низкую ограду, Антонио прыгнул на ниже проходящую улицу, пытаясь догнать Азарио. Еще один поворот – и на узкой, стиснутой с двух сторон домами, с закрытыми по причине сиесты жалюзи, улице... послышались торопливые шажки неудавшегося импресарио от бокса. Столкнувшись с бывшим подопечным, Орсини вздрогнул, едва не выронив портфель.

– Все крысятничаешь, жирная тварь?

– Прости, Белоснежка, я все объясню, все верну.

Господи, что за день такой? Этот откуда свалился на мою голову?! И где Азарио?!

Нанесенный сзади удар выбил почву из-под ног. Превозмогая боль, медленно повернулся, тяжело посмотрев в наполненные страхом глаза верзилы, в растерянности пытающегося вытащить засунутый в спешке за пояс стилет, который запутался в разрезанной тонким лезвием рубашке, нанося порезы обладателю.

Ничего не меняется! Вся жизнь – сплошная драка в подворотне, как тогда, с Чезаре. Только Браун младший, к сожалению, не выйдет из зеленых дверей, насвистывая любимый чарльстон, и Гарика уже никогда не будет рядом.

Он бил не видя: перед глазами стояло лицо тренера с темной кровью на посиневших губах, бил, точно зная, куда наносит удары (Гарик учил хорошо), не испытывая гнева: хладнокровно, расчетливо и профессионально, ибо зло должно быть наказано, а друг должен быть отомщен. От бессилия и боли Азарио опустился на колени, мыча, словно раненый бык. Но он продолжал бить, пока «паровозным ударом» не свалил убийцу друга на булыжную мостовую.

Обливаясь потом, Орсини, будто под гипнозом, вжимался в нагретую солнцем стену, прижимая драгоценный портфель к опавшему животу.

Толстый сын булочника. Достаточно хорошего пинка – и рассыплешься.

– Что у тебя в портфеле?

– Это государственная тайна!

– Повторяю вопрос: что в портфеле?

Слезы выступили на покрасневших глазах. Заикаясь, пуская слюнявые пузыри, пропищал:

– Не делай этого. Не надо. Антонио, все еще можно уладить...

– Как с Хауфлером? Кстати, гнида, что ты мне тогда подсыпал в кофе?

Тренированный кулак налился гневом. Он сделал то, о чем так долго мечтал. Толстяк тихо всхлипнул и «сдулся», будто из него выпустили воздух: беспомощно взмахнув руками, выронил портфель и, потеряв былую важность, неуклюже сполз на мостовую, присоединившись к одному из наследников великой римской империи.

Глава двадцать четвертая

Рождение

Столица встретила шумно и празднично. Это был совершенно не тот город, в который она приехала семнадцать лет назад. Сверкающие чистотой улицы, отстроенные проспекты, организованно спешащие, улыбающиеся люди... Машина шуршала по заасфальтированной мостовой прилипшими к новеньким протекторам листовками — приветствием легендарным челюскинцам: страна праздновала победу героев над ледовым пленом. После уютной, «домашней» Италии, после изысканно-утонченного Парижа, Москва показалась пышным, с грандиозными планами, помпезным строительством и имперскими амбициями, городом.

Марию посадят позже, в тридцать восьмом. А тогда, по возвращению на родину в июне тридцать четвертого, ее допрашивали несколько недель. Корректно, вдумчиво, вьедливо-дотошно, без применения физиче-

ского насилия (не из-за беременности – это никогда не останавливало). Руководство пыталось понять: виновата девушка в гибели мужа или произошел ряд досадных случайностей (от которых не застрахован ни один разведчик), приведших к трагической развязке в Сорренто. Если ее вины нет, надо решить, как в дальнейшем использовать протеже недавно скончавшегося главы Наркомата внутренних дел.

Времени обдумать дальнейшее поведение было достаточно. Сопровождаемая парой меняющихся агентов, (ни на минуту не оставляли одну, *bastardo* караулили даже под туалетной дверью), она рассчитывала ходы, просчитывая возможные вопросы и действия следователей, обдумывая свои ответы и поведение. Еремича доставили на родину по другому каналу, вследствие чего, по мнению чекистов, сговориться они не могли.

Спустя много лет, привыкшая вести дневник, она анализирует записи, с удивлением обнаружив странную особенность: все важнейшие события в ее жизни оказывались связанными с цифрой четырнадцать. Будь то время, или суммарно сложенные числа года, или дата, но присутствие этой цифры являлось знаковым, словно атмосфера, соприкасаясь с этой цифрой, сгущалась, наэлектризовывалась, совершая очередной поворот в судьбе Марии Гольдштейн.

Сколько бессонных ночей она провела, вспоминая этот проклятый день – четырнадцатое мая тридцать четвертого года, сколько передумала, прокручивая события, стараясь не упустить ни одну деталь. И, как ни крутила, как ни пыталась объяснить поведение Андрея, выходило одно – он предатель, а значит, виновен в гибели Нико-

лая. Но... приняв навязанные Еремичем по пути в Рим правила игры, не отступила от них, понимая: только «гудение в одну дуду» позволит избежать наказания, а на свободе я разберусь. Не знаю, как, (Менжинский поможет?), но докажу его предательство и отомщу. Потому что предателя надо карать...

* * *

Кофе был неприятно горький. Пережарили, мерзавцы.

Поморщившись, сделал маленький глоток, боковым зрением наблюдая за уносящим тетрадь коротышкой. Дело сделано: подменная газета с негативами лежала на месте, осталось придумать объяснение исчезновения тетради. Так на это существует хорошенькая жена друга юности... Любит он ее! Не надо было лезть в мужские игры, госпожа Конти. Сквозь прозрачное стекло входной двери Еремич хорошо видел забавно подпрыгивающего по лестнице Орсини. Причудлива мать-природа, сотворит же... до чего некрасивый человек, уродец.

А некрасивый человечек вдруг перестал самодовольно подпрыгивать, засеменив короткими ножками все быстрее... от последовавшего за ним Николая. Что за черт! Этот почему здесь? Давно должен паковать чемоданы со своей... Не дождавшись счет, он сунул крупную купюру в нагрудный карман проносящего чужой заказ официанта и, прихватив газету, поспешил к выходу.

Не успел.

С улицы, скрываемой углом залитого солнцем дома, перекрывая людскую разноголосицу, донесся женский визг и крики: Убили, полиция, помогите!

Осмотревшись, выхватил из толпы цепким взглядом ее. Некрасиво, ох, как некрасиво получилось! Приходится менять планы на ходу. Догнав, крепко схватил за руку, одновременно другой отведя лицо в сторону от распростертого в луже крове Николая. Кровь, опять кровь, которую он терпеть не мог!

– Не надо туда смотреть, ни к чему это. Смотри на меня!

Она не удивилась. Скорее всего – шок, не понимает, что происходит – не профессионал. Тем более, действовать надо быстро.

В дверь виллы почти впихнул.

– Жди!

Наверху, из потайного шкафа, достал три новеньких заграничных паспорта граждан французской республики. На такой случай и были припасены. Она – госпожа Шарлота де Вуар, я – кузен, а третий? Третий придется сжечь. Некогда, сейчас в их дом нагрянет полиция. Стоп, Андрей, не пори горячку. Отсидимся здесь до утра... да какой там! Всё перекроют. Местная полиция искать умеет.

Похлопав «бесхозным» паспортом по ладони, вернул его на место (пусть полежит, может, когда и сгодится), быстро спустившись вниз.

– Мария! Случившегося не исправить. Сейчас надо думать, как выбираться. Слушай меня внимательно. Мы немедленно идем к морю. Найдем яхту, на ней доберемся до Рима. Мария, ты слышишь меня?

Она хорошо слышала. Голова, на редкость, сообщала ясно и четко. Николая не вернуть, но и оставлять его здесь...

Словно прочитав ее мысли, добавил:

– Поверь, тело Николая предадут земле на родине. Сейчас думай о себе.

Вот чем не понравился ты мне с самого начала – только о себе думаешь. Она хотела спросить: а где тетрадь? Но вовремя прикусила язык.

– К вам, – он запнулся, – к тебе сейчас нельзя. Все необходимое купим по дороге.

– Без Зизи не поеду.

– Мария, очнись! Она у тебя на руках!

– Без документов не выпустят.

Он внимательно, по часовой стрелке, измерил девушку взглядом, оценивая национальное упрямство. Стоит ли с ней начинать «свою» игру или правильнее придушить по пути к морю поводком непокрытой Казановой сучки?

Мария все поняла. В нехорошую ситуацию ты попала, Мария Гольдштейн, очень нехорошую. Поэтому молчи и слушай. Слушай и запоминай, запоминай и делай выводы. Придет время – и скажешь, и спросишь...

Еремич все рассчитал верно.

До предместья Рима добрались на рыбацкой шхуне.

Шторм и непогода для страдающих морской болезнью – не самое страшное испытание. Губительнее полный штиль: ласковые волны покачивают, убаюкивая, легкую посудину, полностью выводя из строя вестибулярный аппарат. Большую часть пути Мария, позеленев, исхудав и измучившись, провела, перегнувшись обезвоженным телом через борт.

Не хватало еще, чтобы вместе с содержимым желудка она распрощалась и с полученной информацией, опасался Еремич. Однако напрасно. Девушка усвоила и запомнила все до мельчайших деталей.

...– На Николая напали по дороге в ресторан. Выхватили сверток и убежали. Он бросился догонять, ткнули ножом – убили. Кто напал? Мафия... нет, обыкновенные жулики. Не повезло. Дождаться полиции ты не стала – испугалась. Сразу пошла на пристань... где взяла новый паспорт? Я дал его Николаю за день до нападения. Зачем? Он знал, что ты должна в этот вечер принести тетрадь, но опасался слежки. Поэтому решил подстраховаться. Меня ты не видела и не знала о моем нахождении в Сорренто. Что написано в тетради – не читала, не успела. Но пролистала и, поняв – почерк принадлежит Горькому, вынесла ее с виллы. Где ты была, когда напали на Николая? Ты уже была на террасе, а он задержался. Почему? Собака сбежала... Нет, не годится, ты же у нас «дама с собачкой»... Предлагаю утопить эту чертову Муму. Расслабься, шутка, я не Герасим... Хотя, куда уж больше расслабляться. Давай, не стесняйся, я подожду...

Солнечные блики на глади волн, крики чаек и морской шум успокаивали, усыпляя бдительность, отодвигая нависшие проблемы куда-то за горизонт. А может, действительно, бросить все? Остаться здесь, зарыться в песок, купить (есть же деньги) баркасики, зажить тихо, красиво. Вон какая красавица в руки попала... Расслабились вы, товарищ Еремич. Не первый раз буржуазные мысли в голову лезут. Не затем мы революцию делали... А зачем? Ведь так пройдет жизнь (если по воз-

вращению не расстреляют), и все. В лучшем случае – пенсионер союзного значения с орденом Красной Звезды. А останешься? Найдут. Руки у них (уже – у них!) длинные, дотянутся. Как дотянулись до генерала Дутова. Или похитят, как Савенкова.

...– Он покупал газету за нужное число, а ты прошла вперед на террасу, барышне негоже путаться под ногами газетчиков. Когда заворачивал в газету тетрадь, его выследила группа жуликов – думали, прячет ценные вещи или тетрадь с портмоне перепутали. Я подтверждаю: видел из ресторана, через стеклянную дверь. Поспешил вмешаться, не успел. Все произошло очень быстро. Договорились? Запомнила? Хорошо. Больше там никого не было. Поняла? Ты же никого не видела?

Ее вновь вырвало в морскую лазурь. Уже не от качки. Было противно от вранья, в которое Еремич сам поверил, и которое она будет вынуждена рассказывать слово в слово не один десяток раз. И перепутать ничего нельзя...

* * *

– Что ж, Андрей Антонович, поздравляю! Дело ваше сдано в архив, вы полностью доказали свою невиновность. К ордену, сами понимаете, за эту операцию, представить не можем, но... и не расстреляем.

Молодой начальник отдела (после ухода Менжинского в Управлении появилось много новых людей) рассмеялся. Весело, «с искринкой»... Ты, наверное, и расстрелял бы меня так же весело, с хорошей, добродушной улыбкой славного паренька, призванного на службу в органы.

Он просил отставку: устал, годы берут свое. Пора зажить «мирной» жизнью: завести семью, родить детей, посещать театр. А кто мешает? Заводите, рожайте, посещайте. Но служите! Мировая революция не за горами. А проверенные, опытные сотрудники на дороге не валяются. Слышали, товарищ Сталин сказал: кадры решают все! Вот вы, Андрей Антонович, и есть те самые кадры! Вам и бороться с врагами социалистической родины...

Понеслась! Любую агитацию Еремич терпеть не мог, с того самого момента, когда городской за шиворот схватил, разбросав прокламации по улице. Агитация до добра не доводит. Дело надо делать. А это все разговоры. Насчет отставки: на нет, и суда нет. Он бы, как говорится, с радостью в рай, но грехи...

Нет, не убийство Николая отягощало совесть Еремича. Этот случай его совесть, напротив, оправдывала. Сам виноват. Зачем полез, куда не звали? И не судьба Марии, которую до сих пор держали в изоляторе. Ее, он узнал по старым связям, скоро выпустят. Другое заставляло нервничать, не спать ночами. Негативы. Как мог он, опытный разведчик, слепо довериться Орсини – итальянцу (кто, где и когда встречал честного итальянца?!), фашисту! Пустой оказалась газета, обмененная на ценнейшую тетрадь в ресторане Дона Альфонсо.

Ее выпустили перед родами. Выжидали – вдруг всплывет новая информация о проваленном задании. Но с той стороны не поступало ни громких политических заявлений, ни провокаций, связанных с именем Горького. Выходит, непредвиденные обстоятельства. Не повезло...

Тюремный врач заверил – не доходит: либо потеряет ребенка, либо надо рожать сейчас – семимесячного.

Четырнадцатого декабря тридцать четвертого года, несмотря на перенесенные стрессы и нервное напряжение, она родила здорового, с густо покрытыми черными волосиками головой, мальчика. Пожилая акушерка, шлепнув новорожденного по желтоватой ягодице, вопреки правилам, передала его в руки матери, выполняя посланную через «неземной красоты» глаза, просьбу младенца.

– К вам посетитель.

С огромным букетом хризантем стоял несколько растерявшийся Еремич.

– Поздравляю... с первенцем. Вот.

Угловато, в несвойственной ему манере, протянул цветы. Подроспевшая санитарка перехватила букет, восхищаясь размером, запахом, свежестью и... (Какой мужчина, девочки, холеный, представительный, импозантный...)

– Мальчик?

– Мальчик.

– Как назвала?

– Борис.

– А где он? Ах, да...

Говорить было не о чем. Она выполнила его наставления, благодаря чему оба живы и на свободе, вернее, не в лагере. Что ему еще надо? Зачем пришел? Поздравить? Вздор. Такие просто так не приходят.

И Еремич огорошил:

– Маша, выходи за меня...

В душе все перевернулось! За тебя?! Но в следующий миг горячность итальянской крови перебила швейцарская расчетливость. Почему нет? Друзей можно держать на расстоянии, а врагов всегда лучше иметь «под рукой». И Мария Ковальская, в девичестве Гольдберг, беззвучно кивнула...

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава двадцать пятая

Белка

...Артур закрыл тетрадь под утро. Лиза мирно спала на диване, Ева нежным калачиком свернулась рядом – неуютно и боязно было дочери в чужой квартире.

Насыщенная была у бабки жизнь. И оборвалась странно, при загадочных обстоятельствах, почти как записи в тетради – на самом интересном месте. Отчего она не рассказала мне историю семьи: свою, деда, отца, наконец?! Не успела... или не захотела? Почему Аглая, как только я заводил разговор о бабке, сердито замыкалась в себе? Что они не поделили? Или кого? Что я вообще знаю про маму, отца?..

* * *

– Рябята, айда вниз, новеньких привезли!

Круглолицый, с ежиком выпавших на солнце соломенных волос, горластый Семен Круглый, растянув в довольной улыбке припухлые, породистые губы, «скачивался» по дощатой лестнице, созывая товарищей во двор. Там из обшарпанного автобуса несмело выходили, боязливо-затравленно оглядываясь по сторонам, одетые в разномастные одежды новые обитатели детского дома номер пять, носящего громкое имя пролетарского писателя Максима Горького.

– Глянь, Свищ! Долговязый с чемоданчиком приехал, на курорт!

– Ага! Отдыхать пожаловал.

– Ничё, ничё! Завтра прописку получают...

– Можно и сегодня устроить – быстрее в коллектив впишутся.

– Щас, впишутся. Выкуси! Как Голиаф говорит: горбатого могила исправит. Только упорный труд, труд и еще раз труд сделает из вас людей!

– Вот аспиды! Опять без спросу вывалились на улицу! Марш по комнатам! – директриса, Галина Пантелеевна, благодаря своему имени, но больше из-за богатырски-внушительных размеров прозванная Голиафом, сотрясая землю массивными, сродни колоннам Большого театра, ногами, неожиданно появилась из-за угла старинного дома, парой-тройкой подзатыльников разогнав импровизированный митинг.

– А вы чего встали, яблочки, недалеко от яблонь упавшие? Сгребли свои манатки и марш за мной! И не реветь! Узнаю, кто ноет – башку откручу.

Будучи по природе доброй, болеющей душой за маленьких «мерзавцев», однажды Галина Пантелеевна привязалась к тихой девочке, но ничего хорошего из этого не вышло. С тех пор и носила маску напускной строгости.

Так будет легче. И им, и мне. Кто ж виноват, что жизнь такая.

Нарочито грубо, тем не менее, соизмеряя свою силу с детскими телами, подталкивала и, цепко хватая выше локтя, выстраивала в колонну по двое испуганных мальчишек и девочек.

– Ну, а ты чего застыл, мальчик-с-пальчик?

Жесткий взгляд зажатой, закрытой на семьдесят семь замков души встретился с наивными, готовыми вобрать в себя всю красоту мира, широко распахнутыми

глазами четырехлетнего Бори Ковальского. Галина Пантелеевна стушеввалась от пробежавшей искры сочувственного понимания между двумя, сосланными на эту планету, созданиями, неслучайно оказавшимися в одно время и в одном месте, за доли секунды поняв: ее дальнейшая жизнь связана именно с этим мальчиком, непостижимо, за одно мгновение ставшим близким и родным. В груди кольнуло, она охнула, тут же взяв себя в руки. Нельзя показывать слабость волчатам – загрызут. Если не они, так сверху понаедут «кожаные портфели» и разберутся с мягкотелостью, проявлением слабости, потерей бдительности. Это только в газетах пишут: сын за отца не отвечает, а на деле – все за всех отвечают, а она – за них. За каждого.

С тех пор, как Борис переступил порог сиротского приюта, ведомый за руку лично Галиной Пантелеевой, жизнь его потекла без потрясений и столкновений с двумя враждующими детдомовскими группировками, минуя побои, издевательства и насмешки. Даже «прописка» его не коснулась: то ли детдомовцы уразумели расположение к нему Голиафа, то ли благодаря своему особому, воспитанному в неволе, чувству познания добра и зла прониклись обаянием и открытой беззащитностью мальчика.

Семка Круглый, парень с внимательным, цепким взглядом, сразу понял: с этим мальчиком-с-пальчиком надо дружить. Через него много поблажек можно получить, по крайней мере, пока здесь верховодит Голиаф. И когда противоборствующая группа во главе с Ленкой Тельником (приблатненным пареньком из Одессы) по-

требовала от Бори недельную порцию масла в качестве «прописки», Семка смекнул: на этом можно сыграть.

Драться с Ленькой не стал – драка последний аргумент в споре дураков. А Семка Круглый, получивший новую фамилию благодаря округлой форме улыбающейся физиономии (в самом деле, зачем портить мальчику жизнь, оставляя на фамилии врага народа), себя дураком не считал. Был он парень неглупый и очень внимательный. Замечал многое, многое запоминая и понимая. Вот и сейчас не ускользнул от его тонкого слуха тихий вздох-всхлип Галины Пантелеевны, вызвав в памяти цепную реакцию с событием, для человека его возраста, давнишним, но по меркам земной жизни произошедшем буквально вчера.

Два года назад приехала в детдом комиссия: три красномордых ревизора в нелепо обтягивающих раскормленные тела френчах и фуражках с матерчатыми козырьками. Но не комиссия нагнала страх на детей, а кожаный портфель, важно носимый главным из них. От таких портфелей все беды – кто его знает, какие бумажки могут всплыть из темных недр потертой кожи? Об этом малолетние, но битые жизнью детдомовцы, знали хорошо. Слышал Круглый, как кричал толстяк в кабинете Голиафа – тогда еще вполне стройной, хоть и крупнотелой моложавой женщины. Как затем, понуро опустив голову (так на эшафот поднимаются – мелькнула мысль у начитанного Семки), шагала по ступенькам Зина Мокроус – одиннадцатилетняя девочка с цвета осеннего неба глазами. Ее все любили. Была Зина тихой, приветливой, никогда не повышала голос, в драках не участвовала, но и ябедой ни разу себя не показала. Зато всегда была го-

това помочь. Галина привязалась к ней, как к дочери. Итог – комиссия. Какие документы они вынули из своих портфелей, чем напугали бесстрашную комсомолку, ныне члена ВКПб Галину Степанову, Семка не знал. Да и не хотел знать. Только помнил он, как у крыльца, прощаясь, женщина обнимала Зину, крепко держа за вздрагивающие плечи, стараясь как можно дольше не отпустить от себя, пытаясь заслонить, защитить... пока один из портфеленосцев не выдернул девочку за руку, впихнув в машину. Вот тогда и вырвался у Галины этот вздох-всхлип. Но ни слезинки не уронила, лишь подбородок предательски дрогнул, да рукой пару раз махнула вслед растворяющейся в вечерних сумерках, спрятанной кем-то под чужой фамилией в детдоме имени Горького, дочери опасного врага народа.

Вот когда надо было драться! Да что мог сделать одиннадцатилетний подросток против откормленных мордоворотов! С того случая пытался Семка Круглый найти ответы на всевозможные вопросы, возникающие от общения, но больше от поступков других. Со временем привычка рассуждать с самим собой переросла в потребность, держа мозг в постоянном тонусе. И додумался Семка за эти годы до одной важной вещи: драться надо уметь хорошо, но в самом крайнем случае. В основном же надо учиться договариваться. Поэтому и назначил Ленке Тельнику встречу у дверей столовой. После отбоя. Один на один.

– Слушай, Тельник, мы тут одни, поэтому спрошу сразу: тебе важнее масло или свобода?

Застигнутый врасплох неожиданным началом разговора, Ленка опешил.

– Ты чё! Какая свобода? Сбежать предлагаешь? Так мы уже два раза бегали, и чё? Все без толку. Во-первых, поймают. Во-вторых, на воле тоже жрать охота, а тут харч сносный, плюс кровать и все такое...

– Ты не понял. Свобода – это когда делай, что хочешь.

– Ну? – Ленька тупо уставился на ведущего непонятные разговоры парня.

– Значит, выбираешь масло... хорошо, завтра получишь пайки за неделю.

– Как так? Мальчик-с-пальчик завтра принесет восемь порций?

– Ленчик, в неделе семь дней, семь! И ты получишь семь паек. А кто тебе их даст – не твоего ума дело. Договорились?

– Ну...

– Не ну, а – договорились?

– Ну, договорились.

– Значит, по рукам?

– По рукам.

Стиснув потную ладонь, улыбаясь породистыми губами, отпрыск дворянского рода в восьмом поколении, сын расстрелянного в двадцать девятом штабс-капитана, сознательно перешедшего на сторону угнетенного (как он полагал) народа Антона Маслова, тихо произнес:

– И к мальчику-с-пальчику у тебя и твоей кодлы вопросов нет. Так?

Извиваясь, Ленька пытался высвободить руку:

– Сейчас, может, и нет, а дальше посмотрим.

– А дальше и вовсе не будет, иначе завтра...

– Что, ну, что иначе?

Семен перевел взгляд в угол длинного коридора. В тусклом свете электрической лампочки, пробивающемся сквозь замалеванное белой краской стекло наддверной рамы, расплывались по стенке тени двух подельников горе-одессита. Иначе завтра все узнают о его трусости, прихватившим на встречу «один на один» прячущихся за несгораемым шкафом товарищей. Тельник все понял. На том и разошлись.

Во время завтрака к одесскому столу «причалил» Свищ, вальяжно протянув покрытый семью желтыми «бочонками» кусок черного хлеба.

— Как договаривались...

Перекаtywая во рту вязкую от каши слюну, бросив взгляд на парламентаря, Ленька уставился на желанный харч. Прикинув все «за» и «против», коротким плевком освободил рот от прилипшей к нёбу жесткой шелухи овсянки:

— Не надо.

Недовольные возгласы команды, сглатывающей слюни в предвкушении дармового масла, пресек жестко и умело:

— Мы у сирот последнее не отымаем.

— Ну, нет, значит — нет.

Так Борю Ковальского и «прописали» в детском доме номер пять.

Оценив поступок Тельника, Семка засомневался: возможно, Одесса не такой дурак, каким он себе его представлял. Возможно. Но и не умный. А что такое ум? Ум дается человеку свыше, в качестве дара. И, как всякий дар — достается не каждому. Поэтому умных мало. Гораздо чаще встречаются те, кто мнит себя умным

по причине большого количества прочитанных книг. Но это образованные, перепутавшие чужие знания с собственным умом. Одесса хитрый. Хитрых тоже значительно меньше, чем дураков, но больше, чем умных. А бывает человек и умный, и хитрый?.. Наверное, бывает... хотя, нет. Цель хитрого – обмануть другого, а обман редко совместим с умом. Поэтому хитрый тянется к глупцам – их легче одурачить. Но приходит время, и «одураченные» дураки, чтобы выжить, объединяются в стаю, устанавливая свои законы и порядки (сила у большинства), заставляя по ним жить других. Хитрый не может представить себя обманутым: по его убеждению, он, и только он способен дурачить других. Поэтому попадает в западню. Умный же обречен в силу своей порядочности и одиночества. Если бы умные могли объединиться, их бы никто не одолел... но они самодостаточны. Поэтому в мире торжествует глупость, берущая сплоченностью, массой и дисциплиной, тем, чего нет ни у хитрых, ни у умных.

Эти рассуждения взволновали Семку: если умные не могут понять простой вещи – сила в объединении – то в чем их ум? Может, они и есть самые большие глупцы? А ум – нечто другое? Над этим вопросом он долго ломал голову, вдруг додумавшись до простого ответа: ум – есть способность рассуждать.

А кто я? Дурак, хитрый или умный? Умный. Не зря я решил объединиться с этим мальчиком – он тоже умный. Не может быть глупым человек с такими глазами. А еще через него можно поймать много поблажек от Голиафа. Ей доложат, обязательно кто-нибудь донесет о выкупе, который мы собрали. Она этого Борю любит,

как Зину, вишь, как вздыхала... Выходит, я хитрый? Семку этот вопрос поставил в тупик и расстроил. Но, поразмыслив некоторое время, он пришел к утешительному для себя выводу: я – хитроумный, как Одиссей.

* * *

Дни в детском доме текли один за другим, в постоянных хлопотах и заботах. Старшие учились, младшие помогали по хозяйству, но чаще гуляли в большом парке детского дома. Гулять можно было до забора. За этим строго следил Митрич – сторож, плотник, истопник, сродни Балде из сказки Пушкина – умелец на все руки. Каким образом при своей занятости Митрич успевал перехватывать мелких фулюганов при попытке пробраться сквозь щели в заборе, одному Богу было ведомо. Будто Сивка Бурка Вещая Каурка, вырастал огромный сторож, поглаживая окладистую бороду, перед «нарушителем границ», притворно строго возвращая очередную «шкидлу» (на народных харчах жир не нагулять) к центральному входу, перед которым и был устроен «детский уголок».

Борис этот уголок покидал редко. Обычно, выходя на улицу с другими детьми, он садился на скамью, свешивал свои короткие ножки, обутые в потертые ботиночки, завязанные порвавшимися и соединенными узелками в нескольких местах шнурками, и долго смотрел в одну, казалось случайно выбранную им, точку. Когда Семка со своей оравой был свободен от уроков и хозяйственных обязанностей, присоединялся к нему, постоянно что-то рассказывая, принося невесть откуда взявшееся угощение (кусочек рафинада или корочку превратившегося в сухарик хлеба). Боря не отказывал-

ся, чувствуя: надо взять, иначе ребята обидятся. Они ведь заботятся о нем. Но никогда не ел принесенных гостинцев. Напротив, прятал в карман, чтобы затем, тайком, когда никого не будет рядом, пройти вглубь парка и угостить белку, с которой «подружился» случайно. Однажды, сидя на скамейке, он увидел распушившего хвост зверька, перелетающего с одной ели на другую. Не усидев, широко раскрыв глаза, Боря побежал за «мохнатой птичкой». Но белка, отчего-то, больше прыгать не стала. Напротив, усевшись на ветке, внимательно смотрела на мальчика черными глазками, наострив уши с красивыми кисточками, держа аккуратные лапки у маленького рта. Боре стало жаль зверька: наверное, хочет есть. Он протянул кусочек сахара и, о чудо! Помахивая хвостом, белка шустро спустилась по стволу, уткнувшись носиком в детскую влажную ладонь. Сахарная дань была принята. С тех пор Боря старался регулярно ходить к этому месту, а Митрич, никому ничего не говоря, специально подсыпал сюда семечки, приучая зверька к «кормушке» — пусть паренек порадует. Нравился ему этот мальчик, напоминающий внуков, давно выросших и уехавших в город, редко вспоминающих и, тем более, навещающих деда.

В канун Октября настроение у всех было приподнятое. Завтра исполнится двадцать два года революции! Событию, которое сделало всех детей Страны Советов счастливыми и свободными...

Зевая после побудки, Боря надел рубашку, застегнул непослушными со сна пальчиками выщербленные пуговички, надел на ноги скатанные вечером чулочки, аккуратно раскатав их по ноге и прицепив к резиновым

клипсам, влез в шорты, посмотрел в окно... и ахнул. В желтом свете покачивающейся в железной чашке лампочки, густыми хлопьями падал, застилая собой старый парк, скамейки, облепив окна и серые скульптуры двух пионеров, стоящие по бокам центральной аллеи, пушистый снег. За окном кто-то нарисовал сказку.

Во время прогулки он подобрал веточку, поводил ею по белому «листу» и на снежной глади появилась смешная, трогательная мордочка знакомой белки.

Глава двадцать шестая

Старик

Увиденное и услышанное, прожитое и пережитое за короткое мгновение, вонзилось в сердце и мозг, заставив зазвенеть нервные окончания до физической боли, до слез и спазма в груди. В это невозможно было поверить, но родной внук в эту самую минуту умирал в соседней комнате, а его жена, ничего не подозревая, ждала приговора. Приговора, который должен был вынести он. Но кто он? Уже не человек, еще не дух...

«Да кто я такой, в самом деле? В кого я превратился после смерти, которой, по утверждению господина Некто, не существует. А если он прав, и ее действительно нет: не может человек летать по воздуху, передвигаясь во времени на пятьсот лет туда-сюда. Значит, я — призрак? Но у призрака нет души, а моя разрывается от боли и тоски, как в тот роковой, самый счастливый и, одновременно, горестный день моей жизни...»

В темноте улочки родного города выглядели незнакомо-враждебными. Сколько лет прошло, как он уехал из Монтефьясконе – восемь, девять? Антонио осторожно ступал по каменным мостовым, стараясь держаться дальше от главной улицы – Корсо Кавур. Еще два поворота по круто идущему вверх переулку, и он дома. Поворачивая, оглянулся, заметив, как из темноты арочного проема, напротив которого дрался за день до отъезда, отделилась тень коренастого человека. Мгновенно приняв боксерскую стойку, услышал:

– Спокойно, Белоснежка, это я.

Лунный свет скользнул по солидной плечи, с непослушно (сродни характеру обладателя) торчащими остатками редких волос. Лицо, покрытое щетиной, со сросшимися густыми бровями, озарилось подобием улыбки, смягчив жесткий взгляд черных глаз. Вот уж кого не ожидал первым встретить в городе детства...

– Чезаре! Что ты здесь делаешь?

– Санта Мария! Он еще спрашивает! Третий вечер тебя поджидаю. Как зачем? Предупредить – домой-то тебе нельзя. Не знаю, что ты там натворил, но разозлил их сильно, особенно коротышку. Неделю назад вломились к вам, все вверх дном перевернули, отца избили, Октавия чуть с ума не сошла... не дергайся, старик оклемался. А Октавия велела тебя предупредить. Почему меня послала? Святая Розалина, ты же ничего не знаешь! Столько лет дома не был. Мы с Октавией через месяц должны венчаться. А тут такое дело! Какое, какое? Тебя спасти! Куда идем? Сейчас увидишь. Ко мне, сам пони-

маешь, тоже нельзя — эти молодчики хорошо научились искать... Все, пришли.

Сын булочника Донато Гоцци почти не изменился за эти годы — лишь раздался в объемах и лицом подрумянился около горячей печи, сродни своим булочкам. Войдя внутрь, Чезаре коротко обнял «недруга» детства.

— Дай взглянуть на тебя, чемпион! Как мы тобой гордились, как восхищались, радуясь — хоть одному удалось выбиться в люди.

— Дрался ты всегда хорошо, — Донато похлопал Антонио по плечу. — Отец и Октавия придут утром, надеюсь, эти мерзавцы не догадаются пустить слежку за ветераном войны...

Проводив Чезаре, освещенный пламенем горящих в печи поленьев в полуподвале семейной пекарни, Антонио третий час слушал рассказы словоохотливого булочника о Монтефьясконе, о знакомых и о сестрах, шестеро из которых успели выйти замуж.

— Вот только мужья твоим гномихам (прости, детская привычка) достались все разные. Нет, я не в том смысле, — перекидывая шарик вязкого теста из ладони в ладонь, Донато застенчиво улыбнулся. — Я в политическом. У одной — чиновник в Милане, у другой — один из фашистских заправил, у третьей — социалист... А у Лукреции — сродни Чезаре. Как?! Ты не знаешь, чем занимается Чезаре? Скажу одно: в семье дона Кало он не последний человек. Про дона Кало, думаю, тебе известно. И это все. Как у нас говорят: кто не молчит, тот должен умереть.

«Странно, отчего ты еще жив», — подумал Антонио, вслух спросив:

– И что из того? Разве это мешает сестрам оставаться родными людьми?

– Причем здесь сестры? Они теперь замужние señоры, а если их мужья соберутся за одним столом – все! Гражданская война! Люди, Антонио, в последнее время очень изменились, порой не знаешь, чего и ждать. Утром он тебе улыбается, днем пишет донос, а вечером в твою дверь стучат доблестные сторонники дуче, которых я ненавижу больше, чем их ненавидит Чезаре, отца которого расстреляли в конце двадцатых. Почему? Видишь ли... и мой отец, и дед с прадедом, все мои предки пекли хлеб. И я продолжил это, не самое последнее занятие на земле. Я замешиваю тесто, добавляю муку, яйца, специи и выкладываю, – он с любовью посмотрел на очередной комок сырого теста, – эту смесь на противень, хорошо смазанный оливковым маслом. Но я не об этом. Дальше это отправляю в печь, в которой и пекутся все эти булочки, крендельки, но... ни разу, слышишь, никогда в жизни у меня не получалось испечь две одинаковые булочки. И дело не в том, что они выходят разные по форме, хотя каждую катаю в ладонях по три-четыре раза – так меня учил отец, эти движения у меня в крови, по-другому не умею. Нет, дело не в этом! Они получаются разные по вкусу. Это невозможно, но это так. Не знаю, почему. То ли в противоположных концах печи жар распространяется по-разному, то ли плохо перемешиваю тесто, не знаю... Так это булочки, Антонио! А люди?! Не могут люди быть одинаковыми. Бог всех создал разными. А они?! Они решили поставить себя выше Бога и приказывают всем встать в одну связку! Фалангисты!

Представляешь – приказывают! – всем стать одинаковыми. Как оловянные солдатики...

Последний противень с обсыпанными кунжутом булочками Донато отправил в печь на рассвете. Утром к его магазинчику начнут стекаться покупатели, экспрессивно жестикулируя, обсуждая последние новости, селясь на дороговизну и невозможность жить в этой прекрасной стране... И в это же время Антонио будет пытаться заснуть в комнатке на верхнем этаже, вздрагивая от еженощно повторяющегося в последние недели видения-сна, в котором он спешит к месту трагедии, чудом увернувшись от несущейся кареты «скорой помощи», вынужденный наблюдать издалека, как незнакомый мужчина проводит сквозь толпу, вздрагивающую в судорогах, любовь всей его жизни, отворачивая голову молодой женщины в сторону от распростертого на мостовой мужа...

Правильно говорят: первая, бессознательным импульсом промелькнувшая в голове мысль и является верной. Предчувствие встроено в человека, как и внутренние часы, но люди, проживая свою жизнь в трехмерном пространстве, не имеют возможности расшифровывать «вспышку» внезапно открывшейся информации, которая всегда привязана к конкретному месту и существованию сама по себе вне времени и срока исполнения.

Когда восемь лет назад, познакомившись с Брауном-младшим на этом самом месте, Антонио опасался – не свела ли его жизнь с мафией, он и представить не мог, насколько верным оказалось предчувствие, на восемь лет опередившее предначертанное судьбой. Как говорится: никогда не знаешь – где найдешь, где потеряешь. Кто бы

знал в далеком двадцать шестом, что именно Чезаре (далеко не рядовой член Семьи) поможет выскользнуть из сжимающихся объятий сеньора Орсини. Велев прийти будущему *il cognato*¹⁷ на встречу с нужным человеком в кафедральный собор к вечерней службе, угрюмо улыбнувшись, развеял сомнения: в церковь они не сунутся, а у Гоцци встречаться опасно – к нему ходят постоянные клиенты, и новые лица всегда вызывают, если не подозрения, то вопросы.

Сторонясь людей, прижимаясь к шершавой кладке серых домов, поднимался по узенькой улочке, опасаясь любого звука, шороха. Выйдя к крепостной стене полуразрушенного папского замка, оглянулся, обогнул башню пилигримов... хвала святой Розалине, дошел.

Прихожан в церкви было немного, оно и понятно: служба не воскресная, не праздничная. Сняв кепку, внутренне съежившись, опустив глаза, встал у дальней колонны – отсюда хорошо просматривалось внутреннее пространство. И выход рядом, на всякий случай... Мягкое мерцание свечей, торжественная тишина и прохлада, тонуший в гулком эхе огромного купола монотонный голос священника успокоили. Осмотревшись, грустно покачал головой: здесь все незыблемо – те же святые на пьедесталах, Спаситель с Девой Марией парят в облаках расписного плафона, но что-то не так. То ли собор утратил производимое на него в детстве величие, то ли изваяния потяжелели, то ли... Антонио улыбнулся: святость ушла. Нет, не из собора. Из него.

¹⁷ *Il cognato* (итал.) – шурин, брат жены.

– Присаживайся, сын мой, – голос прозвучал глухо, но отчетливо и властно, – мы постараемся решить твою проблему.

В переправе опального чемпиона приняло участие большое количество разных людей. Невозможность выйти из города по причине перекрытых дорог подсказала единственно верный путь – через озеро Больсена, а дальше, по хорошо известным контрабандистам тропам, к морю и на Сицилию, где еще можно было укрыться от вездесущих ищеек великого дуче.

Больше месяца потребовалось Антонио, скрытно передвигаясь по родной стране, чтобы добраться до острова. Но и здесь ждала неудача. Новая волна репрессий, направленная не столько на борьбу с мафией, сколько на показушную заботу новой власти о благе народа, прокатилась по Италии, не оставив в стороне и родину Cosa Nostra¹⁸. Аресты, пытки и казни прошли по всему острову. Но, верные слову, члены преступного сообщества успели переправить порученного им беглеца на Корсику. В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое ноября одна тысяча девятьсот тридцать четвертого года Антонио Кавалли навсегда покинул родную страну, вынужденно став изгнанником...

* * *

Конечно, события, происходящие в соседней Испании, не были случайными. Как не были случайными ни одна война и революция, как не был случайным приход к власти коммунистов в России и фашистов в Италии, а затем в Германии... Как вообще никогда, ничего

¹⁸ Cosa Nostra (итал.) – «Наше дело», сицилийская преступная организация.

не происходило случайного на этой Планете, находящейся под неусыпным контролем Того, Кого смертные прозвали Богом, наградив разными именами, умудрившись разделить дарованное свыше Единое Знание (так и не понятое и непознанное) на непримиримые религии и конфессии, втиснув в формально отличающиеся друг от друга вероисповедания.

Собрав вокруг дощатого стола группу из двенадцати человек, инструктор максимально подробно пытался познакомить молодых парней и девушек с образцами передовой инженерной мысли, направленной на уничтожение людьми себе подобных. Задание казалось обыденным, если так вообще можно сказать о выполнении приказа, связанного с опасностью и риском. Но когда за твоими плечами десяток взорванных железнодорожных и шоссейных мостов, то даже рейд во вражеский тыл превращается просто в работу. Сложную, опасную, но работу, к которой, правда, надо относиться внимательно и ответственно, потому как цена ошибки в этой «работе» высока и порой может стоить жизни тебе или твоим товарищам.

— Вот, вкратце, и все, что вам необходимо знать о минах и их применении, — убирая со стола подрывную машинку и детонирующий шнур, Вальтер (доброволец из Германии, почему-то плохо говорящий по-немецки) внимательно посмотрел на молодых бойцов.

— Если с этим понятно, перейдем к главному. Через два дня выступаем к Брунето. Цель — разрушить коммуникации противника, отрезав путь на север, и подготовить наше наступление. Задача — углубиться в тыл на двадцать — двадцать пять километров. Базой будет

служить заброшенная ферма, это здесь, – плотный, как нарост, ноготь подчеркнул на карте небольшой черный кружок, оставив после себя тонкую вмятину, – ваша задача – наблюдать. Если хотите выполнить задание и вернуться живыми – никаких вылазок, никаких нападений в радиусе пятнадцати километров не производить. Действовать строго по моему приказу. И еще: все передвижения только в темное время суток. Даже если на десяти километрах никого нет, это не значи

* * *

Два часа назад они взорвали железнодорожный мост, пустив под откос эшелон с техникой, и сейчас группа из шести измотанных, но довольных бойцов возвращалась на безопасную ферму. Вдыхая горячую пыль проселочной дороги, Антонио устало размышлял о нещадно палящем солнце.

Нет, понятно, земля везде разная: где-то плодородная, где-то скалы, где-то песок или глина. Так ее Бог создал: и это нормально, то-то и оно, как говорил Гарик. Но солнце! Вроде и небо, и солнце должно быть одинаково, а выходит – нет. В Италии небо голубое, солнце ласковое, как родной язык. Светит, будто мелодию напевает. А здесь! Небо синее, солнце жаркое, красное, как плащ тореадора, и жесткое. А сейчас, в разгар июля, просто невыносимо. Печет, словно задалось целью испепелить враждующие стороны и покончить с войной – этим безумием, несущим смерть, разрушения, беды и несчастья всему живому.

Впереди замаячили домики небольшого селения. Издали они выглядели аккуратно расставленными белы-

ми кубиками, с возвышающейся в центре средневековой серой часовней. Еще немного – и покажется ферма...

Снаряд разорвался внезапно, оглушив, заставив бросить уставшее тело в горячую альфа – высокую придорожную траву, присыпав комьями взметнувшейся красной земли. Говорил Вальтер – передвигаться в темноте... Вот это – непрофессионализм и отсутствие дисциплины – выводили больше всего.

Несколько месяцев назад Антонио узнал о кончине отца, посаженного в тюрьму стараниями мелкого ублюдка, не простившего полученную в Сорренто оплеуху. Всю жизнь отец вызывал в сыне раздражение и брезгливую неприязнь. Но, получив известие о смерти, Антонио ощутил запоздалое раскаяние, любовью и отчаянной тоской наполнившее сердце. Не презрение и стыд за вечно пьяного отца, которые испытывал он все эти годы, а жалость и бессильную досаду из-за невозможности помочь родному человеку, перемешанные с растущей ненавистью к пославшим на никому не нужную войну сильного, жизнерадостного человека, вернувшегося оттуда инвалидом. Сжигающее изнутри чувство отмщения нашло выход в призыве, облетевшем полмира: *No pasaran!*¹⁹ Эти два слова стали девизом борьбы с фашизмом, злом и несправедливостью, насилием и порабощением. Так он попал в двенадцатую интербригаду под командованием Мате Залка.

После первого разрыва последовал второй, третий... Значит, не случайно, значит – засекли. И теперь их

¹⁹ *No pasaran* (исп.) – они не пройдут. Политический лозунг республиканцев в годы гражданской войны в Испании

спасение в том городке, где можно укрыться за стенами «игрушечных» домиков... Хорошие вы ребята, товарищи социалисты, но анархия ваша... мать порядка. Доигрались. Не могли дождаться сумерек, как приказывал Вальтер...

Мысли оборвала острая боль, «вилкой» воткнувшись в бок. Коснувшись рукой разорванной куртки, ощутил скользящие по ладони кишки, с наивным удивлением подумав: это не со мной, этого не может произойти со мной... и потерял сознание.

Глава двадцать седьмая

Встреча

– Любая война начинается, прежде всего, с целью захватить и разделить чужую собственность. Но так как собственность, по определению, не может принадлежать никому (ибо все люди смертны и Туда не смогут взять с собой даже пуговицу), значит, собственность принадлежит всем и собственностью не является по определению. Выходит, и войны, затеваемые ради передела общей собственности, есть жесточайшая глупость, которую только смогло придумать человечество.

– Ты, отец Рикардо, вредную агитацию брось! Мы знаем, за что воюем.

– И за что ты воюешь, сын мой?

– Во-первых, я тебе не сын, и в твоего бога не верю. Во-вторых, воюю я за справедливость.

– Бог – не собственность, Он не мой, Бог – общий. Что до справедливости... Ваши противники тоже воюют за справедливость.

– Наши противники. Лучше скажи – твои друзья! Ты прав, скорее всего, они убеждены в своей справедливости. Только справедливость в их понимании – обобрать трудовой народ до последней нитки, лишить его всего. Но мы не рабы! За это и воюем, за это и умрем.

– Но ведь и вы, в случае победы, не оставите собственность в руках донов и вредоносных католиков, как ты называешь моих братьев?

– Ты, наверное, не слышал, но один великий человек сказал: грабь награбленное! Как же не отнять у кровопийцы отобранное им у большинства, и не вернуть все это народу? Тогда и наступит справедливость.

– Зачем отогнал от меня ты слепней и гнус? Эти уже напились и отдыхают, а сейчас прилетят голодные, и вновь будут пить мою кровь...

– И к чему ты это сказал?

– Это притча... Сколько человеку ни давай, все ему мало, это с одной стороны, но и сколько «паразитов» ни уничтожай – появятся новые. Ты за бедных воюешь, а я молюсь за несчастную Испанию. Молюсь, чтобы хоть на короткое время перевелся в моей стране гнус.

– Страна, отец Рикардо, из людей состоит. И большинство из них – бедняки.

– Так-то оно так, только Иисус говорил: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

– Предлагаешь примириться с Франко?

– Нельзя соединить разбившееся. Разрезанное яблоко целым не станет. Но ненависть в душе приведет лишь к большему разрушению.

– Так что ты предлагаешь?

– Я молюсь. За мир в ваших душах. Если яблоко невозможно склеить, то стоит попробовать вырастить новое. Какой плод получится: горький, пропитанный кровью и жестокостью, несъедобный, так сказать, или...

– Подожди! Ты предлагаешь мне растить с националистами общий сад?

– А ты предлагаешь вырубить все сады под корень?

– Ну, их «сад» точно надо вырубить, чтоб и следа не осталось...

Антонио лежал на соломенном топчане в прохладе старинной церкви. Его, наспех перевязав, занесли сюда несколько часов назад, после того, как внезапно (практически ниоткуда) появившийся в синем небе И-16, ласково прозванный «Ишачок», жужжащим шмелем стремительно атаковал обстреливающую их батарею, позволив отряду прорваться к городку. Из-за большой потери крови голова кружилась, в теле ощущалась слабость и противно подташнивало. Разговор подрывника Фернандо с местным священником мешал сосредоточиться на чем-то важном, на том, ради чего он жил все это время, ради чего дрался в детстве и на ринге, ради чего пошел воевать... Это важное постоянно ускользало от него, готовое теперь открыться, так же, как готова открыться белоснежная дверь, любезно «приглашая» зайти туда, где он все поймет, где все станет просто и доступно... Но эти двое мешали сосредоточиться, освободить от ненужных мыслей тяжелую голову, с тем, чтобы понять... что понять? Ради чего родился на свет Антонио Кавалли? И почему его жизнь была так трудна и нелепа?

– Христос сказал: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас.

– Ты предлагаешь мне любить бомбивших наши города? Благословлять насилующих наших жен и убивающих детей? Зачем мне такой бог, если его любовь призывает к насилию?

– Сын мой, в тебе тоже живет любовь, но сейчас ты очень устал и спрятал ее глубоко, закрыв свое сердце...

– А твое сердце открыто? Тогда почему, если церковь с открытым сердцем призывает к любви, те, которым вы помогаете, сеют зло? Почему они подняли пуч против республики, значит, против народа? Не знаешь, вот и не проповедуй.

– Я не проповедую, я пытаюсь рассуждать, чтобы ты услышал меня.

– А разрывы снарядов, которые покалечили их, – Фернандо ткнул пальцем в сторону раненых, – ты слышал? Это тоже голос твоего любящего бога?

– Это голос ненависти, которая сейчас говорит во многих, в том числе и в тебе. Но придет время, и вы поймете – только любовь и созидание смогут спасти эту страну. И, поверь, это случится, ибо нет на земле жизни без любви.

Он очнулся от прикосновения влажной салфетки, которой пожилая монахиня смачивала слипшиеся, потрескавшиеся губы.

Пить, дайте пить, ради всего святого, пить.

В животе все горело, казалось, кишки накручивают на висящий над костром вертел, который можно потушить одной кружкой воды. Простой воды, которую он

так часто пил, не ценя ее сладкий вкус... Ну, что вам стоит, дайте пить.

– Потерпи, нельзя. Даже один глоток убьет тебя.

Женщина отвела руку от сжимающихся, лихорадочно ищущих влажную салфетку губ, горестно прекрестив. Не жилец. Ему операция нужна, иначе до утра не дотянет. А кто ее сделает?

* * *

Советник, остановившись на пороге, внимательно осмотрел комнату по часовой стрелке, коротко представившись полковнику Касадо. В штаб он прибыл с одной целью:

– Пора, товарищ Касадо, пора переходить в наступление, иначе с флангов ударит подоспевшая на выручку пятая наваррская бригада.

Касадо медлил.

– Не могу, понимаешь, не могу я сейчас начать атаку. У меня нет ни одного свежего полка. Да что там полка? Роты целой нет! С таким настроением они, скорее, побегут от, а не на врага. Подожди до завтра. Бойцы отдохнут, приведут себя в порядок.

– Да нельзя ждать – франкисты успеют перебросить резерв.

– Не могу!

Махнув рукой, советник вышел из здания, сел в неказистую машину, зло бросив шоферу:

– В двенадцатую.

– Простите, вы едете в двенадцатую интербригаду?

– В чем дело? Вы кто?

– Военврач Третья... простите, Хосе Диас, медик. Прикомандирован к двенадцатой бригаде, но добратся

до нее никак не получается, – долговязый парень стеснительно улыбался, сверкая отблеском солнечных лучиков в толстых диоптриях круглых очков, – ну, так как, подбросите?

– Что ж, камрад Хосе Диас, столь чисто говорящий по-русски, садитесь, только быстро, времени в обрез.

Трясаясь на пыльных ухабах, они всматривались вдаль, где вражеская батарея обстреливала ведущую к небольшому населенному пункту дорогу. Что там может быть? На кого тратят снаряды франкисты? Вдруг, словно ниоткуда, сверху послышалось родное жужжание курносого «Ишака». Заходя на атаку, он неся на извергающие пламя пушки, целенаправленно уничтожая живую силу.

– Какой молодец! Значит, там кому-то нужна помощь, и очень срочно.

В двенадцатой бригаде медлить не стали. Запросив разрешения у командира шестьдесят девятой дивизии, Мате Залка бросил бойцов в атаку, в течение часа захватив Вильянуэва-дель-Пардильо.

– Сейчас там очень жарко, доктор. Готовы оперировать с колес, в буквальном смысле слова? Отлично. Тогда вперед.

Из средневековой часовни доносились тихие стоны. Доктор Хосе, известный на родине как Валька Третьяков, два года назад с отличием окончивший Харьковский медицинский, отдавал четкие распоряжения, обустроивая операционную на «голом месте».

– Доктор, доктор, скорее, пожалуйста! Этого парня надо спасти, во что бы то ни стало. Вы даже не представляете, какой геройский поступок он совершил, сумев

под пулями заменить взрыватель. Только благодаря ему, мы взорвали этот чертов мост.

...Белая дверь приоткрылась, ослепив еще более белым, до рези в глазах, светом. Антонио встал, осмотрелся: ни раны, ни грязных бинтов. Почему она сказала: не жалец. Я вполне здоров. Он потянулся к блестящей ручке, но дверь сама приоткрылась шире, явив за собой парящую в ярком свете зеленую тетрадь.

– Что с ним? Почему он заметался? – Фернандо бросился к раненому – Да помогите кто-нибудь! Отец Рикардо, если ваш бог существует, молитесь ему!

– Я молюсь, молюсь. Все в руках Создателя.

Пальцы нащупали под соломой знакомый переплет и Антонио, с трудом растянув губы в полуулыбке, успокоился. Дверь бесшумно затворилась...

Легкораненый Мигель, затягивая зубами узелок бинта на правой руке, пояснил:

– Это он тетрадь искал. Все время таскает ее с собой. Откроет, и смотрит. Что там нацарапано – никому не ведомо, даже ему. Непонятный язык. Правда, он ее никому и не показывал. Как кто подойдет, тут же за пазуху прятал. Нет, записей не делал, во всяком случае, ребята не замечали. Только смотрел. Может, память о ком, может... да кто его знает? Тут у каждого, копни, своя тайна. Впору на исповедь к отцу Рикардо записываться.

Советник взял из ослабевших рук Антонио тетрадь, коротко пролистав.

– Вы, любезный товарищ, делайте, что хотите, а бойца этого хоть с того света, но верните. Поговорить мне с ним надо, очень надо.

– Не мешаете, пожалуйста, и вы не путайтесь под ногами, – обратился доктор к подрывнику, – хотите помочь – прикажите кипятить воду и занавесить операционный стол.

– Святой Доминик! Вы собираетесь оперировать на алтаре?

– А что прикажете делать, святой отец?

– Но это грех! А всякий, делающий грех, есть раб греха.

– Я тебе уже говорил, отец Рикардо: мы не рабы!

– Спасти человеческую жизнь – не грех. Ничего, алтарь кровью не испугать. Попрошу всех выйти из операционной. Сестра, – обратился он к монахине, осекшись, – простите. Хотя, верно – сестра. Сможете ассистировать? Начали.

Случилось чудо или так сошлись звезды, но он выжил. Возможно, Там решили: рано ему входить в «дверь», очень постаравшись соединить события и действующих лиц в одно время, связав в один узел, имя которому Жизнь Антонио Кавалли.

Смущенно пряча в ладони тлеющую сигаретку, Фернандо вяло улыбнулся подошедшему священнику, развевая сизый дымок извиняющимся жестом.

– Видать, этого парня кто-то очень ждет. Не знаю, есть бог на свете, нет... но в одном ты прав, святой отец – жизни без любви не бывает.

Глава двадцать восьмая

Договор

Приблизившись к изголовью, Старик нежно провёл невесомой рукой по слипшимся волосам Артура.

«Я и не знал, какой он вырос большой, красивый... Я вообще ничего о вас не знал: как вы живете, что с вами происходит. Почему я так распорядился своей жизнью, откладывая все на потом: главное, думал, впереди, еще успею. А время шло, бежало, летело... Что я успел? Недолюбил, недостроил, недострадал, недожил... все не, не и не! Боялся предать других, а вышло – предал самого себя. Если бы начать все с начала...»

Некто, рассеянно смотревший в стаксис на эвакуацию с дальнего участка, встрепенулся.

– Ну, как, понравилось «кино вживую»? Не расстраивайтесь, оно мало кому нравится, но, как говорится: желание клиента – закон. А такого редкого гостя...

– Скажите, в чем моя вина? Чем я «заслужил» эти посмертные муки? Почему нельзя было все решить на земле?

– А мы сейчас где?

– Но я умер.

– Мы уже говорили об этом. Смерти нет. Вы перешли в другую энергию.

– Где тоже чувствуют боль, радость, страх... любовь?

– Не знаю. Я ничего не чувствую, а до вас никто не спрашивал.

– Но я чувствую.

– Не морочь ему голову. Он не может не чувствовать по одной причине – его переход не состоялся. Точнее, состоялся не полностью. Неординарность нашей ситуации не только в непозволительно длительном присутствии клиента, но и в том, что он, лишившись физического тела, не избавился от души. Ну – простите! Опоздали мы отделить ваш дыхательный аппарат! Признайся, Некто, наша вина. Поэтому и таскаем с собой не дух, а не избавившуюся от земной оболочки душу, которая давно должна «сдавать экзамен». Почему так случилось – не знаю. Может быть, вы недоучили некий важный урок. Какой – нам знать не положено.

– Или не исполнили своего предназначения.

Напарник внимательно посмотрел на Старика, утвердительно закивав головой: возможно, почему бы и нет? Вполне допустимо предположить перенос запланированного предназначения на постэвакуационный период. Редко, но это случалось, особенно с такими, как Старик. Праведник... Вот почему он смог увидеть отражение Некто в обломках витрин...

Возведенная «стена», не позволившая Некто прочитать мысли Напарника, удивила. Но, в конце концов, каждый из нас изредка волен «закрыться».

– Господа, как принято говорить на этой территории, мы злоупотребляем гостеприимством хозяев. Вы просили показать историю семьи, вы ее увидели. Далее растягивать местное время небезопасно: возможны осложнения у других клиентов. Поэтому, дорогой друг, вам решать: платок или удушающие рыдания.

– А если бы меня здесь не было?

– Но вы есть. И после всего случившегося – это ваша прямая обязанность.

– Выходит, вы на себя такую обязанность брать не желаете?

Некто помедлил с ответом, взвешивая все «за» и «против».

– У вас сложилось не совсем верное представление о нашей деятельности. Конечно, количество живых существ, переходящих грань, так сказать, одномоментно, довольно велико. Но это наша работа, она проста и обыденна. Давно, по вашим меркам, когда мы только начинали, Кодекс эвакуатора состоял всего из двенадцати пунктов – инструкций оказания помощи живому существу при расставании с человеческой оболочкой. Это понятно? Да, примерно, как вы расстаетесь со старым костюмом. Человеческое тело сконструировано, мягко говоря, не идеально. Задача, которая ставилась перед вами, заключалась не в достижении долговечной жизни (Вселенная вообще не вечна, хотя очень стремится к этому), а в приобретении опыта. Опыта, который невозможно получить без боли и страданий... Пока ребенок не почувствует на своей нежной коже боль от ожога, пока не получит личный опыт, никакие увещевания не научат его обходить стороной «кипящий самовар». Не обожги он ладошку, не познай боль через опыт – следующий раз, глядишь, сварится в кипятке целиком. А так, опыт есть: пожертвовав малым – сохранили целое. То же и с человечеством... Вы постоянно задаетесь наивными вопросами: почему люди болеют, отчего землю сотрясают катаклизмы. Ответ, как всегда, лежит на поверхности: он в вас, точнее, в заложенной в вас программе, но вы его не

видите. Как без всего этого заставить людей получать опыт? Вы проклинаете небеса за посланные испытания, при этом не замечаете милости и мудрости Вселенной: в разные времена она и страдания посылает разной тяжести. Чем они измеряется? Разными эквивалентами, но, в основном, количеством не выучивших уроков. Мало на земле «двоечников» – учитесь через чуму, много – через СПИД. Скопились «недоучки» в одном месте – землетрясение или цунами.

– Содом и Гоморра?

– А как иначе обуздать похотливое племя?

– И в чем опыт, если сегодня полмира этим занимается? Мало того – считают такие отношения эталоном, узаконивая отношения через церковь?

– Церковь и религия – ваше «изобретение». Мы к этому отношения не имеем. А опыт? Хотя бы в том, что на три тысячи лет человечество получило «прививку», срок годности которой, к сожалению, как любого лекарства, истекает.

– Допустим. Но как быть с войнами, охватывающими полмира?

– Бывают периоды, когда скопление вернувшихся «двоечников» превышает критическую массу... Недоучившиеся в семнадцатом, в массе своей вернувшиеся за сверхкороткий период, в сороковых получили холокост, прокатившийся по всему свету.

– И Бог это терпит?

– Прошу уточнить, кого вы имеете в виду: Христа, Аллаха, Кришну, Будду? Или, может быть, вы спросили о шумеро-аккадской мифологии или шаманизме африканских бушменов? Человечество обожествило учеников

Бога, написав от их имен выгодные для себя учения, назвав их сынами Бога. Но Бог настолько многогранен, таинственен, загадочен, непонятен... человеческий мозг элементарно не в силах Его постичь, поэтому Его никто и не видел. Но представлять Непостижимого как-то надо? Вот вы и «додумались» – Бог создал человека по Своему образу и подобию. С тех пор ваши художники как только ни изображали Того, о Ком ни понятия, ни представления не имели. Но отчего люди столь разные? По чьему образу и подобию создан европейский тип, а по чьему – африканец? Как соотнести с вашей теорией наличие рас на земле? Или Бог – китаец? Но и здесь изворотливый ум человека нашел выход: у каждого народа появился свой бог. А как только люди начинают молиться разным богам, как только появляются «два хозяина», тут же начинается выяснение: чей Бог выше, главнее, древнее, мудрее и так далее. Порой, было забавно наблюдать, как люди, сами того не понимая, славя одно и то же Явление, с вожделением и, как там у вас говорится? – в религиозном экстазе, уничтожали себе подобных. И никому не пришла в голову элементарная мысль: может быть, это вы нафантазировали бога по своему образу и подобию, наделив его человеческими слабостями и страстями? Иначе, как объяснить в изображении ваших богов сходство с той или иной расой, тем или иным народом? Согласитесь, Будда совсем не похож на Христа, тогда как изображений Аллаха, по канонам Ислама, вовсе не существует: «Я не похож на свои творения, – говорится в Коране, – Всевышний создал мир, и человеку это достаточно знать. Каким бы человек ни представлял Его себе – Он не такой». Все религии говорят об од-

ном Боге, разделив его на себе удобных... Так что, спрашивая о Боге, не забывайте: все происходящее здесь – ваш выбор. Это вы решили выучить тот или иной урок именно таким способом, который, по вашему глубокому убеждению, вам посылает «Бог»...

Некто выдохнул. Напарник никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. Это не свойственно нам. В нем проснулась человеческая эмоция, он, как это называется у них – «заговорил сердцем»... И всему виной Старик. Да кто он такой, если имеет столь огромное влияние на эвакуатора, зоны лет бесстрастно выполняющего свою работу? И как это возможно?!

Напарник испугался своих мыслей: вместо холодных рассуждений, он ощутил не испытываемое до сих пор чувство досады и раздражения.

– К чему я все это рассказал? А к тому, что у нас – эвакуаторов, нет права выбора. Мы – помощники. И помогаем только тому, кто нуждается в нашей помощи. В предыдущий раз им оказался лежащий в соседней комнате Артур. Но, так как произошло это не без вашего участия, мы вернули ситуацию вспять (опять же по вашей просьбе), и теперь именно вам решать: платок или удушье.

– У них была кошка.

– Кошка? Верно, была, но причем здесь милая тварь?

– Где она?

– Вам назвать точное местонахождение полуистлевших останков Мурки?

– Умерла?

– Сказать по правде, не знаю. У кошек свои эвакуаторы. Почему спросили?

– Вы когда-нибудь читали книгу?

– Смеетесь?

– Хорошо, смотрели фильм?

– Мы тянем кота за хвост?

– Позвольте, теперь я кое-что объясню. Когда отнимают прочитанную не до конца книгу или прерывают показ захватывающего фильма, возникает чувство незаконченности. Это я про урок. Кто знает, возможно, досмотреть «кино вживую» и есть часть моего урока, моего предназначения?

– Хм... возможно, возможно. В этом мире все возможно. Правда, не все это понимают... Но при чем здесь кошка?

– Хочется понять, отчего она убежала.

* * *

С каждым днем крики чаек раздавались все реже, ветер крепчал, а температура за бортом опускалась ниже нулевой отметки: капитан, опасаясь рыскающих в Атлантике немецких субмарин, прокладывал курс, углубляясь в северные широты. Волны заливали «ныряющий» нос судна, оставляя размытые соляные следы на корпусе, тонкими сосульками свисая с лееров, затрудняя передвижение по скользкой палубе.

Еремич чувствовал себя скверно. Ни холод, который он переносил болезненно, покрываясь экземой, ни стесненные «бытовые» условия на неприспособленном к перевозке пассажиров грузовом корабле (за годы службы привык ко всему) – другое заставляло нервничать. Он не мог понять ситуацию, в которую попал, не имел возмож-

ности просчитать, откуда грозит опасность, находясь в пугающей неизвестности, которой, как давно замечено, человек боится больше всего на свете. Именно неясность происходящего поселяет в душе страх, перерастающий в панику, влекущую полную потерю контроля над собой.

– Доктор, как наш испанский пациент?

– Очень слаб. Операцию, как я понял, делали в непростых условиях?

– В вызывающе неприспособленных.

Несколько дней назад наступление захлебнулось, наткнувшись на ожесточенное, хорошо организованное сопротивление профессионально подготовленных соединений генерала Франко. Но республиканцы в этот раз отступали слаженно и грамотно, оставляя в арьергарде проверенные, опытные части, благодаря чему потери несли минимальные. Именно поэтому Антонио сумели вывезти в Мадрид, оттуда – в Барселону, где, по приказу старшего майора НКВД Андрея Антоновича Еремича, погрузили на одно из доставивших «гуманитарную помощь» судов, для переправки в Советскую Россию.

– Мне поговорить с ним надо.

– Поговорите, конечно, поговорите, но, сдастся мне, он вас не поймет.

– Я знаю язык.

– Я не об этом. В таком состоянии человеку ближе пение ангелов, нежели родная речь, – немолодой доктор осекся, – простите... попробуйте, поговорите, только коротко – очень слаб. Не смею вам мешать.

Семь дней назад лежащему на соломенном тюфяке в средневековой часовне Антонио казалось – его преследует наваждение, галлюцинация, вызванная нестерпимой

болью и жаждой. Но он ошибся... У изголовья узкой койки в корабельном лазарете стоял человек, лицо которого он узнал бы из тысячи. Почему сейчас он оказался здесь? Куда его везут? Вопросы роились, не находя ответа. Но больше вопросов теряющего силы смертельно раненого бойца интернациональной бригады беспокоило иное: как он мог потерять единственную вещь, связывающую его с Марией.

– Ты слышишь меня, парень? Ответь только на один вопрос: где ты это взял? – Еремич держал тетрадь перед собой, как престарелые родители держат икону, застав засидевшуюся в девках невесту наедине с «женихом», с намерением, во что бы то ни стало, благословить молодых. – Где?!

...Сразу после боя, прочитав пару страниц из «заветной» тетради, Андрей впал в ступор. Это чья-то шутка? Или провокация? Меня отправили в Испанию, где решили подложить «улику из прошлого» и разоблачить? А как они могли просчитать встречу с этим парнем и его ранение? Или все подстроено? Но зачем разыгрывать такую сложную комбинацию, когда все намного проще можно было решить в Москве. Или они рассчитывали на мою геройскую гибель? Абсурд!

Успокоившись, собравшись с мыслями, ночью прочитал «от корки до корки». На второй странице спина покрылась холодным потом: в его руках – дневник жены. Не может быть. Я точно видел именно эту тетрадь, вложенную в «Il Popolo d'Italia» – загиб верхнего уголка обложки, характерная «сползшая» нижняя скрепка... Но как? И почему, даже если это дневник Марии, он попал в руки итальянца, оказавшегося в испанском селе в одно

время со мной? Выходит, эта тетрадь не имеет к Горькому никакого отношения? Тогда, где дневник пролетарского писателя... и что Николай передал мне, а я – Орсини?

Голова раскалывалась, не находя ответов на массу вопросов, но смутная догадка уже промелькнула в возбужденном мозгу...

Противно закрипело «облизанное» солью железо: вернувшись, врач впустил в каюту свежий морской ветер вместе с обрывками матросских фраз.

– Простите, дальнейший разговор может иметь нежелательные последствия.

– Обезболивающее даете?

– А как вы думаете? Без него он бы орал громче сирен. Даем. И обезболивающее, и рану обрабатываем... да толку. Мой кубрик не приспособлен к таким случаям: у него нагноение началось – классическое протекание ранения брюшной полости на пятые-седьмые сутки. В госпиталь надо, а до Мурманска еще... Не дотянет.

– А вы постарайтесь. Дело государственной важности. Вполне возможно, парень этот совсем не тот, за кого себя выдает.

– Но... простите, говорят, спас весь отряд.

– Спас-то спас, но есть сомнение.

Вечно у вас сомнения. В восемнадцатом насчет меня тоже сомневались...

Валерий Алексеевич не любил вспоминать эту историю: противно от нее становилось на душе и страшно. Липким потом ладошки покрывались... В феврале восемнадцатого пьяная матросня устроила в Севастополе бессмысленный по жестокости террор, в жернова кото-

рого попал и он – молодой врач в чине мичмана черноморского флота. Его и еще человек двадцать морских офицеров погнали из тюрьмы к Карантинной балке, где и «поставили к стенке». И расстреляли всех без суда и следствия... Ему повезло. Один из заводил бравой расстрельной команды свалился «замертво», напугав братков до смерти.

– Кто стрелял?! – заорали, придерживая растопыренной пятерней бескозырки, рассыпавшись, что горох, по дороге.

Присмотревшись, решили – наакался мореман до чертиков. Но тот стонал, ползая на карачках – прихватило серьезно. Тогда и прозвучал первый осмысленный вопрос:

– Контра, бацилла²⁰ среди вас есть? Ну, доктор, по-вашему!

Он и отозвался... Аппендицит удалять не сложно, были бы условия. А захочешь продлить свою жизнь хотя бы на два часа и без условий справишься...

– Так вы, товарищ военврач, постарайтесь доставить пациента живым.

Через несколько дней на берег по сходням в брезентовых носилках спустили почти труп.

– Выживет?

– Происходящее с этим испанцем не поддается никаким объяснениям. Знаете, я медик, а мы, в массе своей, прагматики и циники, поэтому в чудеса не верим, но... – Валерий Алексеевич пожал плечами, – надеяться надо. Говорят: надежда умирает последней. Глупая поговорка. Я так скажу: человек до конца верит, даже, зна-

²⁰ Бацилла – на морском жаргоне санитар или фельдшер.

ете ли, когда его на расстрел ведут. Тут, как доведется, либо пуля, либо аппендицит... простите. А надежда умереть не может. Вполне возможно – выживет.

На утро третьего дня из госпиталя сообщили: парень, по документам записанный как рядовой двенадцатой интербригады, испанский коммунист Antonio Kalvo у Alonso скончался в пять часов тридцать две минуты. Ждем дальнейших распоряжений.

Какие могут быть распоряжения? Человек воевал с фашизмом за свободу своей страны, за республику.

Тут шальная мысль и мелькнула. Бред, конечно, чистой воды, но... Вложить тетрадь в пакет плотной бумаги, сургучом скрепить, приказав похоронить вместе с фальшивым Кальво у Алонсо... Нет уж, пардон. Тетрадка эта никому другому в руки попасть не должна, так что...

– Похороните, как героя, с положенными почестями.

* * *

Практически всю дорогу до Ленинграда (добился перевода два года назад: Мария категорически отказалась ходить по московским улицам – тюрьмой пахнет) просидел в вагоне-ресторане, «прокручивая» предстоящий разговор с женой. Она обвиняет меня в сговоре с Орсини. Но это она нарушила задание, подслушав ночной разговор. Хорошо, я скрыл от нее знание языка. Поэтому я предатель? Не все надо знать агенту. Может, передача тетради была частью плана... так она и не видела, передал я тетрадь, не передал. Стоп! Тогда почему мы разыгрывали спектакль «двух актеров» на Лубянке? Чтобы выжить. И это у нас получилось. Выходит, ей не в чем меня обвинить. Да и какой смысл, столько лет про-

шло. К тому же, протоколы ее допросов подшиты к делу. Нет, ей совершенно не выгодно мое «разоблачение». А тетрадь... товарищи, вы ее вначале найдите...

Чем ближе подъезжали к Ленинграду, тем увереннее чувствовал свою правоту старший майор НКВД, убедив себя: все хорошо, никто ни в чем меня не обвиняет. Через два часа приеду, обниму жену, сына... Мальчик с сияющими, чистыми глазами являл собой магнитик счастья. Для него он жил все эти годы, ради него готовый на все.

В приподнятом настроении Андрей Антонович ступил на перрон.

Слежку заметил поздно. Подходя к своему подъезду, машинально отметил стоящую за углом эмку с «родными» номерами. Странно. В стеклянной двери подъезда отобразились двое, непринужденно «читающие газету» напротив.

Ведите его от вокзала. Выясните, с кем встретится, куда направится.

Вот и кончилась неизвестность — словно гора с плеч свалилась. Значит, все-таки Мария... зря витал в облаках. Не видать мне красивой жизни, не заслужил...

С соседкой, оробевши-окаменевшей, столкнулся в парадной.

— Андрей Антонович, как же так... Машу вчера увезли... и Борю...

В растерянности пожилая женщина вышла из подъезда, преградив дорогу спешащим «товарищам».

Если Машу взяли, значит, не она... Боря! Где он, как им помочь?

За сорок секунд надо было принять верное (возможно – главное) решение своей жизни. Без суеты вытащил из портфеля тетрадь (взяли вчера, значит, обыск уже был), по ходу опустил в свой почтовый ящик и, не торопясь, зашагал по ступенькам.

Запыхавшись (чертова старуха, раскорячилась перед дверью), двое энергично вошли в подъезд. Окликнув, поздоровались корректно, предложив пройти в машину. Не грубо, но настойчиво. Не откажешь.

Глава двадцать девятая

Семья

– Понимаешь, он рисует... и рисует очень хорошо...

Огромная, она сидела на краешке жесткого стула, вытянувшись по стойке «смирно», придерживая двумя руками покоящуюся на мягких коленях потертую коричневую сумку с растрескавшимися от времени ручками. Склонив некрасивую голову на бок, Галина Пантелеевна робко, с мольбой смотрела на брата – человека важного и, по всем статьям, достойного.

Вениамин Пантелеевич Степанов, брат Голиафа, занимал самую большую комнату в коммунальной квартире в Львином переулке, что между улицей Декабристов и Грибоедовским каналом. Проживали в ней, в основном, деятели искусства: актеры, балетные, хористы. Одну из комнат занимала неприветливая Нина Речная – бутафор недавно открывшегося театра имени Ленсовета, которую жители сразу прозвали Заречной. Напротив ее комнаты жил общительный милиционер Васильев. Была, как водится, и пустующая жилплощадь, на чьи квадрат-

ные метры заглядывались соседи, по причине находящегося в разъездах хозяина – геолога Алексея Нечастого, своей фамилией прямо подтверждающего редкое присутствие в городе на Неве.

Сумрачное логово работников искусств мало чем отличалась от других коммунальных гнезд: здесь так же скандалили, подслушивали под дверь, устраивали утреннюю ругань по поводу «засиживания» в уборной, выясняли отношения на счет не выключенных лампочек в местах общего пользования, одним словом – всё как у всех. С одной лишь разницей – скандалили по-театральному: страстно, заламывая руки, вращая налитыми кровью глазами, швыряя в оппонента тексты недавно сыгранных ролей, произнесенные теми же фальшиво-сценическими интонациями. Из-за этих художественных скандалов Илья Закулисный прозвал квартиру на двенадцать семей «чертовой дюжиной».

Закулисный – псевдоним, который много лет назад приехавшему покорять столичную сцену молодому актеру из провинции посоветовал взять трагик драматических театров Иван Загибайлов.

– Ты, брат, юноша талантливый, но с такой фамилией – Блинов! – далеко не уедешь. Нужен псевдоним. Какой, какой? Ну... хотя бы – Закулисный. Сравни, – Иван Никифорович подошел к суфлерской будке, съел и произнес тихим, бесцветным голосом интонацией умирающего Фирса из «Вишневого сада», – Илья Блинов. В первом ряду не услышат. А сейчас? – мастиный трагик откашлялся, отошел на середину сцены и, эффектно подняв правую руку над головой, пророкотал поставленным басом, – Илья, – он сделал многозначи-

тельную паузу, после чего обрушил в пустоту разверстой пасти зрительного зала новоиспеченный псевдоним, – Закулисный!

Звуковая волна прокатилась по бархатным креслам, эхом отразившись от позолоченных ярусов, прошестела хрустальными подвесками массивной люстры... повиснув звенящей тишиной. Но уже через несколько секунд из кулис начали показываться настороженные лица монтировщиков, реквизитора, перепуганных техников и, наконец, запыхавшись, явил себя техническому персоналу заспанный Петрович – бессменный пожарный храма Мельпомены.

К Вениамину Пантелеевичу в квартире относились уважительно. Служил он театральным художником в Мариинском, ныне – Кировском театре. И художник был замечательный. Бывало, и голос у певца не звучит, и дирижер не в духе, и оркестрант «со вчерашнего», а поднимется занавес – и всё встанет на свои места. Умел Венья Репин (лестное прозвище получил после реалистично написанных ликов на хоругвях к «Царской невесте») создать атмосферу правдивую, дышащую играемой эпохой, позволяющую актеру беспрекословно поверить «в предлагаемые обстоятельства».

– Рисует, говоришь? Это хорошо, что рисует... Да кто сейчас не рисует?

Неторопливо вкушая куриный бульон серебряной ложкой (не реквизировали, не сумели голодранцы отличить серебро от театральной бутафорщины), Вениамин Пантелеевич влажными, стариковскими глазами скользнул по Галине Пантелеевне поверх надетых на кончик мясистого носа очков.

– Ты почему не ешь?

– Я ем, ем... – стесняясь, она взяла алюминиевую ложку, не решаясь опустить ее в тарелку: резкие звуки могли помешать пищеварению строгого брата, – так, как быть с мальчиком?

Высокая, многие годы некрашенная дверь скрипнула (давно бы и смазал, и покрасил, но выделяться из «толпы непрощенных гостей» не мог себе позволить), впустив в комнату Наталью Аристарховну – женщину в возрасте, с длинной, как у гусыни, морщинистой шей и таким же длинным, вздернутым носиком. Внесенный ею пыхтяще-бурлящий чайник напомнил о скором окончании обеда. Через десять минут брат, кряхтя и охая, всунет пухлые руки в поданный сюртук, Наталья, по обыкновению, почистит тот щеткой, подаст портфель с завернутыми в газету бутербродами... И судьба мальчика повиснет в воздухе. А этого нельзя допустить. Она чувствовала: не сегодня-завтра нагрянут портфеленосцы, и на сей раз выговором по партийной линии ей не отделаться. А Боря? Что будет с ним? Конечно, не пропадет, но у него, она точно знала, талант, а таланту надо помогать.

– Где мальчик?

Галина оживилась. Неужели достучалась до брата? Неужели сумела исполнить порученную ей в жизни роль – спасти, помочь маленькому существу.

– Здесь, здесь он.

– Где – здесь? – Вениамин насупился, – в коридоре стоит, что ли?

– На кухне...

– Что ж ты, сестра, словно нехристь? Гостя в дом привела, и в коридоре держишь! Разве это по-людски?

– Я же без предупреждения...

– Предупредила, не предупредила. Сама поела, а ребенок голодный.

– Он, Вениамин Пантелеевич, на кухне супчик поел, вместе с Аглаей.

Аглаей звали пятилетнюю дочь Вениамина Пантелеевича. По метрике значилась она Глафирой, но еще совсем маленькой девочкой, на вопрос: как тебя зовут? Ответила:

– Глая, я Глая.

Вениамин Пантелеевич поддразнил ребенка, переспросив: ты злая? На что девчушка рассердилась, надула красивые алые губки и, топнув ножкой, четко произнесла:

– Я – Глая!

С тех пор родители стали звать Глафиру Аглаей. А злая она или нет – жизнь покажет.

– Вот бабы – курицы! Покормила на кухне! Сколько раз говорить – человек должен есть по-человечески. На то столовая есть. У нас она – у окна, где стол стоит. И Глашку не приучай есть с этим театральным сбродом... Веди парня!

То ли с досады на домашних, держащих его за тирана; то ли, действительно, глаза маленького Бори никого не могли оставить равнодушным; возможно, от спрятанного глубоко в душе желания иметь сына (а родилась девочка, поздно, в пятьдесят восемь, и уже ничего не поделаешь), но при виде мальчика взгляд Вениамина Пантелеевича потеплел и увлажнился.

– Ну, давайте знакомиться, молодой человек.

Боря улыбнулся. И улыбка у него открытая, искренняя, хорошая улыбка.

Старый театральный художник долго всматривался в рисунки, внимательно отмечая детали. Что в них притягивает? Пареньку и семи лет нет, а рисует...

– Кстати, сколько тебе лет?

– Восьмой год ему, Вениамин Пантелеевич.

– Я не тебя спрашиваю. С каких пор в нашей семье женщина встречается в мужской разговор? А раз молодой человек *так* (он как-то особенно выделил это «так» – у Галины мурашки по спине пробежали: бабским чутьем поняла – не пропадет Боренька, помогут ему) умеет живописать, значит, и отвечать за себя может сам. Правильно я мыслю?

– Верно. Могу. Семь лет мне. В этом году в школу идти.

– В школу? Это хорошо, хорошо, – продолжая рассматривать рисунки, задержался на портрете белобрысого паренька с породистыми, выразительно говорящими о характере своего обладателя, губами, – это очень хорошо, очень...

Размазывая слезы, гороподобная женщина, с таким же огромным, как она сама, сердцем, спешила к поезду. Ничего, не опоздает... Главное, Боренька теперь пристроен, главное – жизнь у него наладится... А она... может, все еще и обойдется... Да встретятся ли еще когда-нибудь?

* * *

В памяти Глафиры Вениаминовны те события оставили четкий, неизгладимый след, будто кто-то не-

видимый, занявшись пирографией²¹, горячим паяльником выжиг рельефный рисунок в подкорке маленькой девочки.

В тот день Вениамин Пантелеевич впервые за сорок три года опоздал в театр. Вникнув в суть проблемы, он проникся и к талантливому пареньку (пора, давно пора подумать о достойном ученике), и к сестре, которую долгие годы считал комсомолкой-горлодеркой, близко не общаясь, но и совсем двери «своего дома» не закрывая.

– Галя, так ты его усыновила? И документы в порядке? – необходимые бумаги, извлеченные из потертой сумки, лежали на столе. – Выходит, я на старости лет стал дядей?

Галина молча кивнула, закусив губу, боясь разреваться в голос, отчего быстро собралась и, порывисто обняв Бориса, чмокнув несколько раз в щеки и макушку, поспешила на вокзал.

Когда слоноподобная тетя ушла, Глашу подозвал отец. Поставив рядом с собой, показал на мальчика:

– Знакомься.

– Мы знакомы – только что суп на кухне ели.

– Не перебивай! Если говорю: знакомься, значит, на то есть причины. Это твой брат.

С той минуты всем своим девчачьим нутром она невзлюбила мальчика «с иконописными глазами». Как?! Этот чужак будет жить в их комнате? Играть с ее куклами, рисовать ее карандашами? Откуда свалился этот «братик»? Красивые губки надулись, уголки рта пополз-

²¹ Пирография – нанесение рисунка на кусок деревянной поверхности при помощи паяльника.

ли к низу, в глазах заблестели капельки праведной влаги и щеки, от рождения округлые, «легли на плечи».

Отец не позволил выплеснуться детской обиде, повелительно взглянув на дочь. Ни разу в жизни он ее не ударил, но... От его пронзительного взгляда у взрослого человека все сжималось внутри, и говорил этот взгляд красноречивее любых криков и угроз, исходящих от остальных обитателей коммунального террариума в моменты ссор и кухонных баталий. Отцу лучше не перечить. Но и у «рисовалкина» (много лет спустя именно она обогатила лексикон племянника этим словом, рассказывая историю знакомства с его отцом) спокойной жизни не будет.

Странно, но все каверзы и козни новоиспеченной сестры Борис воспринимал спокойно. Складывалось ощущение, будто неприятности обходят его стороной, и кто-то охраняет мальчика, ведя уверенно и спокойно по жизненному пути. Большинство обитателей «чертовой дюжины» тоже прониклись к пареньку симпатией, стремясь помочь, поддержать. Казалось, с его появлением скандалы уменьшились, люди стали добрее и внимательнее относиться друг к другу.

Дядя Веня, как стал называть Вениамина Пантелевича Борис, «художникам» его не доверил: для училища мал, в школе испортят. Чему они, современные маляры, научат – плакаты штамповать? Вслух, правда, этого не говорил – неглупый был человек. И в театр с собой не брал: нечего ребенку по закулисы шататься, сплетни слушать, да на размалеванных актрис смотреть. Поэтому занимались дома – старательно, строго и ежедневно.

Аглая всеми силами «помогала» постичь азы художественного мастерства: то карандаши спрячет, то, пробегая, «случайно» толкнет под руку, то акварель компотом зальет. Боря молчал, снисходительно поглядывая на вертлявую егозу. Он, хоть и был старше на два года, понимал: здесь ее территория, а он – гость. Отец смотрел на выходки дочери сквозь пальцы: ничего, если благодаря ей, мальчик вынужден рисовать в два, три раза больше – это на пользу. Терпение его лопнуло, когда летом сорок первого года, перед поездкой семьи на летнюю дачу в Комарово, дочь порвала работы Бориса. Просто так, взяла и порвала. Чтобы хоть как-то привлечь его внимание, чтобы этот паренек, которого целый год доводила, обратил на нее внимание, рассердился, накричал, дал подзатыльник, наконец! Но «подзатыльник», первый раз в жизни, достался от отца.

Увидев порванные рисунки, Вениамин Пантелеевич пришел в такую ярость, в которой его не видели с семнадцатого года, когда революционная матросня, ворвавшись в театр, начала крушить декорации к «Царской невесте». Тогда, еще молодой художник, схватив фальшивую алебарду, бросился наперерез вооруженной толпе, с пеной у рта выкрикивая:

– Не смей! Искусство трогать не смей.

И братушки отступили: не стали связываться с психованным, готовым отдать жизнь ради «картинок». А «картинки» (хоругви, им же писанные) стояли, не шелохнувшись, печальными глазами взирая на происходящее. Может, с тех пор и оберегают его эти глаза от беззакония новой власти, от бед и несчастий, свалившихся на головы других? Может быть...

Об этом Вениамин Пантелеевич рассуждал не раз, в дальнейшем никогда, ни на кого голос не повысив. Но, если честно признаваться, самому себе в душу глубоко заглянув – сильно тогда испугался, особенно после того, как матросы, матерясь и сплевывая подсолнечную шелуху на сцену, вымелись из театра. Таковой оказалась его натура: испытывал страх после опасности, а не во время ее.

Подозвав Глафиру, отец строго спросил:

– Твоих рук дело?

Обычно смелая до наглости (по причине избалованности и безнаказанности) девочка от тихой, не предвещающей ничего хорошего интонации, оробела.

– Нет.

– А чьих?

– Не знаю.

– Выходит, мама порвала? Или Борис?

– Не знаю! Не я.

– Аглая! Ты совершила очень некрасивый поступок. Хуже того – ты врешь. Я понимаю – ты говоришь неправду от страха. Поэтому не буду тебя наказывать, но к вечеру все рисунки должны быть склеены.

Девочка упрямо молчала.

Обнаружив на следующее утро рисунки в том же виде, отец пришел в ярость, выпоров единственную дочь первый и единственный раз.

Рисунки упрямая Глаша не склеила, здраво рассудив: склеит, признает свою вину, а так – не я, и все тут! И наказали меня несправедливо! И обиделась я на вас на всю жизнь.

А на следующий день жизнь круто изменилась. У всех...

Глава тридцатая

Круги

– Этого паренька я знаю, – взгляд Старика потеплел, всматриваясь в «неуправляемые» волосы улыбающегося с рисунка подростка. Красивой формы губы, дерзкий взгляд, – это Семка. Правда, с годами у него взгляд стал жестче... нет, решительнее и отважнее.

...Как он выжил? Наверное, прав оказался судовой врач – надежда не должна умирать.

Старый сторож с практикантом (хорошо – вдвоем были) шли за громыхающей железной каталкой по сводчатому коридору больничного морга. Скрипящие колеса то и дело застревали в выщербленном кафеле, вынуждая подталкивать холодное ложе испанского героя. В тусклом свете мерцающих лампочек по облупленным стенам проплывали «ожившие» тени. Казалось, призраки умерших в морге людей вышли проводить в последний путь новопреставленного покойника.

– Страшно?

– Боязно.

– Не дрейфь. Покойников не надо бояться. Бояться надо живых.

После очередного тычка раздражающий скрип слился с тихим стоном, приподнявшим простыню слабым выдохом «мертвеца». Шипящий треск, вызванный перепадом электрического напряжения, пробежал по цепочке тускло горящих лампочек. Рука покойного соскользнула, бессильно свесившись из-под простыни.

– О, Господи, – старик перекрестился.

Его примеру последовал комсомолец, совершенно забыв и о диалектическом материализме, и о трех источниках и составных частях марксизма, про которые буквально вчера бойко докладывал на зачете по Краткому курсу ВКП(б).

– Говорил, живых надо бояться, – выдохнув, старик спешно разворачивал каталку.

За тринадцать месяцев, которые он провел в госпиталях, компетентные органы собрали полную информацию на Antonio Kalvo y Alonso, он же – уроженец городка Монтефьясконе, регион Лацио, итальянец Антонио Кавалли. В дальнейшем Антонио удивлялся: откуда следователь раздобыл столько документов (там были даже фотографии старых афиш его боксерских поединков). В беседах (комминтерновца не допрашивали) всплыли интересные подробности, вследствие чего приняли решение перевезти товарища Кавалли в Ленинград, для очной ставки с гражданином Еремичем. Отчего тогда не всплыла фамилия Гольдштейн, как случилось, что о Марии в этом деле не вспомнили, осталось загадкой и для него, и для нее. Отбывала свой срок в казахстанских степях, ну и бог с ней.

* * *

Страх в первые недели войны был абстрактным. Детским умом она понимала: где-то воюют и гибнут люди, где-то взрываются бомбы, но это – где-то. Детское восприятие не готово принять чужую беду, а если она далеко... Поэтому жизнь Аглаи протекала в привычных хлопотах и заботах: досадить братику (она так и не

свыклась с новым родственником), поиграть в куклы, позаниматься на фортепиано и вовремя поесть.

Отец приходил с работы уставший, растерянный, обеспокоенный. Словно предчувствуя скорый конец, он все больше времени уделял Борису, наставляя, как держать кисть, как выбрать правильное освещение, расставить композицию. Борис слушал внимательно, стараясь выполнять советы точно и четко, но, в конце занятия все делал по-своему, отчего Вениамин Пантелеевич злился, называя его безответственным молодым человеком. Аглая была в восторге!

Но в середине июля все изменилось. Возвращаясь из магазина, где она с матерью отстояла длинную очередь за продуктами, они попали под бомбежку. Сказать, что ей было страшно – ничего не сказать. От воя падающих бомб, разрывов и шума сыплющихся «на голову» кирпичей и штукатурки, девочка не знала, куда спрятаться, куда забиться. Сидя на тротуаре, вжавшись в каменную кладку старого дома, обхватив руками голову, она изо всех сил орала: мама, мама, мааааама! Мать, контуженная взрывной волной, потеряв сознание, лежала рядом. После налета люди помогли довести мать до квартиры. Аглая зашла в комнату, такую родную, тихую, уютную, посмотрела на себя в зеркало, и ахнула. Из зеркала на нее смотрели «глаза Бориса» – такие же большие, широко раскрытые, удивленные. Детский мозг, за полчаса повзрослевший на несколько лет, задался простым, но верным вопросом: что этот мальчик увидел в своей жизни, чему стал свидетелем, раз так вопросительно смотрит на мир.

Она больше не цеплялась к нему. Тихо забившись в угол, держала в руках любимого мишку, готовая в любую минуту сорваться в бомбоубежище. Опыт.

В сентябре, после бомбежки Бадаевских складов, с продовольствием стало намного хуже. Вениамин Пантелеевич худел на глазах. Принося все меньше хлеба, заставлял детей съедать его пайку (меня в театре покормили, нам доппоёк положен). Борис свою порцию не ел, пряча в карман (вспоминая пушистого зверька), подкладывая ночью на подушку Аглае. Голодная девочка просыпалась от сладкого запаха, съедая черствый хлеб за минуту.

С наступлением холодов силы покинули театрального художника. Как-то, исправляя рисунок Бориса, он странно посмотрел на мальчика – словно прощался.

– Глаза у тебя, Боря, хорошо получаются. Но характер надо уметь передать не только через взгляд. Учись рисовать руки. Именно они могут многое сказать о человеке.

Взяв кисть, сделав несколько мазков, Вениамин Пантелеевич отошел в сторону – посмотреть «сторонним» взглядом. Довольный своей «мазней», вдруг охнул, присев на табурет, и в следующее мгновение, громко захрипев, завалился на стенку. Борис, пытаясь удержать грузное, для своих лет, тело, упал на учителя и заплакал. Это были первые слезы в его жизни. Слезы боли и благодарности.

В студеный холод декабря сорок первого спас Закулисный. Они уже не поднимались в свою квартиру на четвертый этаж – не было сил. Жили на первом: все рав-

но большая часть дома стояла пустой – кто эвакуировался, кого... эвакуировали в лучший мир.

Закулисный приехал с прифронтовой зоны, где выступал в составе агитбригады. Увидев бедственное положение детей, первым делом накормил хлебом и вкусной, с застывшим жиром, тушенкой.

– Не набивай полный рот, Аглая! И не смотри буржуем исподлобья. Я не жадный. Есть вам можно сейчас по чуть-чуть, иначе заворот кишок случится.

Утром, уходя «на работу», бросил Наталье Аристархоне:

– Соберите им всё необходимое. Главное – теплые вещи. И документы! Всех вас вряд ли удастся... но детей постараюсь спасти.

Через сутки их вывезли с труппой Пушкинского театра в Новосибирск.

* * *

– Куда, ну, куда я его дену? Понимаешь – война! А ты про какого-то итальянца! Да что ты заладил: антифашист, антифашист! Нет у меня машины, дорогой ты мой товарищ, понимаешь, нет! Мне солдат на фронт отправлять не на чем. Куда его везти? В Москву? Ты рехнулся или контуженный? Какая Москва?

Саша Калмыков – молодой сотрудник НКВД, еще не научился твердо отстаивать свои позиции, тем более, перед лицом старших партийных товарищей. Оставить Антонио Кавалли в осажденном городе он тоже не мог, а вывезти его не было никакой возможности. Что делать, Саша не знал...

– Послушайте, товарищ Саша, вещей у нас мало. Я предлагай пойти пейшком. Повезет – поймай, как у вас говорят, авто. Не повезет...

– Поймают нас.

– Но, по, что ви. Дойдем.

Итальянец шел тяжело, через каждые три-четыре километра просил остановиться – передохнуть. Сказывалось последствие тяжелого ранения. Машину поймали на десятом километре. Не до Москвы, конечно, но и это удача.

Кто и когда на войне знал свою удачу?

Под воздушный налет попали через час. В живых не осталось никого: сброшенная бомба попала точно в капот, перевернув полуторку, разбросав тела по полю. Саше повезло – Антонио, увидев заходящий на угол атаки Мессершмитт, быстро потянул лейтенанта за собой, выпрыгнув из кузова на ходу. Результат – растяжение лодыжки и оцарапанные ладони. А итальянец, соскочив по ходу движения, по инерции пробежал несколько метров в сторону, «замертво» бросившись на землю. Стреляный воробей. Саша улыбнулся: кто кого в Москву доставит?

Язык, оно понятно, и до Киева доведет. Но идти по незнакомой местности без карты, в военное время... До Москвы они, конечно, не дошли, влившись в один из партизанских отрядов, где он и познакомился с «губастым» пареньком Семкой Круглым – смелым до отчаяния, рискованным и удачливым разведчиком.

Большую часть отряда составляли молодые ребята, командовала которыми высокая, дородная женщина со странным именем Голиаф. Антонио парням

сразу не приглянулся: итальянец, значит – фашист. Саша и по-доброму увещевал ребят, и «командирский» тон пытался применить – не на тех напал. Детдом, он и в Африке детдом.

– Хорошо. В первом бою посмотрим.

– Мы-то посмотрим, а сам гляди, как бы он тебе пулю промеж лопаток не всадил.

– Так у него оружия нет, – опешил молодой лейтенант.

– Ты так думаешь?

– Малахольный, что с него взять?

– Связался... с итальянцем.

Вскоре отряд получил первое задание: обойти окрестные села, собрав информацию о наличии в них немцев. В бой приказано не вступать, действовать скрытно, применяя смекалку и военную хитрость.

– Отвагу и смелость, ребята, показать успеете. Сейчас надо приказ выполнить и просьбу мою – вернуться живыми.

Галина Пантелеевна помолчала, всматриваясь в глаза вчерашних мальчишек. Как быстро они повзрослели...

– Эти двое пойдут с вами.

– Ага! Чекист за версту формой отсвечивать будет, а с этим в разведку не пойдём. Фашист.

– Чекист, как ты говоришь, человек опытный. А этот... Во-первых, чтоб я больше не слышала в его адрес слова фашист. Мы человека проверили – в Испании, между прочим, воевал. Во-вторых, глаза у него хорошие. Напоминают мне...

Семка два дня не мог понять — кого он ему напоминает. Присмотревшись к итальянцу внимательнее, понял: точно — лучшего друга.

— На том и порешим. Идете всемером. И чтобы скрытно.

Скрытно не удалось.

Галина Пантелеевна обнимала, прижимая к объемной груди, счастливо осматривая живых, здоровых, вернувшихся в эйфории первой победы ребят. А они, еще находясь в боевом азарте, наперебой рассказывали, как благополучно обошли Копорье и Гоблицы, не обнаружив ни одного немца. Дойдя до деревни Лопухинка... только вы, Галина Пантелеевна, не ругайтесь. Ну, потеряли немного бдительность. Думали, там немцев тоже нет.

Сердце екнуло: И?

Ленька-тельник продолжил виновато, поведая, как в деревню вошли почти строем, оставив «прикрывать» лейтенанта и Антонию. (В интонации она услышала уважение и благодарность). Немцев там тоже не оказалось, но в сельсовете расположились полицаи. Они-то и взяли горе-разведчиков, по пути, пиная и подталкивая прикладами, учинив допрос: кто такие, откуда, куда, зачем. До возвращения немцев заперли в сарае, где парни уже попрощались друг с другом, не надеясь на выручку со стороны «итальянских товарищей». Поэтому, когда через полчаса дверь сарая отворилась, явив в своем проеме силуэт подмигнувшего чекиста, бывшие детдомовцы оторопели. Оказывается, Антонию, прикинувшись диверсантом, «разоружив» Сашу (простите, товарища лейтенанта), привел его к тем же полицаям, изъясняясь на чистом

немецком языке. И как только те открыли дверь, намереваясь впихнуть в сарай нового пленного, Антонио с невероятным проворством вырубил двух, а мы... В общем, все кончилось хорошо.

С этой минуты «семейные» отношения в отряде закончились. Не было больше мягкости в голосе командира. Жалость и «понимание» уступили место строгой дисциплине и субординации. Иначе – не выживем. Мы пропадем – полбеды. А вот Родину, ребята, с такой дисциплиной, запросто потерять можно – и этого нам никто не простит...

С легкой грустью об ушедшем вспоминал Антонио тот первый «бой», бережно промокая Семкину рану смоченным в спирте бинтом. Сколько воды утекло с тех пор, сколько героических дел совершил этот мальчик, ставший ему, как сын... Два часа назад они взорвали (обычное дело) мост. Вроде все подготовил, отчего не сработал взрыватель? Выручил Семен, под обстрелом присоединив перебитый детонирующий шнур, на обратном пути получив пулю в живот. С трудом оторвавшись от преследователей, укрылись в полуразрушенной церквушке сожженного села, где, перевязав кровоточащую рану мечущемуся в бреду парню, Антонио с недоумением задавал себе один и тот же вопрос:

– Моя жизнь идет по кругу? Мне кажется, я двигаюсь вперед, на самом деле, она кружит меня, возвращая к одним и тем же, разбросанным в разном временном пространстве, событиям. И сойти с этой карусели у меня нет ни сил, ни возможности...

Глава тридцать первая

Чувства

Одно из самых ярких впечатлений Борис получил в холодном, полуголодном Новосибирске.

Непривыкшие к сибирским морозам, дети столь сильно намерзлись в первую зиму, восприняв весеннюю оттепель как лично их – Бориса и Аглаи, возвращение к жизни. Солнце висело над городом огромным шаром. Такого в Ленинграде не увидишь. С крыш домов свисали хрустальные сосульки, щедро делясь каплями с промерзшей землей (Аглая, попробуй, как мороженное!), весело чирикали воробьи, воспринимая весну (сродни детям), как личное возрождение. На улицах появились банды облезших котов, с трудом (обессилели от зимнего недоедания) охотящихся на шустрых пернатых (чик-чирик: не поймаешь, не догонишь!). Серую «военную» жизнь природа наполняла яркими красками, пытаясь сказать: люди, опомнитесь, что вы делаете? Жизнь прекрасна! Любите ее такой, какая она есть. Творите, создавайте...

В ту жизнеутверждающую весну, в приподнятом настроении Борис впервые переступил порог театра «Красный факел», в здании которого давал спектакли эвакуированный из блокадного Ленинграда театр Пушкина, в котором и служил Закулисный, спасший от голодной смерти Бориса и Аглаю.

– Илья Иванович, что вы от меня хотите, если мест нет. Ну, как, как? Так бывает. Нет, и все. Месяц назад уже все решили: кто, где, когда, с кем и куда едет.

Илья спорить не стал. Подойдя к пыжащемуся администратору, положил тяжелую руку на узкое, увеличенное вставным ватином под полосатым пиджаком, плечо и тоном своего учителя и кумира Ивана Никифоровича (царствие тому небесное), внятно спросил:

– Ты, Соломон, – повисла «загибайловская» пауза, – своих детей везёшь?

Маленький, вертлявый Соломон Герцевич Штокман попытался освободиться от увесистой длани, но Илья придавил сильнее.

– Чего ты дергаешься? Забыл, кто в театре главный? Хочешь скинуть руку гегемона Мельпомены? Ответа не слышу.

– Так, то – мои дети, Илья Иванович, мои! А у тебя... простите, у вас...

– Может, ты делишь детей на советских и не советских? Это все наши дети, понял?! А не запишешь, Соломон Герценович, тень отца Гамлета играй сам!

– Да понял я, понял. Зачем сразу шуметь, угрожать? Запишу, но мест нет...

И уже вслед уходящему артисту, слюнявя огрызок химического карандаша, чтобы вписать каких-то Аглаю и Бориса, забубнил помощнику:

– Ой, вэй! Посмотрите на него! И когда этот шлимазл успел стать образцовым отцом? Бабник же, каких свет не видывал... гегемон сцены.

Закулисный жил с детьми душа в душу – позволяя им абсолютно все. Чего запрещать – жизнь и так не сахар, а тут еще война. Жалко сироток. Но в этой кажущейся свободе он, исподволь и незаметно, умудрился за-

интересовать их творчеством. Договорившись с театральным художником, приносил краски и бумагу:

– Рисуй, Боря, у тебя талант. Веня Репин языком зря не трепал! – Аглаю записал в музыкальную школу, – занимайся, девочка. Война кончится, а у тебя профессия в руках. Сиди в тепле, учи детей играть на пианино, зарабатывай на хлеб с маслом.

По четвергам (не с тех ли пор Аглая воспринимала этот день, как «гостевой»?) приглашал домой друзей из театра, в основном, актрис – похвастаться успехами детей. И, хотя девочка терпеть не могла ни «Болезнь куклы», ни, тем более, «Похороны куклы», играла Чайковского с готовностью и удовольствием.

В один из таких четвергов молодая Стеша Белковская удивленно спросила:

– Почему ты ни разу не привёл детей в театр?

Закулисный растерялся. Об этом он как-то не думал. Борис рисует, Аглая играет. А театр... театр Илья воспринимал как работу.

– Прячешь от нас таких славных ребят!

– Действительно, промашка вышла.

– Ничего, мы вашу промашку исправим. В воскресенье, днем, идет сказка. Приходите. Проведу через черный ход.

Два дня дети обсуждали странное название входа в театр. Борис доказывал:

– Черный – от того, что грязно, дворник давно не мел, или помойка рядом.

Аглая не соглашалась. Не может рядом с помойкой работать такая красивая девушка, как Стеша. Через него трубочисты лазят (недавно прочитала сказки Ан-

дерсена), а они всегда в саже, от того и ход черным зовется. Борис высмеивал сестру: ты хоть одного трубочиста в Новосибирске видела? Я согласен, помойки, возможно, там нет. Значит, черным он называется из-за перегоревших лампочек. Темно – вот и черный.

Споры продолжались до воскресенья.

Утром, подойдя к театру, они не обнаружили ни помойку, ни трубочистов. Оглянувшись, заметили девочку, машущую рукой из дальней двери театрального здания. Приблизившись – ахнули. Стешу было не узнать. В белом пушистом платье, с вплетенной в волосы шелковой алой лентой, в золотых башмачках, с маленькой короной на голове... и с такими длинными, густыми ресницами!

– Стеша, это ты? – Аглая смотрела зачарованно.

Девушка звонко рассмеялась, приобняв детей.

– Нет, уже не я. Принцесса Алина. Я сегодня ее играю. Идем!

С первой минуты поднятия занавеса Борис «заболел» театром. Это было неслыханно! В ярком, цветном свете на сцене жили сказочной жизнью красивые люди. Они носили яркие наряды, ходили в высоких сапогах, с перьями на шляпах. Женщины были одеты в необъятные, воздушные платья. И слова они говорили красивые, изыскались друг с другом стихами. И двигались особенно! Но, когда герои начали драться на шпагах за любовь прекрасной принцессы Алины, он готов был выскочить на сцену, присоединившись к юному принцу – так «болел» за него, переживая козни старого, злого соперника.

Но больше игры актеров Бориса поразила декорация. Как можно построить на сцене целый город? И как

этот город, за мгновение темноты, превращается то в комнату молодого принца, то в дворцовые покои принцессы Алины – Стеши? Уму непостижимо. После спектакля Илья провел детей за кулисы (именно тогда Боря понял значение его фамилии, точнее – псевдонима), показав сценические устройства, реквизит, завел в гримерки к артистам...

Весь день Борис ходил под впечатлением, к вечеру твердо решив: театр – вот чем он должен заниматься в жизни.

* * *

В Ленинград они вернулись в сентябре сорок четвертого. Город жил мирной жизнью. Блокада осталась в прошлом, но ее последствия десятилетиями будут висеть над жителями страшным призраком голода, холода и обыденности смерти.

После расставания с детьми Наталье Аристарховне совершенно не хотелось жить. Помог случай. Выйдя на слабых, «ватных» ногах в ту же первую военную весну за пайкой хлеба, наткнулась на сидящую в тающем сугробе маленькую, четырех-пяти лет, девочку с огромными, синими глазами, понимающе-грустно смотрящую на лежащую рядом женщину... Они выживали вместе: она и Танечка. Вдвоем, оно всегда легче. Девочка помогла забыть о своих бедах-печалях, заставив жить ради спасения ребенка.

Значит, теперь у меня появилась сестра!

Аглая оказалась неисправима. За время эвакуации девочка сблизилась с Борисом, не желая признаваться самой себе – она влюбилась в него с первого взгляда, с первой тарелки супа, съеденной на кухне «чертовой дю-

жины». Все ее проказы и выходки имели одну цель: обратить на меня внимание! Но по молодости лет она не понимала этого. Аглая была благодарна Борису за поддержку, по-женски успокоившись: заботится – значит, любит. Они вместе. Он – ее. Больше ничего и не надо. И вдруг? Эта?! Танечка?! Откуда она здесь и зачем? Нам и без нее было хорошо!

Откуда могла знать Аглая о том, что именно Таня отберет ее любовь, сломает карьеру, заставив страдать, превратив, в конце концов, в ворчливую, вздорную старуху? Не знала, конечно. Но инстинкт собственности, заложенный в каждой женщине, желание сохранить и охранить «свой домашний очаг» от кого бы то ни было, бессознательно поселил в десятилетней девочке чувство ревности, неприязни и неприятия новой сводной сестры.

* * *

Как все, пережившие блокаду, Таня по-иному относилась к жизни и смерти. Она не страдала по умершей от голода матери, при этом сохраняя светлую память о ней (образ матери помнила смутно, лишь ее лицо – молодое, радостное, иногда всплывало в коротких снах). Всем сердцем она привязалась к тете Наташе, помогая по дому, практически взвалив через несколько лет хозяйство на свои плечи. При этом, никогда не унывая, пребывая в отличном настроении. Она не училась музыке, не рисовала, но очень любила петь и... смотреть на Бору за мольбертом.

Аглая выходила из себя. Борис привык работать в одиночестве, под разными предлогами выпроваживая ее из комнаты. И вдруг? Какая-то малолетка (малолетке на то время шел уже шестнадцатый год) сидит и смотрит! А

он (только посмотрите – какая метаморфоза в нас произошла!) преспокойно рисует при ней! Меня, значит, гонит взащей, а с этой...

В один из весенних вечеров, намурлыкавшись в ванной, промокая полотенцем светлые, волнистые волосы, Таня, сияющая и счастливая, вошла в комнату.

– Замри, сейчас сделаем шедевральный набросок: «Поющая душа после душа» – Борис рассмеялся, перевернув альбомный лист (любую свободную минуту использовал для зарисовок), – продолжай, пой – мне так легче рисуется.

Она запела. Стесняясь, вполголоса. Но мелодия повела за собой, музыка увлекла, девушка забылась и песня полилась!

– Тебе в консерватории надо учиться, – не шелохнувшись, держал карандаш над нетронутым листом.

– Скажешь, тоже. Какая из меня певица? Я и нот-то не знаю.

– Это дело поправимое, попросим Аглаю, она тебя быстро выучит.

– Кого и чему я должна быстро выучить? – В распахнутом модном пальто, разгоряченная, в отличном настроении, Аглая вошла в комнату.

– Тане надо помочь с музыкальной грамотой.

Градус настроения понизился.

– Это зачем?

– Поет она хорошо. Думаю, ей надо учиться в консерватории.

– Да ты что?! Сразу в консерватории? – От сердца отлегло. Очередная «художественная» фантазия нашего мечтателя. Герберт Уэлс доморощенный! – Может, вна-

чале в училище? Некоторые, например, с музыкальной школы начинали.

– Аглая, Борис пошутил.

– Ничего я не пошутил. У тебя талант.

Поменяв «полюс», градус подскочил.

– Я смотрю, художник начал разбираться в музыке?

Борис попытался сгладить неминуемый конфликт.

– Аглая, таланту надо помогать, бездарности пробьются сами.

Не сгладил. Лучше бы промолчал или согласился. Но... в женской природе Боря не смог разобраться до конца жизни. Да и кто из мужчин ее понял?

– Это кто, по-твоему, бездарность? Я?!

– При чем здесь ты?

– Ну, мне же никто не помогает. Я сама пробиваюсь, как ты говоришь! Задницей беру, сутками за роялем просиживая!

– Аглая, успокойся, что ты завелась на пустом месте?

– Да я пришла в прекрасном настроении – прошла на зональный конкурс! А тут: два сверхталантливых человека, видите ли, решили – поступать она будет, в консерваторию! Для этого, знаешь, сколько трудиться надо? Сколько пота пролить, ногтей сломать? Вот и завелась, – внезапно девушка успокоилась, оценивающе посмотрев на сидящую у стола «родственницу» сверху вниз, – именно на пустом месте.

Что она может? Попискивать в ванной? Пусть поступает – ей же хуже. Провалится, у Бориса, наконец, глаза «откроются». Нет, черт, ну как с такими глазами можно было запасть на серую мышь?! Околдовала его эта пигалица, что ли?

Взяв себя в руки, как ни в чем не бывало, Аглая подвела черту.

– Вот ты и помоги.

Всегда оставляла последнее слово за собой.

Глава тридцать вторая

Вера

– Антон Иванович, опять ты возишься со своими розами в такую жару! Давай, заканчивай, никуда они не денутся. – Галина Пантелеевна океанским лайнером проплывала по залитым солнцем тропинкам, с высоты громадного роста замечая нарушения и непорядок на вверенной ей территории. – С твоей раной надо беречься... Слышишь, я кому говорю? И не притворяйся, будто по-русски не понимаешь. В отряде все понимал! – Она подошла ближе, всплеснув руками, – Иваныч, а ты чего такой бледный? Никак, опять рана открылась. Ох, голова садовая! Бросай свои тяпки, и без тебя справимся. Ребята, быстро помогли Антону Иванычу. Давай, держись, вот так... заводите, заводите... ага, туда, туда, правильно, Толик... Молодец, ты уже знаешь, на диванчик, на диванчик... Вот упрямый подрывник! Ну, что с тобой делать, дорогой ты мой итальянец?

Пока ребята помогали заведующему хозяйством Детского дома номер пять добраться до диванчика, Галина Пантелеевна, отправив одного из них за фельдшером, командовала с улицы – опасаясь, как нередко шутила, выхода комнаты «из берегов». Раздобрев в послевоенные годы еще больше, она все так же переживала, болея душой за своих питомцев, уверенных: доброта

внешне строгой директрисы увеличивается пропорционально размерам ее необъятного тела.

К Антонио Кавалли или, как его прозвали партизаны – Антону Ивановичу, Галина прикипела всей душой, особенно, после того, как этот изнуренный жизнью, с часто кровоточащей раной человек двое суток тащил на себе уже мертвого Семку, не пожелав оставить тело врагу. После войны она уговорила Антонио переехать вместе с ней в Детский дом имени Горького. И он, близко узнавший ее воспитанников, но больше в память о Семке, согласился. (Была и другая причина, в которой он не хотел признаваться самому себе: призрачная надежда – а вдруг имя Горького вновь «притянет» давно потерянную любовь всей его жизни).

Детей Антонио любил, общаясь с ними, как и покойный Митрич, по-доброму, приветливо и в меру строго. Но, в отличие от предшественника, был немногословен, хотя в партизанском отряде русский язык освоил хорошо, разговаривая практически без акцента.

Изменился нрав жизнелюбивого итальянца после семкиной смерти. Но не гибель молодого парня явилась тому причиной. Шла война, и на ней, случалось, убивали. И не чувство вины за то, что не сумел уберечь ставшего близким, практически, родным, человека – друзей и родных теряли многие. Другое изменило Антонио Кавалли, заставив, замкнувшись в себе, взглянуть на жизнь по-иному.

* * *

Семка умирал тяжело. Молодой, полный сил и энергии организм «зубами» цеплялся за жизнь, отторгая «незваную гостью». Антонио знал и чувствовал, какую страшную боль испытывает отчаянный парень, в горячечном бреде мотающий покрытой испариной головой. Знал, но ничем, кроме успокаивающе-нерешительных прикосновений, помочь не мог. Семка лежал в забытьи, крепко вцепившись в руку старшего друга, словно понимая – это последний якорь, удерживающий его на земле: отпусти он его – и душа вырвется из тела, а этого нельзя допустить, война еще идет, она не кончилась...

Антонио промокал влажной тряпицей искусанные в кровь, породистые губы, из которых вырывался малопонятный хрип, переходящий в болезненный стон. В беспомощности оглянувшись, сквозь наворачнувшиеся слезы увидел выщербленное следами от пуль и осколков, исцарапанное, с облезшей краской изображение Христа на уцелевшей стене.

Господи, помоги ему! Прекрати его муки, дай спокойно уйти. Ведь он достоин этого. Парень в жизни не сделал ничего плохого, почему мучаешь его? За что заставляешь страдать? Да, он убивал, но он воевал за свою Родину... Хорошо, ты берешь молодую жизнь, так отчего не возьмешь его к себе сразу, сейчас? Избавь Семку от мук, прошу тебя. Ты же знаешь, каково это – страдать безвинно. Так прими его в свои объятия... Ну, хочешь, возьми мою жизнь. Что мне сделать, чтобы Ты услышал меня?! Какой обет дать, чтобы Ты смиростивился? Избавь мальчика от страданий, если Ты есть!

Семка дернулся, открыв глаза.

Это был странный, не его взгляд. Он смотрел на католика Антонио Кавалли так же, как Христос смотрел с искаленной христианской иконы – вопросительно удивляясь: за что? Почему все это происходит? Зачем вы все это творите, ведь так нельзя, я не этому вас учил... И глаза у него были не голубые, а карие, с зеленым оттенком вековой печали. Антонио невольно отшатнулся – столь явно прозвучали вопросы, высказанные через страдающий взгляд души.

Да, Ты учил не этому. Ты взошел на Голгофу ради блага всего человечества, уверенный: принося Свою жертву – искупишь наши грехи. А на самом деле? Своей жертвой Ты подвиг людей к еще большим грехам: зачем жить праведно, когда за грехи – прошлые, нынешние и даже будущие, уже заплатили? В душах людей Ты сеял мир и любовь, а возшло совсем иное... Во что они превратили мир, дарованный Богом? Почему в нем столько ненависти, боли, предательства? Откуда все это? Ты обращался к Отцу: на все воля Твоя. Значит, все на земле от Него? И войны, и боль, и страдание с нищетой? Вот корчится в предсмертных муках мальчик. Чем заслужил он свою страшную участь, в чем его грех? Или он тоже страдает за других?.. В детстве я верил: святые собора святой Маргариты не допустят несправедливости. Но сейчас сомневаюсь, смогут ли они, отягощенные человеческой ненавистью, подлостью и предательством, воспарить. Они не взлетят! И Ты это знаешь. Если бы было не так, то, уверенный в Своем Воскресении, зная о грядущем земном рае, разве бы с такой мукой взирал Ты с креста? Разве бы с таким страданием и безысходностью оплакивали Тебя Мария с Магдалиной? Они должны бы-

ли возрадоваться сходящей на землю благодати, и ученики твои должны были бы ликовать. Но нет! Горькие слезы тогда оросили землю, ибо на кресте Тебе открылась истина – жертва напрасна, это был не тот путь: чем дальше на этой планете будет идти жизнь, тем больше, тяжелее и охотнее будут грешить люди, погрязнув в разврате и пороках. Потому что нельзя страдать за других. У каждого должен быть свой крест. Каждый должен свою свободу, свою любовь, свое счастье выстрадать сам, самолично переболев и преодолев. От этого и мука в Твоем взгляде.

Антонио почувствовал, как Семка с невероятной энергией, прощаясь, сжал его запястье, но уже через мгновение сила покинула молодого человека, сбросив «якорь» земной жизни. Взгляд его просветлел, а губы, чудесным образом очистившись от крови, сложились в добрую, хорошую улыбку обретшего свободу существа.

Он долго смотрел в светлые, отчего-то не стекленеющие, Семкины глаза, пытаясь понять: что это было? Почему он, верующий, уважительно относящийся к религии человек, вдруг так «откровенно» заговорил с Богом. Всматриваясь, Антонио сравнивал взгляды мальчика и смотрящего со стены Христа, ощущая, как некая сила проникает в него, наполняя уверенностью и спокойствием. Чувствуя, как светлеет и распрямляется его душа, будто за спиной вырастают крылья. И с помощью этих крыльев он поднимется над церковью, над сожженным селом, над всем миром все выше и выше, устремляясь к своему дому, туда... Туда, где розы цветут в прекрасной оранжерее, где когда-то был счастлив, где познал радость, и где пал так низко, вынужденно оказав-

шись здесь, чтобы вновь возродиться и обрести утерянную свободу.

* * *

– Вытащили мы тебя, голубчик, вытащили!

Слух различал звуки, но мозг категорически отказывался расшифровывать услышанное, выстраивая в логическую цепочку. Голова кружилась, и от этого подташнивало. Горелый приоткрыл веки: свет отбрасывал по палате причудливо изогнутые тени. Мутным взглядом сержант различил на стене фигуру со сложенными за спиной крыльями. Сухими, потрескавшимися губами выдохнул:

– Ты здесь! – судорожно схватив рукав врачебного халата – костяшки пальцев побелели. – Зачем ты это сделал, предатель!

– Тише, тише, – врач мягко попытался высвободить руку.

– Он бредит?

– Нет, он возвращается. Приглушите свет, сейчас ему необходимо побыть в полумраке. И скажите, наконец, пусть починят кран, это капанье может свести с ума!

Свет погас. Пальцы разжались, освободив руку доктора, и Горелый обессилено опустил на подушку.

Звук падающих на белый фаянс капель напоминал о чем-то, произошедшем недавно.

Где я слышал этот звук... Там еще были... Память пыталась вспомнить нечто важное, но сознание было не в силах справиться с эмоциональным потрясением, и сержант вновь погрузился в сон.

В оранжерее все было по-прежнему: так же покачивались в воздухе кусты роз – большие и маленькие, совсем карликовые, и розы – деревья. «Танцующая» флора поливалась сверху невидимой рукой. Капли скользили по шелковым лепесткам, задерживаясь на мельчайшем бархате листьев... но что-то было не так.

Какая мне разница – так, не так. Спать, вот чего я хочу больше всего на свете. Но я и так сплю. И разговариваю сам с собой во сне? Может быть, я умер? Но тогда почему я думаю? Что же здесь не так?

Осознание пришло вместе с испугом: цветы в оранжерее были «черно-белыми». Без цвета. И еще... Он закрыл глаза... запах. Розы были, а запаха и цвета не было. И поливающий цветы, и вошедший в оранжерею через знакомую сержанту колонну, выглядели «бесцветно», в серо-черных оттенках.

– Зачем звал?

– Ты избегаешь встреч.

– Разве?

– Последний раз мы виделись на заседании Большого Совета.

– Возможно.

– Чем ты занят?

– Я думаю.

– Думаешь? По-моему, это называется по-другому. Ты переживаешь!

– Мы не можем переживать – наши эмоции подчинены разуму.

– Наши, но не твои. Ты болен, и лекарство от этой болезни одно – работа! Должность Смотрителя свободна, и лучше твоей кандидатуры нет.

- Была...
- Твой бывший друг?
- Преданный друг.
- Уточни: он был предан тебе или предан тобой?
- Как ни поверни – все правильно.
- Агнелиус, я всегда относился к тебе с симпатией, поэтому нашел возможность пообщаться без посторонних, наедине.
- Сейчас я всегда наедине.
- Не испытывай мое терпение. Я не смогу долго делать вид, будто ничего не происходит. Включись в работу – твой опыт бесценен!
- Бесценен покой.
- Покой надо заслужить.
- Ты прав – предателю покоя нет.
- О чем ты?
- О том, что произошло.
- Происходит лишь то, что должно произойти. Случившееся с Изгоем – не твоя вина. И не моя! Я планировал выбрать его Главным Смотрителем, но он предпочел остаться в Пятом Поле, сделав свой выбор. А ты должен сделать свой. Реши, наконец, как помочь себе и всем нам...
- Старший Стражник проводил Агнелиуса внимательным взглядом.
- Ты слышал? – спросил он появившегося из боковой колонны Помощника.
- Слышал.
- Будь рядом с ним, не допусти беды.
- Не беспокойтесь, буду.

После изгнания друга Агнелиус изменился: потерянный, скитался он по всему Среднему Полю, обходя стороной лишь оранжерею, где в последний раз общался с Воином. Сейчас, покинув Стражника, он вынужденно вошел в нее.

Происходит лишь то, что *должно*! Но почему *должно* было произойти именно это?! Если бы я не вмешался, если бы Воин не послушал меня. Нет, я не виноват. Это Стражники!

– Ты уверен в этом?

– Опять ты! – В воздухе покачивалось потускневшее Зеркало, отражая бледного ангела. – Что тебе надо?!

– То же, что и тебе.

– Я ищу правду.

– Правду? Не смей меня. Ты ищешь оправдание. Себе. А это разные вещи. Но в утешение могу сказать – правды, как таковой, нет. Вернее, она у каждого своя. У Стражников – одна, у Воина – другая, у тебя – третья.

– Правда бывает только одна – это именно Стражник лишил Воина жизни!

– Так ли? Тогда почему ты не выполнил просьбу Учителя?

– А по чьей просьбе я встречался с Воином?

– Но Учитель просил еще об одном – сделать предложение от Его имени.

– Да! При этом сказав: Если Воин откажется, возможно, именно я стану следующим претендентом.

– Поэтому ты предложил другу трижды сказать «нет», прекрасно зная, к чему это приведет?

– Я не знал! И, если ты намекаешь на то, что предатель я, то – нет! Я не предатель. Слышишь?! Не преда-

тель!! Не предатель!!! – Выхватив меч, Агнелиус пытался разрубить ненавистное Зеркало, но оружие крушило лишь потерявшие цвет розы, разбивая горшки, срезая бутоны, усыпая черными лепестками каменный пол. – Я не хотел этого! Не хотел.

– Круши, не круши, а сам прекрасно знаешь – предатель именно ты. Ни одно задание с тех пор ты не выполнил, ни одно дело не начал. Избегаешь всех и вся? Нет, ты избегаешь себя. Но от себя не уйти.

– Должен быть какой-то выход.

– Возможно.

– Мне необходимо найти способ вернуть друга!

– Это невозможно.

– Нет ничего невозможного – так всегда говорил Учитель.

– Учитель... ты не задумывался, почему именно тебя он попросил поговорить с Воином? Может быть, у него есть еще одна правда – своя?

– Да, но я...

– Хватит стенаний и поисков. Пришла пора все выяснить!

Глава тридцать третья

Грехи

К величайшему удивлению Аглаи, Таня поступила. Без протекции, без упоминания имени Вениамина Пантелеевича, которого хорошо помнили в театрально-музыкальных кругах Ленинграда. Сама.

Теперь ежедневно, с одиннадцати до часу по «чертовой дюжине» разлетались вокальные экзерсисы, ис-

полняемые легким, но уверенным, сопрано. Боре нравилось. Возвращаясь из театра, куда его пригласили год назад, он спешил услышать ее голос, уходя на работу, мечтал скорее вернуться. С ней ему работалось легче, интереснее. Переполненный идеями, он досадовал на Вениамина Пантелеевича за его «недальновидность» — ни разу старик не сводил меня в театр, не раскрыл свои секреты, не показал сочиненные и выполненные им декорации!

То, что декорации к спектаклю надо сочинять, Борис понял, впервые посмотрев оперу. Давали «Фауста» Гуно. И музыка, и оркестр, и хор, и, конечно же, солисты привели в восхищение. Но декорации! Как смог художник дополнить ими и тему мудрого Фауста, и сарказм Мефистофеля? Они были мощными, как оркестровый марш, и трогательными, как сама Маргарита. Заболев театром в Новосибирске, в Ленинграде он понял: опера — его страсть.

Балет не любил. Конечно, не сам балет — танцовщиков обожал, музыку, особенно Чайковского, боготворил. Но оформление балетного спектакля было для него мукой. Что надо танцовщику? Блистать! При этом блистать он хочет на хорошо выполненном, богато украшенном заднике. Но задник не должен отвлекать на себя внимание зрителя. Изготовление сетчатых деревьев, тряпичных колонн, уходящих вдаль пейзажей раздражали и утомляли. Его фантазия выпрыгивала из балетных рамок, как танцовщица в первой сцене «Дон Кихота» «выпрыгивает» в зрительный зал.

В первый год работы Борис понял — от декораций зависит очень многое. Именно они создают то простран-

ство, в которое должен поверить актер, а значит, поверит зритель. И декорации, и костюмы с реквизитом должны звучать. Звучать в одной тональности, выстраивая ансамбль, тогда и появится искусство. А без этого на сцене будет идти обыкновенный «ремесленный» спектакль.

Своими мыслями он делился с Таней, увлеченно сверкая глазами, рассказывая о своих задумках и проектах новых постановок.

Аглая взревновала.

Ничего не сказав родным, она прослушалась в консерватории у самого Алексея Ивановича Петрова – народного артиста Союза, одного из почтеннейших профессоров. Но впечатления не произвела.

– Деточка, вы поете, как... – Алексей Иванович старался подобрать не слишком обидное сравнение, но на языке вертелось одно: как курица попкой, – нет у вас силы в голосе. Вы же пианистка? Говорят, не без способностей. Вот и играйте. А у нас, знаете ли, харизма нужна... без нее на сцене нельзя, публика не оценит.

Это он *ей* про харизму сказал? Спасибо.

Она попросила разрешения спеть еще одно произведение.

– Не знаю, стоит ли, – профессор невольно скривился: ходят «молодые дарования», а ему – мучиться. Но девушка показала характер. – Ну, хорошо, хорошо, – сдался, безвольно махнув рукой, – кого желаете исполнить? Сен-Санса? Арию Далилы? Какую? Третью? Замечательно.

Впору уши затыкать, сейчас такую музыку коверкать будет.

Она встала к роялю, внутренне собравшись и успокоившись. Что ж, больше, чем ее унизили минуту назад, обидеть невозможно. Пришло время ответа.

Такой глубины, полноты и силы звучания старик не слышал давно. Голос парил, растекаясь по залу, словно крыльями, охватывая пространство. Что произошло с этой девушкой? Она как будто налилась летящим из глубины звуком.

Аглая заставила себя вспомнить первую бомбежку и свой крик: «маааама!», «вытащив» звук откуда-то из нутра, инстинктивно опираясь на окрепшую вдруг диафрагму, как бы посылая его всему миру – слушайте меня!

Конечно, ее приняли. Конечно, она стала любимой ученицей Алексея Ивановича. Конечно, ей прочили великолепную карьеру в Кировском театре, где уже работал Борис. Значит, это судьба, и никакая Танечка не сможет встать на моем пути, пусть хоть запоется около его мольберта – «рисовать» он будет меня!

* * *

– Алексей Иванович, Тамара Сергеевна, спасибо за доставленное удовольствие. Ваши выпускницы выше всяких похвал! Поздравляю! Остается заполнить формуляры, коллеги. Или кто-то еще хочет высказаться?

Председатель государственной комиссии, народная артистка Союза Софья Петровна Преображенская, довольным взглядом обвела почтенную профессуру...

Пять лет учебы «сестер» разделили консерваторию на два лагеря враждующих поклонников. Одни доказывали великолепие и ослепительный блеск исполне-

ния Аглаи Степановой, другие были покорены завораживающей мягкостью тембра Татьяны Ковальской.

Вышла, выскочила-таки за Бореньку замуж! Окрутила братика, закружив голову, а он – тюха! Словно баба, ушами полюбил! Пропадет теперь мой Боренька, загубит она его талант! Но ничего, еще не вечер, поборемся...

Аглая и сама не верила в свои рассказы подругам. Татьяна «не окрутила» Бориса. Она его любила. Любостью нежной, не назойливой, без агрессии и скандалов, без приказов и капризов, от которых он устал за время проживания со сводной сестрой. Она не лезла в его дела, но умудрялась мягко высказывать свое мнение, делая это только в том случае, если Борис интересовался им. А так как интересовался он почти всегда, то и работы свои выполнял, прислушиваясь к мнению молодой жены. При этом в ее советах присутствовала хорошая фантазия, умноженная на знание предмета (с третьего курса играла на сцене), что помогало мужу выстраивать декорации, используя взгляд, так сказать, «изнутри».

Молодоженам выделили комнатку в театральном общежитии, чему все, кроме Аглаи, несказанно обрадовались. Эта свадьба изменила ее: красивое лицо будущей примадонны теперь часто искажала гримаса завистливой злобы. В рассуждениях появился сарказм, желчью изливающийся на окружающих.

В конце четвертого курса, пересекая Театральную площадь по пути в консерваторию (спешила на урок к любимому преподавателю), наткнулась на «громкоговорящих» золотозубых цыганок, бредущих по своим делам, навьюченных тюками, в окружении голопузых, чу-

мазых отпрысков, кидающих по сторонам вороватые взгляды хитрых, черных глазенок. В голове что-то щелкнуло и, засмеявшись, отчего-то пропела: «Я цыганский барон, я в цыганку влюблен»... Кто-нибудь из этих плебейчиков выбьется в бароны, улыбнулась сама себе, оглянувшись на невзначай брошенную в спину фразу.

— Красивая, молодая! Хочешь, всю правду скажу? Позолоти ручку.

Она не связывалась с цыганами: черный глаз, порчу наведут. И вдруг... еще поборемся, еще посмотрим, кого он рисовать будет.

* * *

...— Коллеги, кто-нибудь еще хочет высказаться? Нет? Что ж, тогда позвольте подвести итог. Думаю, не ошибусь, если выскажу общее мнение: сегодня все выступили очень хорошо, но отлично с плюсом заслужили лишь наши звездочки: Аглая и Танечка. Нет возражений?

Татьяна Николаевна Лаврова почувствовала дискомфорт. Возможно, его ощутили и другие члены комиссии, но они молчали. И она решила взять слово.

— Простите, коллеги, — она откашлялась, заметно волнуясь, — мы наблюдали, вели и учили этих девушек с первого курса. Обе одаренные, обе, я согласна, достойны отличных оценок и высших похвал.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, уважаемый Алексей Иванович, что Кировский театр в этом году берет лишь одну выпускницу. И если мы поставим одинаковые оценки, то...

Казалось бы, такое простое заседание: все ясно и понятно, а вышли из кабинета ректора в десятом часу вечера...

– Ну, поймите, Алексей Иванович, я не против Аглаи. Она научена вами прекрасно: голос, подача, интонация, но... Вы сами слышите – той глубины, полутонов, той легкости звучания, как у Ковальской... Согласна, годик, два – и Аглая наберет. Но есть еще одно «но». Ковальская поет сердцем, а Аглая – холодна. Нет в ее исполнении душевной теплоты...

Петров не дослушал, хлопнув дверью.

– Одесса? Хороший город, хороший театр. Но нет, не поеду. Почему? Есть причины. Куда? Алексей Иванович, вы не переживайте... да не обижаюсь я на вас, прекрасно понимаю, против всей комиссии один – вы были бессильны (как гладить да обнимать, так силы у тебя есть, а как защитить «любимую» ученицу)...

Она поехала в Новосибирск. Пусть Боренька чаще вспоминает наше военное детство. Кто его там оберегал, кто о нем заботился, благодаря кому он выжил!

Три года пролетели незаметно. Аглая блистала в театре, исполняя заглавные роли. Город ее полюбил, носил, что называется, на руках. В отличие от коллектива. Замашки примадонны коснулись всех: от уборщицы до дирижера. Труппа не раз обращалась в дирекцию с жалобами, но там разводили руками: где мы еще такую звезду найдем? Кто нам еще такие сборы сделает? В конфликте, товарищи (вторил профсоюз), всегда виноваты обе стороны. Так что, ищите компромисс, сглаживайте ситуацию. Воспитывайте, наконец, на то вы и коллектив.

Воспитанию Аглая не поддавалась, и сглаживать ничего не собиралась.

* * *

В апрельское утро одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года в квадратный дворик старого ленинградского дома вошла немолодая, но сохранившая красоту, сухоощавая женщина, с аккуратно уложенной гривой густых, совершенно седых волос. Скромно одетая, она держала в руке небольшой фанерный чемоданчик и женскую (противного, сродни цвета детской клеенки) светло-зеленую сумку. Выйдя на середину «колодезного» двора, женщина вскинула голову, обведя взглядом высокие стены, задержавшись на двух, выходящих на запад, окнах четвертого этажа. Покивав головой своим мыслям, медленно развернулась, еще раз, на прощание, посмотрела на равнодушные окна и направилась в квадратную арку. В это время одно из окон рядом, звякнув тонким стеклом, растворилось, и слабый, старушечий голос тихо позвал: «Мария! Маша, это вы?»

От оклика женщина замерла на месте, нервно поведя плечами, словно от удара хлыста.

Как мама в тот день, на даче у Менжинского, — пронеслось в голове.

Обернувшись, поставила руку козырьком, загорадившись от заглянувшего в колодец двора солнца и, всмотревшись, узнала соседку — старушку Серафиму Львовну Гаранину. Господи, она еще жива!

— Заходите ко мне, Маша, чаю с дороги попьете.

В квартире пахло затхлостью — специфический запах давно живущего на земле человека. Хочешь — не хочешь, а в старости все такой запах будем источать.

Они сидели за круглым столом, покрытым выцветшей скатертью, с обтрепанными, желтоватыми от стирок, кистями. Две кружки на блюдцах, сахарница с рафинадом, масленка, нарезанный батон, колбаса, сыр.

– Сейчас я принесу чайник, и будем пить чай. Цейлонский!

Серафима Львовна зашаркала на кухоньку, вернувшись с большим, бурлящим темно-зеленым чайником. Поставив его на стол, развернулась к серванту, достав из глубины серый пакет плотной бумаги, и присела на краешек жесткого стула, сложив руки на худых, высохших коленях, явно не зная, с чего начать разговор. Наконец, выстроив мысли в более-менее стройный порядок, тихо сказала, протягивая конверт:

– Возьмите. Я ждала вас, чтобы передать. Почему-то верила – придете.

– Что это?

– Не знаю, я не заглядывала.

– Тогда почему вы думаете, будто эта вещь принадлежит мне?

Старуха вновь растерянно замолчала, часто моргая большими, слезящимися глазами, продолжая держать пакет.

– Андрея Антоновича взяли на следующий день, после вас с Боренькой. Это при мне случилось. Я как раз выходила за молоком, а когда вернулась, обнаружила в своем почтовом ящике пакет. Тогда и поняла: он положил. А кому, если не вам, – виновато, будто именно она явилась причиной ареста, или должна была помешать ему, но не смогла, старуха замолчала, положив пакет на

стол и продолжив теребить тремолирующими руками одну из кисточек желтой бахромы.

– Про арест я знаю, – Мария улыбнулась по-доброму, нерешительно вскрыв пакет.

– Да? Откуда? – у Серафимы Львовны камень с души свалился. – О чем это я? О таких вещах не спрашивают.

Выпавшая зеленая тетрадь прервала беседу. Прикрыв веки, поспешно, чтобы не вырвался годами сдерживаемый крик, закрыла ладошкой рот, горестно замычав. Вздохнув, взяла себя в руки, улыбнувшись, размазала по зеленой обложке две капельки оброненных слез.

– Ничего... Спрашивайте, если интересно. Расскажу, – отхлебнула горячий, совершенно безвкусный «цейлонский» чай, прежде размочив в нем кусочек рафинада. – Откуда, говорите, знаю? Я его видела. На очной ставке...

Она помолчала, бесшумно мешая ложечкой остывающую жидкость и, вздохнув, продолжила.

– Не знаю, Серафима Львовна, как такое возможно, но тогда, в кабинете, где разрешено отвечать лишь: да – нет, Андрей каким-то чудом сумел донести до меня все, что хотел сказать.

Она вновь погрузилась в холодный декабрь тридцать восьмого года. За окном мирно падал снег, столик у окна занимала молоденькая машинистка, старательно печатающая протокол, вбивая в ее мозг металлический стук клавиш ненавистного «Ундервуда».

– Меня завели в кабинет, когда там уже сидел Андрей... Простите, у вас можно курить?

– Курите, конечно. Я сама не люблю, но муж курил, вот пепельница.

Она не могла вспоминать без содрогания его лицо. Поработали над ним на славу. Заняв по приказу место напротив, посмотрела сквозь навернувшиеся слезы. А он еще попытался улыбнуться... одними глазами: мол, не бойся, Маша, что поделать – сейчас я такой, некрасивый. Но ничего, прорвемся... Как я виновата перед ним. Как ошибалась в этом человеке...

– Знаете, у меня в жизни было трое мужчин. Своего первого мужа, думала – люблю. Потом оказалось – детская привязанность, не больше. Наверное, и у него ко мне было такое же чувство. Второго... – незажженная папироса комкалась в руке, высыпаясь табачными крошками на выгоревшую скатерть, – второго я любила. Страстно, безумно. Это было странное чувство, понимаете, так не бывает, а вот – случилось. С первой встречи поняла – он моя вторая половина, моя судьба. Именно с ним должна прожить жизнь. А потом... Мы гонялись за этой чертовой тетрадью. Не совсем за этой... но дело давнее. И, когда я случайно открыла потайное отделение письменного стола, не обнаружив там ничего, понимаете – ни-че-го! До меня вдруг дошло – нет никакой тетради, и не было. Зачем нас туда послали – не знаю. Может, проверить хотели, может, что другое. Поняв это, я бросилась к выходу. И тут он. С бокалом вина... может, чего подсыпал? – она рассмеялась низким, хриплым смехом старого курильщика, – и его руки. Сильные, мужские. В таких руках не страшно. Такие руки созданы, чтобы держать любимую. У меня один раз в жизни это было, один-единственный. Когда голова улетает, когда все хо-

чется бросить, ни о чем не думать, лишь бы он тебя ласкал, целовал, был в тебе... И я решила: будь, что будет – сбегу! Ночью... знала, Николая дома нет, каждую ночь где-то пропадал... Это я после поняла – он от ревности места себе не находил, а тогда думала, что-то со своим дружкой, моим будущим мужем, замышляет. Так вот, ночью решила вернуться в дом, оставить свою, понимаете – это моя тетрадь, мой дневник! Оставить его на столе: пусть думают – нашла, когда еще разберутся... А самой сбежать к Антонио. Италия моя родина. Спрятались бы где-нибудь, придумали что-то... Не судьба.

Она достала еще одну папиросу, закурив сразу, плавным взмахом руки заботливо отгоняя голубоватый дым от Серафимы Львовны.

– Еремича я невзлюбила с первой встречи. Думала – все зло в моей жизни от него будет. Оно, в принципе, так и получилось, да только человек оказался... человеком. Это я уже потом, когда бессонными ночами в лагере думы думала, додумалась – как он меня любил. Тогда, на очной ставке, словно телепат, проник в мою голову, поведав и о тетради, мол, знает и откуда она, и как я хотела сбежать, и о сыне... Господи, где сейчас Боря? Как его найти... И про Антонио. Знал – от него родила. И что виделись они. И о том, чтобы молчала, соглашаясь с его показаниями... Его по письму из Италии взяли... с дипломатической почтой пришло... там еще фотографии были, и бумага, якобы Андреем подписанная... Я тогда ничего не поняла, но поддакивала, подтверждая его слова, кивая головой, как китайский болванчик... Поэтому, наверное, и жива осталась... Но, главное, что он сумел донести: любит меня... Любовь, знаете, разная бывает.

Но я убеждена: настоящая – это если ради любимого собой пожертвовать готов. Когда ради него жизнь отдашь. Вот что такое любовь... Не знаю, смогла бы я за Антонио жизнь отдать, не уверена. А Еремич... Андрюша – смог, всю вину на себя взвалив. Ему я по гроб жизни безмерно благодарна буду. За что? За то, что меня любил, как оказалось, больше жизни...

Она затушила окурок о дно желтой пепельницы, черной «кляксой» поставив жирную точку в рассказе.

– Пойду я, Серафима Львовна, засиделись мы с вами, уже и чай остыл.

– Куда ж ты, девонька?

– Да... куда глаза глядят. Найду местечко.

– Так, считай, уже и нашла. Оставайся. Места хватит. Да и мне веселей.

– Да уж, повеселила я вас сегодня...

Глава тридцать четвертая

Кольцо

Телеграмма о рождении племянника пришла на адрес театра в Международный женский день – восьмого марта пятьдесят девятого года.

Я обзавожусь родственниками с завидной регулярностью. Молодцы, мои поздравления! Могли бы написать – как назвали, а то: «У ТАНИ СЫН ЗПТ ПОЗДР ТЧК». Она его одна заделала, без Бори? И как понять: «поздр»? Меня поздравляют или я должна поздравить ее с событием планетарного масштаба? Ладно, завтра перед репетицией отобью ответ.

Утром на почтамте народу немного. Телеграмму приняли быстро, с лаконичным, понятным текстом: «ПОЗДР ВСЕМ ВСКЛ С ВАМИ Я ТЧК». В легком раздражении (от ребенка отца будет труднее оторвать) вышла на улицу, столкнувшись в дверях с крупным мужчиной. Он извинился, посторонившись на лестнице, посмотрел ей вслед, нерешительно окликнув: Аглая... простите, не знаю вашего отчества. Она повернулась, смеясь долговязого оценивающим взглядом.

– Позвольте представиться...

Только этого мне не хватало – знакомиться на улице!

– Григорий Константинович.

– Вот до чего я дожила, Григорий, – пропела в ответ фразу Любаши из «Царской невесты». – Очень приятно, чем обязана?

– Я ваш поклонник.

Поклонник. Был бы полковник – может, и поговорили. А так... удивляясь самой себе, вступила в диалог, внутренне одергивая: Аглая, ты что творишь, остановись, это неприлично.

– И кем у нас работает Григорий Константинович? Я верно запомнила?

Тьфу, самой противно! Что я делаю? Веду себя, как последняя шалава.

Ответ на досадный вопрос нашелся молниеносно: Танька во всем виновата! Дала, черт знает, какую телеграмму, вывела Аглаечку из душевного равновесия! Теперь отрицательные эмоции ищут выход, вынуждая вести себя непристойно.

– Да как вам сказать, – он уже стоял рядом. Высокий, под стать ей, в годах, но моложавый, с умной хитринкой в глазах, – немного тем, немного этим.

Самое время заканчивать разговор, но, будто черт за язык дернул:

– И где происходит то или это?

– Немножко здесь, немножко, – он посмотрел в синее, высокое небо, – там.

Она хмыкнула.

– Летчик, что ли?

Только этого мне не хватало: летчик – молодчик... или как там: налетчик!

– Какая вы догадливая.

Она не заметила, как дошли до театра, как увлек рассказом «ни о чем». Попрощались... Вечером, после спектакля, генерал-майор авиации Григорий Константинович Зимушкин вошел в гримерную ведущей солистки театра оперы и балета в парадной форме с огромным букетом цветов.

Роман закрутился, как в сказке. Аглая забыла про все на свете, совершенно выпав из нормальной жизни, по инерции репетируя, играя спектакли...

* * *

К столетнему юбилею в консерватории запланировали ряд грандиозных мероприятий, итогом которых планировалось провести большой праздничный концерт. Одной из первых участвовать в нем пригласили Аглаю Степанову.

– Молодец ваша Глафира Вениаминовна! Уехала в периферийный театр, исполняет все ведущие партии, глядишь, через год – два заслуженную получит, а там и

до народной рукой подать. Поздравляю, Алексей Иванович.

Он криво ухмыльнулся. Поздравляет она! Не ты – пела бы сейчас Аглая в Кировском, была бы рядом (поздняя любовь без горчинки не бывает).

Знала бы, к чему приведет это приглашение – ни за что не согласилась бы выступать в том концерте. Но мало кто из людей может понять причинно-следственные связи, проследив ход предстоящих событий хотя бы на полшага вперед...

Встретились, обнялись. Двухлетний карапуз вбежал в комнату, поздоровавшись с теткой, которую до этого ни разу не видел, будто знал ее всю жизнь. Она растаяла, взяв на руки глазастого (у папы в детстве были красивее), черноволосого мальчугана. Словно и не было расставания, распрей, ссор. Хотя, это на нее свалились испытания: свадьба Бори, отъезд из родного города, племянник. А у них все в шоколаде, живут, работают, радуются, плодятся...

Заворочавшись, незаметно проснулась обида. И тут в дверь позвонили.

– Ковальские, это к вам!

На пороге стояла высокая, красивая женщина с пронзительными глазами. В пронзительных глазах стояли слезы. И все стояли в немой сцене, как у Гоголя.

Он сразу... не узнал – понял: мать.

Она не посмела кинуться на шею «чужому» мужчине, растерянно переминаясь с ноги на ногу у порога.

Мальчик подошел вплотную, дернув за полу плаща, громко спросил:

– Тетя, ты кто?

Пожав плечами, неуверенно коснулась его взъерошенных волос, одними губами прошептала: бабушка.

* * *

На концерте Татьяна решила исполнить «Сцену письма» из «Онегина», Аглая предложила на выбор: либо арию Амнерис, либо Далилы. Промокнув безукоризненно чистым носовым платком слезящиеся глаза (возраст, деточка, что ты хочешь, с годами профессора, к сожалению, не молодеют), Алексей Иванович попросил: спой Далилу, радость моя.

Репетицию назначили за день до концерта.

Тревожное вступление «Сцены письма» заставило встрепетнуться сидящую в зале Аглаю.

Татьяна запела. Сильно, трепетно, страстно, с первых звуков приковав все внимание к себе, вернее, к своей героине:

— Пускай погибну я, но прежде... я пью волшебный яд желанья... мой искушитель роковой...

По привычке, при нервном возбуждении Аглая начала крутить надетое на безымянный палец левой руки серебряное кольцо с большим зеленым изумрудом. Вместе с кольцом, чувствительно колющим острой огранкой подушечки пальцев правой руки, крутились в голове мысли. Тяжелые, нехорошие, не дающие покоя, заставляющие бороться с собой.

Татьяна играла, проживая на сцене... ее жизнь.

— ...Зачем, зачем, вы посетили нас? В глуши забытого селенья, я б никогда не знала вас, не знала гордого мученья...

Музыка Чайковского вела за собой, увлекая в бездну...

— ...То воля неба, я — твоя... ты в сновиденьях мне являлся... твой чудный взгляд меня томил...

Это я должна петь, это мое письмо! Здесь все про нас с Борисом!

Оркестр закручивал звучание тугой спиралью, заставляя трепетать, переживать. Как она поет! Что за секрет сокрыт в этом маленьком теле, откуда такая сила и красота? Где она прячет этот голос? И дыхание... она его когда-нибудь берет? Или так, все письмо и споет, на одном выдохе? Аглая, ты завидуешь! Я?! Никогда! Что я — Сальери? Завидуешь, потому как знаешь — так у тебя никогда не получится. Не додала природа, не доложила «в этот карман».

— ...Мои сомненья разреши... — продолжало нестись в зрительный зал, целенаправленно попадая, как в «яблочко», в разрывающуюся душу Аглаи.

Теперь у него все хорошо, даже родная мать объявилась. Был мальчик — сиротка, стал... Сиротка теперь я: ни отца, ни матери. Одни названные братик с сестричкой-невеличкой.

А Таня пела, сама не подозревая пророчески произносимых слов:

— ...Судьбу тебе отныне я свою вручаю... рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна...

Оркестр заиграл заключительный отыгрыш. Нервная музыка Петра Ильича растревожила обиды, открыв раны. И тут Татьяна вышла на кульминацию, решительно, призывно пропев финальные слова:

— ...Смело я себя вверяю!

Забывшись, Аглая сдавила острые края, вскрикнув от боли.

Не обессудь, твой выбор. Видит Бог, я не хотела... Это ты спела, с самого начала, с первого своего появления в нашем доме: пускай погибну я!

Решено, подарю.

* * *

– Эй, красотка, позолоти ручку, всю правду скажу...

– Знаю я твою правду, давай, иди своей дорогой, чавэлла.

Она совершенно не намерена подпускать к душе чужие, грязные руки. Ей сейчас неть, а это святое.

– Не хочешь, смотри, пожалеешь... Любишь его, вижу, а он другую любит.

Остановилась. Откуда знает? Очнись, у тебя все на лице написано. Любой девушке можно сказать эту фразу, и девять из десяти «попадут в десятку».

– Сын у него будет, воспитаешь сама. Жить долго будешь, хорошо, богато. Слава будет, успех. Любовь будет, большая, но не с ним. И короткая.

Замедлив шаг, обернулась. А это она откуда знает? Про славу, успех – консерватория рядом, могла догадаться. А про сына? Так, сболтнула? Интересно... И она подошла.

– Судьба у тебя, красавица, не простая. Но это твоя судьба. Изменить нельзя, поправить можно. Ты гордая, поэтому трудно тебе. Но все хорошо будет, поверь, зря не скажу. Соперница уйдет. Нет, с тобой, дорогая, он не останется. Вижу, он руками что-то дела-

ет, от этого и смерть примет. Я все сказала, позолоти ручку.

Жадной Аглая никогда не была. Вытащила из кармана аккуратно сложенные купюры: трешки, две пятерки, красненькую десятку.

– Бери, насколько наговорила.

– Вай, щедрая! Королева! Полюбила я тебя, как родную. Хочешь, помогу печали твоей? Давай колечко свое.

– Тебе денег мало? Ведь все забрала, – но как под гипнозом, колечко сняла.

– Смотри – цыганка показала тяжелое серебряное кольцо, соединив с золотым, просунула сквозь оба вырванный с головы Аглаи волос, дунула в оба, надев на безымянный палец девушки свое. Обмененное, золотое, «потерялось» в объемных юбках. – Носи сама, никому не давай. Дашь – беда будет. Заговорила я его на твою удачу, другим на погибель. Но вдруг кому решишь «подарить», знай, чем-то пожертвуешь. Чем – не знаю. Бесплатно ничего не дают.

Больше на Театральной площади она цыган никогда не встречала. Колечко, до сегодняшнего дня, носила, не снимая, поверив в его магическую силу.

** * **

На следующий день Татьяна вышла на сцену, блестящая редкой красоты зеленым изумрудом на левой руке.

– Я ведь тебе за Артура подарок не сделала – вот, – Аглая протянула красивую коробочку, перевязанную зеленой атласной лентой, – не благодари, не надо. Носи на здоровье.

Увидев «эту прелесть», Татьяна ахнула, Борис стушевался – не ожидал от сестры такой щедрости, Артур насупился: почему маме подарили, а ему нет?

Оркестр заиграл вступление. Уверенно, Таня запела: – Пускай погибну я, но прежде... Все шло хорошо, сцена подходила к середине, а Борис нервно ерзал в кресле зрительного зала: что-то не так, но что?! За секунду до катастрофы понял – у нее никогда не вздувались вены на шее, его жена поет через силу. Оркестр аккомпанировал, прибирая звучание – дирижер тоже почувствовал неладное. Со слезами на глазах (как вошла в образ, восхищалась публика, какая самоотдача), Таня пропела: я верю, ты мне послан Богом, я знаю – ты хранитель мой... Оркестр продолжил, готовый поддерживать... Ты в сновиденьях мне являлся... И вдруг, на словах: вот он, вот он – Таня сорвала голос. Она захрипела, замолчав, разводя вскинутые над головой руки. В растерянности дирижер нечетко снял оркестр, который замолкал вразнобой, и только старый, подслеповатый альтист продолжал тянуть длинное *фа*, не понимая, что произошло. Под этот тоскливый звук она и покинула сцену. Навсегда.

После первого переполоха, срочного вызова в театр фониатора, невнятного объяснения с публикой (закон сцены никто не отменял: что бы ни случилось, шоу должно продолжаться), выпускники продолжили концерт. Аглая петь отказалась. Она не этого хотела! Нельзя лишать человека голоса. Вручая кольцо, она была уверена – Борис разлюбит Таню и вернется к ней... В голове пульсировали давние слова цыганки: чем-то придется

пожертвовать. Бесплатно ничего не дают. Поэтому на сцену не вышла – испугалась.

Борис не знал, на кого выплеснуть боль, досадным раздражением клокочущую внутри. Три дня назад он был самым счастливым человеком на свете: у него была любимая работа, талантливая жена, сын. Наладились отношения с Аглаей и, главное, его нашла мама! Все это время Таня была в нервном напряжении. Может быть, в этом причина? Объявись мать на три дня позже – возможно, ничего бы не случилось, как в сказке: потерпел бы Борис-царевич три дня и три ночи...

Таня с болью смотрела на мужа: как ты такое можешь говорить? При чем здесь Мария Марковна? Она твоя мама. Это счастье, найти мать. Счастье...

Он понимал – мать ни при чем, но должна быть причина, должна...

Этот случай подкосил Татьяну настолько, что через полгода она умерла. Врачи объяснили смерть опухолью головного мозга. У нее с детства были слабые сосуды, часто болела голова, но кто на это обращал внимание – война... после учеба, семья, работа. Поболит – пройдет. Что спровоцировало? Трудно сказать. Скорее всего – роды. Потеря голоса? Возможно, но вряд ли. Для человека это не смертельно. Но, знаете... наша голова очень темный предмет.

Аглая от полученных объяснений несколько успокоилась, уверив себя – не она повинна в смерти приемной сестры.

Борис впал в депрессию: для человека, может быть, и не смертельно, а Танечка без голоса жить не

смогла, он для нее был все. И как теперь ему жить без жены, без ее чудного голоса? Да и зачем?

Мария пыталась достучаться до «чужого» сына: жить надо ради ребенка, но он ничего не хотел слушать, отгородившись холодной стеной скорби. Тогда-то и появились бесчисленные рисунки белочек, с немым вопросом в пронзительно смотрящих глазах: «Почему»?

Через два года театр выезжал на гастроли в Болгарию. Под любым предлогом Борис просил оставить его в Ленинграде, с сыном. Но – поездка ответственная, всего две недели. У вас же мать в городе. Пусть поможет.

Как чувствовал.

Устанавливая ночью декорации, спросил монтеровщиков, закрепили на колосниках тяжелые щиты или нет. Болгары ответили «нет», утвердительно закивав головой. Слов не расслышал, а от усталости и нервного истощения забыл о предупреждении встречающей стороны: у нас все наоборот: «нет» – качаем головой утвердительно, «да» – машем из стороны в сторону. Не перепутайте.

Перепутал. Незакрепленные тяжелые декорации рухнули с шестиметровой высоты... Танечка «забрала» его быстро – по всей видимости, Там срочно понадобился хороший театральный художник.

Маленький Артур остался с Марией, невольно став «яблоком раздора» между ней и Аглаей.

Глава тридцать пятая

Желания

«Странно, мне кажется, это не я лежу в кровати, хрипло вдыхая царапающий гортань сухой воздух. Или все-таки я? Тогда почему я могу свободно рассуждать, ощущая легкость в теле? Неужели пришло время и скоро меня, как тогда Марию, вынесут на брезентовых носилках, накрыв казенной простыней, из-под которой будет торчать большой палец, поблескивая синим ногтем в лучах заходящего солнца? Бедная Мария. Санитары удивлялись «невесомости» старушки: к концу жизни она как-то вся высохла, сморщилась, казалось, даже стала меньше ростом. А было-то «старушке» всего пятьдесят семь лет...»

Лиза уверяла себя: Артур лежит в забытьи, ничего не слыша, не понимая и, скорее всего, не чувствуя. Так было легче пережить уход любимого человека. Пусть расстанется с этим миром, оставив свои горести и печали ей. Женщина на то и создана, чтобы страдать за мужа. Она сильнее и выносливее, поэтому мужчина первым покидает землю, страшась остаться один, без няньки...

Но она ошибалась.

...Головой я тогда все понимал, а душа закрылась. Не выплакал, не проорался... Как не выплакал смерть отца, как не понял мамин «уход» навсегда. Слово какое страшное: навсегда! Неужели это все? И больше ничего не будет: ни Лизы, ни Евы, ни меня на этой планете? Но ведь что-то должно остаться... «Из ничего не выйдет ничего». Но человек не «ничего», он – что-то! Даже самый последний, хоть один добрый поступок, но совершил за

свою жизнь. Тогда почему все мы уходим в небытие? Или все-таки Там что-то есть? А здесь остается память? И какая о тебе память, так Там и отражается твое дальнейшее существование... Но, может быть, наоборот: как Там происходит, как Там задумано, так и отражается здесь?! Тогда кто кого «зеркалит», кто на кого посылает «проекцию»?

* * *

Смерть матери он не мог осознать – слишком мал был. Ему просто сказали: мама ушла. Надолго. Но она обязательно вернется. Потом.

От боли, вызванной внезапной гибелью отца, сумела уберечь Мария. Он хорошо помнил, как в дверь позвонили: нерешительно, коротко. Разбросав по столу карандаши (рисовал подарок к приезду отца), соскочил со стула, бросившись к выходу:

– Папа, папа приехал!

Но бабушка, отчего-то охнув, медленно опустилась на стул, часто заморгав глазами.

– Баба, открой, это папа приехал! – тянул ее за холодную руку.

Открыли соседи. Вошедшие люди переминались на пороге с ноги на ногу, не решаясь вымолвить страшную весть. Собрав волю в кулак, она спокойно (нельзя напугать ребенка) спросила: как это произошло?

Ночью он проснулся от тихого, длинного «у-у-у-у-у-у-у». Бабушка сидела у стола, освещенная лунным светом и, обхватив седую голову руками, горестно скулила. Так воет обессиленная, потерявшая детенышей волчица. Он испугался. Увидев внука, она замолчала.

Нерешительно, нутром понимая – случилось что-то нехорошее, спросил:

– Папа уехал к маме?

Порывисто обняв внука, часто закивала, как бы в благодарность за подсказку:

– Да, к маме, к маме... Уехал. Они вернутся, но позже... так случилось, Артурчик. Мы с тобой подождем.

Через месяц после случившегося бабушка объявила:

– Завтра поедem в путешествие.

Какое, куда? Он извелся, не находя себе места. Самое дальнее, куда ходил – Зимний дворец. А тут! Поедут на электричке, затем на автобусе, потом пешком...

После внезапной смерти Бориса, чтобы прописаться в квартиру к Артуру (сына от детдома уберечь не смогла, но внука я вам не отдам!), необходимо было собрать массу всевозможных справок и подтверждающих бумаг. В том числе и выписку из детского дома, куда Бореньку определили в тридцать восьмом.

Северное солнце светило непривычно жизнерадостно жарко. Он устал: капризничал, гундосил, выказывая недовольство происходящим. «Зачем такое путешествие? Что в нем хорошего? Лучше бы на «Аврору» сходили». Как большинство мальчишек, обожал военные корабли, несколько раз, еще с отцом, побывав на легендарном крейсере. Она терпеливо объясняла:

– Потерпи, скоро придем.

– Чего ты ноешь? Смотри: погода чудесная, солнышко светит, свежий воздух, птички поют. Артур, выше нос, не ной!

Чем ближе подходили к желтевшему в хвое сосен двухэтажному дому, тем сильнее билось сердце. Мария успокаивала себя: устала, жара и, конечно, предстоящая встреча с детством сына, о котором она так мало знала, с которым так и не нашла общий язык. Трудно взрослому человеку, воспитанному чужими людьми, со сложившимся характером, найти точки соприкосновения с «внезапно объявившейся» матерью. Она все понимала, тихо изнывая сердцем, спрашивая себя бессонными ночами: за что? Почему ее жизнь сложилась именно так? Чем прогневала Бога, получив такую судьбу. Кого она предала – Николая, Антонио, Андрея? Выходило – всех. Поэтому и страдаю, поэтому не будет мне ни покоя, ни счастья в этой жизни...

Пройдя сквозь беленую арку, вступили на широкую аллею, украшенную фигурами гипсовых пионеров: один с горном, другой с поднятой в пионерском салюте рукой. Артур заинтересовался изваяниями, высвободив вспотевшую ладонь, слегка приотстав. Пусть побеждает, ничего с ним не случится. А саму будто кто подталкивал: скорее, вперед, вперед...

На одной из клумб увидела человека в белой рубашке навыпуск, бережно срезающего «выскочки» с пышного куста желтых роз. Садовник, наверное. Он обернулся... Внутри все оборвалось. Вот к кому спешила.

Глаза Антонио бесстрастно взглянули на поставшую любовь его жизни.

Она настолько изменилась?

Но в следующую минуту он, просияв, улыбнулся, протянув срезанную розу.

– Tu non assomigli agli altri. Tu prenderai! La più carina!²²

От неожиданности зарделась, как тогда, в саду этой проклятой виллы!

– Спасибо... – ответила на родном языке, – поздно...

Роза упала, осыпав шелк лепестков, желтой чертой подтвердивших прочерченную в далеких тридцатых границу между молодыми людьми.

За время, проведенное в разлуке с родным человеком, накапливается такое количество переполняющих тебя новостей и событий, переживаний, эмоций и чувств, которыми мечтаешь поделиться при первом же свидании, рассказав сразу все обо всем. Целая вечность прошла с их последней встречи... Говорить оказалось не о чем: не рассказать за два часа жизнь, не поведать и не излить всех чувств, не поделиться редкими моментами счастья – не получится. Так и стояли. Долго. Смотрели друг на друга, мысленно возблагодарив судьбу за предоставленную возможность еще раз свидеться на этой земле.

– Баба, баба, я пить хочу!

Кинулась на шею, разрыдавшись, забыв про внука, про суесящихся вокруг детей, про все на свете.

Потом были долгие рассказы и фотография с внуком...

Антон Иванович стоял счастливый, каким его прежде никто никогда не видел! Артур, напротив, надул

²² Tu non assomigli agli altri. Tu prenderai! La più carina! (итал.) - Ты совсем не похожа на других. Возьми! Ты самая красивая!

в упрямстве щеки, не желая фотографироваться «с этим дедом», отстраняясь от него маленьким тельцем.

Галина Пантелеевна, вкратце услышав, но, скорее, поняв и догадавшись, «кто кому дядя», поначалу впала в ступор! Слыханное ли дело: перед ней стояли мать и отец усыновленного Бореньки! (Отец, понимаете, отец! «Я-то думала, почему меня к нему так тянет?») Мало того – еще и внука довелось увидеть!»

Бориса помянули вместе. Затем она оставила их вдвоем, уведя Артура к себе:

– Пойдем, красавчик, со мной, пусть твоя бабушка поговорит с дедушкой.

...«Картинка» задрожала – слезы, собравшись в уголках глаз, «размыли» щемящее сердце тоскливым воспоминанием.

С бабкой он прожил недолго, до восьми лет, часто совершенно не понимая ее. Когда ему исполнилось семь, они переехали в один из небольших городков на юге: в промозглом Ленинграде мальчику с итальянскими корнями оказался «не климат».

* * *

– Да поймите, я только добра желаю! Тяжело вам с ним. Вся исхудала, в чем душа только держится? А у меня ему будет хорошо. Денег я зарабатываю больше, уход будет лучше, и накормлен сытно и вовремя. Вы же вся больная...

Бабка молчала, острым взглядом наблюдая за «благодетельницей».

Аглая приехала с одной целью – забрать племянника к себе. Понимала, прав у нее «с Гулькин нос», но и

эта (как она называла Марию Марковну), тоже имеет на ребенка «птичьи права».

– Давайте все решим по-хорошему. Я заберу Артура с собой, вы будете приезжать в гости...

«Пой, заливайся соловьем – мы воробьи стреляные. Как только отдам тебе внука, тут же меня и погонишь. У тебя на лице все написано – хищница».

– Значит, так, уважаемая Глафира Вениаминовна, послушала я вас, теперь послушайте меня. Мы с Артуром не бедствуем, ребенок накормлен, обут, одет. И сюда мы переехали не просто так – не климат ему в Ленинграде, болел часто. Чем Новосибирск лучше? Тот же холод. А внуку тепло необходимо, море, фрукты. Так что вы поезжайте, а мы здесь останемся. В гости приезжайте, всегда будем рады...

Не пришли они к согласию ни тогда, ни позже. Каждый тянул ребенка на свою сторону. Однако жизнь все расставила по местам.

* * *

– «Кинотеатр» пора закрывать. Вы сделали выбор?

– Единственное, что я не понял...

– Опять про кошку?

– Нет, я про... Кстати, почему у кошек, в отличие от людей, семь жизней?

– Прекратите морочить мне голову.

– Если вы не знаете, так и скажите.

Напарник внимательно прислушивался к диалогу между Стариком и высшей сущностью, недоумевая про себя: опять он «поймал» его! Кто же он такой, чего хочет? Какова цель пребывания с нами не сданного вовремя духа? Почему он имеет столь сильное влияние на Не-

кто, у которого, того и гляди, проявятся человеческие эмоции, и главная из них – сострадание?

– Кто вам поведал сей абсурд? Кошка – высоко-развитый живой организм, существующий благодаря соединению души с физическим телом. В момент их разъединения кошка, как и все живое, умирает. Это понятно? По-другому жизнь не земле не устроена, еще не придумали. Но так как в строении тел кошки и человека есть небольшие различия (надеюсь, вы их заметили), то, по логике, должно существовать отличие и между их душами. Согласны? Продолжив несложный логический ряд, приходим к заключению: душа кошки приходит сюда из иных миров, нежели ваша душа. Вывод: в отличие от ваших душ, воплощающихся в человеческих образах бесконечное количество раз, душе кошки разрешено воплощаться не более семи. Отсюда и ваши, как всегда, ошибочные воззрения насчет семи жизней.

– На сей раз, никакой ошибки нет.

– Отчего?

– Вы сами сказали: воплощается семь раз.

– Хм, да вы софист. Но, сознайтесь, изначально вы имели в виду конкретную кошку, способную умереть и воскреснуть семь раз, так сказать, за одно воплощение.

– Допустим. Но семь – правильный ответ.

– С вами становится интересно спорить. Вы почти правы, но в этом и ваша беда. Почему? Лишенные здесь своих знаний, с заблокированной памятью, вы «недотягиваете» до истинной точки познания всего чуть-чуть. При этом, подсознательно находясь на верном пути, вы воды делаете с максимальным отклонением. Но об этом

мы уже говорили. Кстати, в этом и заложен глубинный смысл эксперимента.

– Эксперимента, который кто-то проводит над людьми? И ради чего?

– Вот! О чем я и говорил. Понимая процесс, вернее, пытаясь его понять, вы совершенно не представляете его течение и конечную цель. Никто, поймите, никто не проводит над людьми эксперимент. Да, вначале он задумывался именно так, но очень скоро условия и правила изменились. Вы, и только вы все решаете, являясь не испытуемыми, не «подопытными кроликами», а экспериментаторами, ставящими опыт с энергией на самих себе.

– По вашей логике, человек творит, сам не зная что?

– Так ли часто люди ведают, что творят?

– То есть, вы подтверждаете полную неосознанность наших действий.

– Вы любите загадки?

– Допустим.

– Представьте, вам загадали одну из них, мягко говоря, не очень простую. Вам будет интересно узнать ответ сразу или все-таки решите «поломать голову»? Как там говорил ваш тренер: то-то и оно! Человечество не появилось на пустом месте, оно – плод огромной работы... Сейчас я попытаюсь объяснить. Ваши тела не могут существовать отдельно от души. Когда ребенок рождается, душа уже находится в нем, более того, она поселяется в первой колыбели – материнском чреве, сразу после оплодотворения яйцеклетки. Но как душа понимает: пора. Почему практически не бывает опозданий и

сбоев? Этот сложный процесс регулируется и контролируется свыше. Огромное количество клиентов «записано» в очередь на воплощение именно в человеческих телах. И время своего воплощения выбирают они не случайно, и место, и родителей, и предстоящие испытания. Они должны знать, на что идут, что их ждет. Это игра, в которой правила устанавливаются «до начала», оставаясь неизменными до конца. Но, спросите вы, в чем смысл, если «результат» известен заранее? Смысл появляется, как только включается ваша дуальность. Вы не задумывались, почему у детей такие мудрые глаза? Они еще помнят кто они, откуда и, главное, зачем сюда пришли. Но сказать ничего не могут – младенец должен все забыть. Вот почему говорить ему разрешено с двух лет. Но, «забыв обо всем», вам предстоит делать правильный выбор, верно решая задачи, которые (парадокс!) вы сами себе и задали. Как в учебнике по математике: на одной странице условия задачи, в конце – ответ. Но решать надо самому. Результат от себя вы закрыли плотной «завесой» стертой на время памяти. Но, если вы принимаете верное решение – тысячекратно увеличивается выброс энергии Туда. И Вселенная чуть-чуть, «на миллиметр» приближается к своему бессмертию, к вечности. Значит, к бессмертию приближаетесь и вы: ведь после того явления, которому здесь дали столь страшное имя – смерть, вы возвращаетесь домой. Каждый в свое Поле, но – домой, принося с собой бесценный опыт. Но при чем здесь, спросите вы, тело? При том: самостоятельно душа не может существовать в искусственно созданной системе третьего измерения, а тело без души... впрочем, об этом я говорил. Душа вне тела знает ответы, тело – нет. Оно

дано вам с одной целью, как хранилище мозга, на который и возложена обязанность ежедневно, ежечасно совершать выбор. Но не все так печально. Для правильного выбора вы оставили себе подсказки в виде снов, видений, искусств. Да-да, не удивляйтесь, именно искусство и, прежде всего – музыка, призвано вызывать в вас то, чего нет в других планетарных школах – чувства. Беда в том, что, испытывая верное чувство, первым импульсом входящее в сознание, человек зачастую отмахивается от него, прислушиваясь к неразумному «голосу разума». И еще одно. Вселенная всеми силами старается оказать вам помощь. Но она так же бесстрастна, как и мы, выполняя земные просьбы с восхищающей прямолинейностью.

Глава тридцать шестая

Измерения

Когда страстно хочешь чего-то добиться – обязательно появляется шанс. Главное – не упустить. Если искренне просишь о чем-то – непременно получишь. Важно суметь унести. Случается, конечно, испрашиваемое приходится ждать слишком долго, но рано или поздно оно все равно настигнет. При этом желательно быть готовым к последствиям, которые нередко оказываются непредвиденными и неожиданно-нежелательными. Как говорится: бойся своих желаний.

* * *

Аглая страстно желала взять Артура к себе.

После смерти Татьяны в ней боролись чувства вины и неразделенной, «пропавшей зря» любви. С одной стороны, она хотела искупить свою вину (не предумыш-

ленную – не хотела я Таниной смерти!) и воспитанием мальчика вымолить прощение; с другой, не имея своих детей (не дал Бог), мечтала быть рядом с тем, в ком текла «родная» кровь Бориса.

В декабре шестьдесят шестого года Григорий Константинович вернулся со службы радостно-возбужденный, с букетом цветов, шампанским и большой коробкой конфет «Кремлевские», местной кондитерской фабрики. Загадочно улыбнувшись, раскинул руки для объятий. На недоуменный вопрос о причине внезапного торжества ответил кратко, по-военному:

– Поздравь!

– Поздравляю. С чем?

– Ты стала женой генерал-лейтенанта!

Захлопав в ладоши, Аглая запрыгала от радости.

– Меня переводят в пятую воздушную армию.

– Это где? – спросила игриво.

– Восточный берег Крыма. Под Керчью.

Она застыла с букетом в руках. Совершенно не к месту (что называется, ни к селу, ни к городу) перед внутренним взором возник образ цыганки с Театральной площади: бесплатно никогда ничего не дают, запомни... Озноб пробежал по спине. Да нет, я вчера вымоталась в «Самсоне». (Партию Далилы считала своим талисманом, но и сил она отнимала немало: весь следующий день после спектакля приходилось отлеживаться, приходя в себя).

– А я? Что буду делать я? В Керчи нет ни оперы, ни театра.

– Ну, золотце мое, есть другие площадки, я не знаю, – он растерялся, – можно в домах офицеров петь.

– Что?! Сколько раз говорить: я не пою! Я исполняю! Поют солдаты, маршируя на плацу!

Опять скандал. Угораздило влюбиться в сумасбродку! Он вошел в кабинет, как можно тише закрыв дверь.

– И не надо хлопать дверью! У себя в штабе нервы показывай, а здесь не надо! Только о себе думает! А что будет со мной – не важно! Конечно, Аглаечка и в клубе споет: «Родина слышит, родина знает, где ее сын в облаках пролетает»!

Выскочил красный, с расстегнутым воротником форменной рубашки и свисающим на закатке галстук.

– Что ты имеешь против Родины?

– Против Родины я ничего не имею, но петь в твоих клубах – уволь!

Три дня стороны держали глухую оборону. Три дня театр «ходил по стеночке», старательно избегая встреч с заслуженной артисткой Глафирой Степановой. На четвертый «штаб ВВС» выбросил белый флаг. Условие противоборствующая сторона выдвинула жесткое, но выполнимое.

– Я поеду с тобой, но жить мы будем в городе, где живет Артур, с этой...

Высшие силы нашли возможность выполнить ее просьбу, хоть и несколько необычным способом. Чем вы опять недовольны, Аглая Вениаминовна? Получите заказанное.

Аглая увидела их случайно, поначалу не придав значения: Григорий Константинович помог выйти из служебной «Волги» невысокой, невзрачной (как ей показалось) молодой женщине. Подумаешь, подвез коллегу

по службе, проявил такт, галантность. Но ревность уже скреблась в женской душе, разъедая, лишая покоя и уверенности.

Через месяц под дверь сунули записку. Печатные буквы «запрыгали» в глазах: «Муж вам изменяет. Доброжелатель». Стало противно и мерзко. Брезгливо скомкав, подожгла, бросив в пепельницу. Характерный щелчок замка послышался через минуту. Пришел, как всегда в последнее время, уставший, изможденный «работой». Сухо чмокнул в роскошные волосы, удивившись: «Горелым пахнет». Увидев тлеющий в пепельнице скрюченно-скукоженный пепельный лист, приобнял, фальшиво рассмеявшись: «Уничтожаешь компрометирующие документы»? Она прижалась к его груди, погладив по успевшей покрыться колючей щетиной щеке... женщиной пахнет, чужой. С сочувствием посмотрев в «отсутствующий» взгляд мужа, отстранилась, с размаху влепив звонкую пощечину.

Он не отпирался.

– Да. Полюбил. А что ты хотела? Твои придирки, скандалы, капризы – кто это может выдержать? Раньше? Любил. Но и ты другая была. Блистала в театре, освещенная софитами. Они тебя вели, как прожектора попавший в прицел самолет. Вот я и «выстрелил». А голос! Как ты пела...

– А по чьей милости я наложила на себя обет молчания?!

Ваза богемского хрусталя полетела в люстру, взорвав несколько лампочек.

– На молоденькое тело потянуло? И что вы все в этих коротышках находите? Куда только глаза смотрят...

Успокоилась, как обычно с ней бывало, внезапно.

– Значит, так, Зимушкин. Хочешь свободы – получишь. Собирай свои манатки, и чтоб я тебя больше не видела...

– Ты ничего не перепутала? Вообще – это моя квартира.

– Наша. Была. Если не хочешь получить аморалку, снятие с должности и понижение в звании... а ты меня знаешь! Кстати, еще и партбилет на стол положишь. Так вот, – в раздражении пыталась сдунуть с лица мешающую прядь, – собирай шмотки, и чтоб через два часа духу твоего здесь не было!

Пятикомнатные хоромы, конечно, жаль, но – дело наживное. Генерал в смешанных чувствах собирал чемодан – он и не мечтал так быстро получить отступную. Аглая, освещенная принесенным в кухню торшером (света ему мало – будет вам софит!), сидела за рюмкой коньяка, «закольцовывая» их роман арией Любаши: «Вот до чего я дожила, Григорий»...

Утром её ждал еще один «сюрприз»: от перенесенного нервного стресса она потеряла большую часть своих шикарных волос, оставшись без той пышной шевелюры, которой всегда хвалилась перед подругами. Бесплатно ничего не дают. Таню лишили голоса и жизни, меня – волос и мужа... Кольцо! Где это чертово кольцо?!

После Таниной смерти Аглая умудрилась забрать его обратно, тихо, никому ничего не объясняя, убеждая

себя – все это цыганские сказки. Теперь не поверить было невозможно.

Обыскав все ящички, шкафы и полочки, нашла ярко-зеленый изумруд в кармане старого, генерал-майорского кителя. Как оно туда попало?!

Она не выбросила «подарок судьбы», не закопала. Испугалась – найдут, примерят... что тогда будет? Нет уж! Завернув «обжигающий» руки камень в массу тряпочек, положила в железную коробочку из-под китайского чая, поместив ее в большую – картонную, затем в обувную, засунув «саркофаг» в дальний угол антресоли, наглухо закрыв дверцы.

Игла в яйце, яйцо в зайце, заяц в утке...

Держалась долго. Через неделю, наревевшись вдоль, решила пойти на мировую... с Марией Марковной.

Дверь открыл Артур. Он повзрослел, вытянулся. Увидев племянника, Аглая твердо решила забрать его к себе. Хватит на мою голову испытаний. Устала. Никому больше его не отдам. Обняв единственного родного на земле человека, спросила:

– Где бабушка?

– Лежит в комнате.

Маленькое тело «терялось» в тяжелых одеялах. Странно, апрель на дворе, а она так мерзнет... Аглая все поняла.

– Вам в больницу надо.

– Нет... с кем внук останется?

– Со мной... если не возражаете.

– Да как возразишь, я теперь воробей «подстреленный».

– Сейчас, вызову «скорую».

– Подожди. Не торопись. В сумочке, да, в этой... открой. Там адрес. Нашла? Хорошо. И телефон. Позвони.

...Потом он ходил к той больнице каждое утро, тридцать лет просовывая в щели облупившейся штукатурки записки, состоящие всего из трех слов: «Quanto ti amo»²³. Вначале его пытались прогнать, принимая за сумасшедшего, потом привыкли, прониклись сочувствием, к вечеру вынимая сложенные вчетверо листочки. Как сказал один доктор: не мешайте Старику, он нашел свою «Стену плача»...

В палате на пять человек ее кровать стояла у окна. Хорошо: днем можно любоваться высоким небом, ночью считать зовущие к себе звезды... Антонио долго стоял перед дверью, не решаясь войти. Боялся – увидев ее в таком состоянии, не сдержит подступившие рыдания. Мария позвала сама:

– Входи, не бойся.

Присев на краешек стула рядом с железной кроватью, смотрел на нее, представляя жизнерадостной молодой сеньорой, «отчитывающей» летящую на нее вислouxую таксу. Как она смеялась...

– Ты знаешь, – Мария заговорила грустно, с сожалением, – я всю жизнь представляла себя кошкой. Почему – не знаю. Говорят, у них семь жизней... Скажу тебе по секрету – это правда. Шесть я уже прожила. Осталась последняя, седьмая. Но и она подходит к концу...

Утомившись, замолчала. Он нежно держал в ладонях ее похудевшую, «детскую» руку, понимая: последняя встреча. Больше он ее никогда не увидит.

²³ Quanto ti amo. (Итал.) – Как я люблю тебя.

Словно «услышав» его мысли, Мария, уже в забытии, тихо зашептала:

– Увидимся, мы еще увидимся с тобой, дорогой мой... ты только пиши мне. А то за всю жизнь – ни одного письма. А я так ждала... Ты чаще пиши... и приноси... Не опаздывай, иначе случится беда, а я дождусь... мы встретимся...

Мария Гольдштейн умерла четырнадцатого апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. В шесть часов восемь минут утра.

* * *

– Мы вновь вернулись к этой цифре. В дате смерти вашей возлюбленной число «четырнадцать» повторяется три (три!) раза. Вам не кажется это странным?

– Мария имеет отношение к династии Бурбонов?

– Нет, – Некто ухмыльнулся, – скорее, к французской истории. Помните молодого швейцарца – офицера первой ночной стражи? Его наказали за суеверие. С тех пор весь его род «ходит под числом четырнадцать». Мария – одна из его прямых потомков. Кстати, как и ее внук, ждущий вашего решения.

Подойдя к «Белкиной стенке», Старик долго смотрел на портреты, внутренне советуясь с ними. Что бы сейчас сделал Семка или Борис? Как поступила Аглая? Скорее всего – показала бы кукиш: нате, выкусите! Должен быть какой-то выход! Не может не быть... И тут он заметил, как пробившийся в узкую щель плотно задернутых штор солнечный лучик блеснул зеленым огоньком изумруда на левой руке почти вдовы его внука.

– Вы предложили решить трудную задачу. Убить внука я не могу. Но и сделав выбор «в пользу» его же-

ны... долго ли Артур протянет после ее смерти? Безвыходная ситуация. Но все это время вы доказывали обратное: выход есть всегда, надо только сделать правильный выбор. И этот выбор может сделать лишь живой человек. Значит, я еще не умер.

– Это понятно. К чему вы клоните?

– К тому, что священное право выбора я могу использовать так, как сочту нужным.

– ?

– Предлагаю сделку.

...Артур почувствовал в себе непреодолимое желание жить. Вместе с решимостью тело наполнилось энергией, и он с поразительной ясностью осознал – ничего невозможного нет, надо только очень захотеть...

Такого поворота событий Некто не мог вообразить. Напарник заинтересованно посмотрел на дерзкого «клиента», посмеявшего не только возражать и перечить, но и ставить условия. Оба заинтересованно закивали: – ну?

– Как вы сами сказали: вас, говоря человеческим языком, Там «подставили». Почему это коснулось меня – мы с вами не знаем, но именно через меня, вернее, через мою несвоевременную смерть, мы все получили «головную боль».

– Это становится забавным, продолжайте.

– Выходит, я не должен был попасть под тот грузик. Тогда можно предположить – окажись я дома, не выйди на улицу в столь ранний час, или выйди позже, проблем бы не возникло. Мое предложение: вы возвращаете меня назад, в то время, когда я еще лежал в своей кровати. Все.

Эвакуаторы переглянулись, обдумывая «заманчивое» предложение.

– Тогда, – начал Некто, – мы должны будем эвакуировать кого-то другого.

– Возможно. И, скорее всего, того, чье время пришло.

– Нереально. Для этого придется вновь вторгнуться в эту категорию, разрушив недавно восстановленный баланс. Слишком много времени прошло от «точки возврата».

А Старик прав. Он не должен был «знакомиться» с нами. Скорее всего, верни мы время вспять, он не сможет выполнить своего странного, постэвакуационного предназначения, но так будет лучше для всех. – Напарник заинтересованно вводил новые координаты в стексис. – Скорее всего, он уже вышел из состояния дуальности... Как все-таки интересно она задумана: ничего не помнят, ничего не понимают, вынужденно «бродят» свое очередное воплощение впотьмах, как слепые... Картина Брейгеля!

– Расчеты подтверждают – вполне возможно. Время еще есть.

– Он забудет, о чем мы говорили, и вновь покинет дом в назначенный час.

– Это уже ваша забота, как сделать, чтобы я не вышел из дома.

– Вы просите невозможного, мысля, как существующий в трёхмерном пространстве индивидуум. Позвольте объяснить еще кое-что... Трёхмерность привычна для вас, но так было не всегда. Представьте плоский лист с нарисованным человечком. «Бумаж-

ный» житель знает лишь высоту и ширину, и это для него абсолютно нормально. Теперь переместим его в ваш мир. Как вы думаете, что произойдет? Правильно, бедняга «сойдет с ума». Оказаться внезапно, без подготовки, в новой реальности – вещь трудная и, как вы убедились на своем опыте, малоприятная. Это как посадить водителя автомобиля за штурвал вертолета: вдобавок к привычным для него действиям на плоскости, он будет вынужден удерживать машину в воздушном потоке. Но и ваша система изначально была несколько иной, с допущенной досадной ошибкой. В таком виде задуманный эксперимент терял смысл: находясь в одной точке «подвешенного» состояния, вы не имели возможности меняться, получать опыт, знания, испытывать чувства. Тогда-то к трем пространственным величинам добавили четвертое измерение – время, позволившее проходить урок «линейно», от начала до конца. Но, помимо вашей трехмерности, существуют иные параллельные миры и реальности, с другими измерениями. Одно из них, для удобства назовем его пятым, позволяет «свернуть» время. Кстати, вначале ваше время и было «свернуто», как кинолента в коробке. В развернутом состоянии процесс разворачивается во времени, не соприкасаясь «кадрами» друг с другом, в коробке же «кадры» накладываются один на другой, существуя одномоментно. Но это не все. Вы мечтаете о мгновенном перемещении в пространстве, перекрывая его на громоздких летательных аппаратах. Зачем? Для этого существуют порталы... как заграничный паспорт. Не у каждого он есть, но его обладатель может позволить себе несколько больше. Следующее – по

счету, но не по значимости, седьмое. Позволяет создавать новое пространство, в случае необходимости «построить свой мир» в существующей реальности. Сродни катапульте: необходимый для выживания предмет, которым пользуются в случае крайней необходимости. Восьмое – Зеркальное измерение – позволяет не только построить свой мир, но и открывает возможность погрузиться в другого индивидуума, влезть, как у вас говорят, в «чужую шкуру», испытывая все чувства, одновременно оставаясь самим собой. Так сказать – умение одновременно находиться в разных местах, «зеркалить» процесс. И, наконец, Девятое, самое важное (для нас с Напарником практически недостижимое): способность сопереживать... Если вы помните, при эвакуации вокруг тела Артура постепенно загорались восемь разноцветных точек. Не засветилась лишь девятая – в центре. Почему? Это душа. В момент эвакуации, по-вашему – смерти, по-нашему – возрождения, она отделяется от тела, покидая систему третьего измерения. Парадокс земной жизни в том, что, одарив вас сопереживающей душой – главным, Девятым измерением, вам закрыли доступ к остальным. От этого вы не можете жить в гармонии. Но секрет прост: все, о чем я рассказал, находится внутри вас, открываясь по мере работы души. Чем выше сущность растет духовно в своем очередном воплощении, тем в больших измерениях ей позволено присутствовать после «возвращения домой»... в отличие от нас, навсегда лишенных доступа к Девятому измерению. Надеюсь, теперь вы поняли: у нас нет не только права вторгаться в вашу жизнь, но и такой возможности...

Телеграмму вручили поздним вечером: «ПРИЕЗЖАЙ ЗПТ ОТЕЦ ОЧЕНЬ ПЛОХ».

В последние два года ее жизнь дома превратилась в череду ссор и скандалов, возникавших на пустом месте. После переезда, не сразу, отец изменился, стал угрюмым, нелюдимым. С годами его замкнутость перелилась в раздражение упустившего свой шанс неудачника. Ева злилась, порой ненавидела отца за пассивность, нежелание помочь маме (та всю жизнь крутилась, как белка в колесе). Когда ей исполнилось шестнадцать – твердо решила уехать из дома, поступив в медицинский институт. Почему в медицинский? Девушка готова была поступить куда угодно, только бы уехать от родителей, от пыльных макетов несбывшейся мечты, от погрязшей в чертежах и «вечных» расчетов матери. Надоело! Лиза решению дочери не препятствовала, а отец, впервые, как ей показалось, за долгие годы проявив интерес к ее персоне, пробурчал себе под нос что-то вроде: трудно жить с нелюбимой профессией. Смотри, не ошибись, подумай хорошенько.

Год она прожила, порхая, словно стрекоза из басни, не приехав даже на каникулы. Юношеский максимализм и уверенность поселил в душе мнимую свободу и кажущуюся независимость – не нужен мне никто, сама проживу. Полученная телеграмма отрезвляющим ударом привела в сознание: дочь и не подозревала, как любит отца! Как скучала по нему, по маме, студенческим весельем заглушая чувство тоски по родному дому.

Ранним утром Ева, с отеками от бессонной ночи и пролитых слез глазами, вышла из плацкартного вагона,

прибывшего на третью платформу скорого поезда. Вокзал жил обычной жизнью: обнимались родные и близкие; оглядываясь по сторонам, выходили из вагона командированные; зевая, сгружали багаж отпускники. Люди спешили по своим делам, и никому не было дела до молодой девушки, в растерянности и тревоге (Что с отцом?) идущей по перрону.

Она увидела Старика издали. В рубахе навывпуск, он шел своей обычной размеренной походкой, ссутулившись, опустив голову.

«Ходит, будто ищет на земле давно утерянное, – подумала машинально, – почему в детстве мы с подругами боялись его, заведя на улице, тут же перебегая на другую сторону? Безобидный, даже забавный, старик. Наверное, в каждом городе есть «свой сумасшедший».

Поравнявшись с шаркающим по мостовой «дедушкой», Ева улыбнулась и, пройдя два шага, развернулась – посмотреть ему в след. На удачу...

Старик шел к больнице обычным маршрутом. Вроде, все как всегда: сегодня он вышел несколько раньше обычного и не должен опоздать, но сердце сдавило нехорошим предчувствием. Тридцать два года он ходит этой дорогой, в надежде на обещанную встречу, а ее все нет и нет... И сегодня тоже не будет.

Редкие прохожие обгоняли его, но Старик не замечал этого – жизнь давно ушла вперед, населив планету новыми жильцами... Вот еще одна молоденькая девушка идет навстречу, выстукивая каблучками летних туфелек... поравнялись, она пошла дальше... ему захотелось оглянуться...

Посреди улицы стояла Мария. Кудряшки длинных волос касались ее загорелых плеч, губы приоткрылись в знакомой улыбке, а глаза смотрели, как семьдесят лет назад: приветливо и задорно.

Вот и свиделись.

Da quanto tempo ti aspetto, amore mio²⁴...

Из-за поворота на огромной скорости выскочил тяжелый грузовик...

– Я не хотел этого... Нееееет!!!

Глава тридцать седьмая

Замысел

– Я не хотел этого! Не хотел!!!

– Поэтому предложил другу трижды сказать «нет», прекрасно зная, к чему это приведет?

– Я не знал. Я не предатель, слышишь?! Не предатель!!!

Выхватив меч, Агнелиус пытался разрубить ненавистное Зеркало.

– Круши, не круши, а предатель именно ты. Вообразил, избегаешь всех и вся? Нет, ты избегаешь себя. Но от себя не уйти.

– Должен быть способ вернуть друга.

– Оттуда? Невозможно.

– Нет ничего невозможного – так всегда говорил Учитель.

– Учитель... ты не задумывался, почему именно тебя он попросил сделать Воину предложение стать

²⁴ Da quanto tempo ti aspetto, amore mio (итал.) – Как давно я жду тебя, любовь моя.

Главным Смотрителем? Может быть, у него был свой интерес, свой замысел?

* * *

Прошла целая вечность, прежде чем Агнелиус решился предстать перед Учителем. Сидя на высоком стуле, тот парил над покрывающим огромную бездну «нижнего неба» хрустальным куполом, внимательно вглядываясь в далекие созвездия Пятого Поля. Туда, где эоны времени (которое для него давно остановилось) находился тот, с кем он поступил так жестоко.

* * *

Стоила ли жизнь лучшего из Ангелов затеянной мной игры? Весь этот эксперимент задуман с целью получения и выброса в Далекое, еще не оформленное Поле, огромного количества энергии, которая может преобразаться (многократно увеличиваясь) лишь стараниями (скорее – страданиями) воплощающихся в Пятом... Нет, все верно: данная работа настолько важна, что игра, как говорится, стояла свеч. Да, Стражники нашу задумку (как и многое другое) не понимают. Как только речь заходит о сострадании, Старший Стражник наливается гневом, готовый уничтожить все вокруг. Он нетерпелив, а нетерпеливому подавай мгновенный результат. Нетерпеливые хороши «в беге на короткую дистанцию», поэтому структуризация жизни в Далеком Поле окажет на Стражников (это они как раз понимают) разрушительное воздействие. У них не хватает ни сил, ни возможностей контролировать столь обширное пространство. Значит, пора завершать игру, пришло время возвращать любимого ученика.

* * *

Агнелиус приблизился, зашелестев оперением потускневших крыльев. Он хотел сказать: «Учитель, я предатель», но вдруг понял: у него нет права так обращаться – чему тогда тот его учил? Поэтому тихо произнес:

– Я предатель.

– Ты так думаешь?

– Я предал Воина, убедив трижды отказаться от предложения Стражников.

– Я знаю.

– Вы знали, и согласились встретиться со мной?

– Я хорошо *тебя* знаю. И когда просил поговорить с Воином, был уверен – ты поступишь именно так, как поступил.

– Зачем вы это сделали?

– Твой друг был горд, порой до заносчивости, целеустремлен до безрассудства и бескомпромиссен, иногда до жестокости... Воспитанный в наших традициях, обретя бесценный опыт в Пятом Поле, он тем не менее оставался носителем их крови, хотя и не знал об этом. Согласись он на предложение Старшего Стражника, неизвестно, как все могло повернуться. Возможно, они смогли бы одержать верх. Ты заметил: воплощения Ждущих, из подвластных Стражникам Полей, всегда приносило на Землю беды: войны, агрессию, страдания, катастрофы и катаклизмы планетарных масштабов. Стражники по своей природе разрушители: с их приходом во власть всегда возрастает зло. Тогда как пребывание в Пятом Поле Смотрящих Хранителей сопровождалось расцветом искусств, науки, культуры – созиданием. К сожалению, сейчас идет эра Стражников, поэтому на

Земле они воплощаются чаще и в большем количестве. Будучи приверженцами жесткого порядка, они целенаправленно губят фантазию, творчество... самое страшное в том, что их методы способны убить любовь. Но без любви наступит конец. Конец всему. К сожалению, в силу своей ограниченности, они не хотят этого понять. Поэтому... их необходимо было поправить. Как ты понимаешь, прервать передачу власти невозможно – нарушится баланс сил. Тогда я и придумал все это... Прежде, чем занять место Главного Смотрителя, Воину необходимо было познать и почувствовать боль. Не только свою, но и чужую. Для этого Стражники должны были сами изгнать его в Пятое Поле. Как? Через тебя. Да, да, Агнелиус. Опасаясь, что Воин примет предложение Стражника, я поговорил с тобой и утвердился в своем предположении: ты сам хочешь занять эту должность. Значит, сможешь убедить друга трижды отказаться от предложения. Так он станет бунтовщиком, а ты – предателем. При этом я был уверен: став свидетелем и участником изгнания Воина, увидев результат своего поступка, ты испытаешь глубочайшее чувство вины и раскаяние, которые помогут тебе стать первым Ангелом с бьющимся в груди сердцем. Воин же, после всех испытаний, обретет «человечность»... Как видишь, я не ошибся.

– То, о чем вы говорите, реально воплотить лишь в Пятом Поле. Никто из нас не имеет на это права, тем более Воин: границы его пребывания жестко определены – он не может быть ни там, ни вернуться сюда.

– Ты поможешь ему.

– Один раз я уже помог.

– Ты даже не представляешь, как.

– Что я могу еще сделать?
– Вернуть его.
– Невозможно.
– Недавно ты сам говорил: ничего невозможного нет.
– Мы не имеем права...
– Право имеет каждый. Не каждый готов решиться.
– Вы хотите, чтобы я умер?
– Я хочу мира и любви. И достичь этого я хочу путем созидания. А как это произойдет – каждый решит для себя сам. Ты согласен?

Крылья ангела вновь приобрели прежний оттенок, а латы и волосы – блеск.

– Вижу – согласен. Тогда слушай внимательно. Ты прекратишь свое существование как сущность, обрета плоть и кровь, в твоей груди будет стучать сердце. Ты станешь живым.

– Я умру?

– Ты возродишься, научившись жертвовать собой ради других.

Учитель приблизился к хрустальному куполу, под которым, в свете яркой Звезды, парили планеты Пятого Поля. Силой воображения увеличив «картинку», приблизил к экрану Землю. Скрепленная опоясывающей магнитной решеткой, она вращалась в вихрях зарождающихся циклонов, сверкая ледяными шапками горных вершин, струясь, словно артериями, полноводными реками, притягивая темными глубинами океанов.

– Через мгновение ты все забудешь, сейчас смотри и постарайся запомнить.

Он рассказал о предстоящей смерти-жизни одного из своих лучших учеников. О любви и ненависти, о горе

и боли, что выпадут на его воплощение в человеческом образе. О потерях и радостях.

– Этот сплав закалит тебя, позволив раскрыться сердцу. Рождаясь, люди уверены – в их груди бьется сердце. Но оно закрыто. Чтобы его открыть, необходимо почувствовать страдание ближнего, как свое собственное. Понять другого, почувствовав его боль. Когда раскроется Сердце – придет Знание. Знание поможет понять: ничего невозможного нет. Поняв это, обретешь Мудрость – умение отличить то, что принесет пользу тебе или другим. Мудрость поможет понять, кому нужна эта польза, и нужна ли вообще. Мудрость – это умение сделать точный выбор на благо. Поняв, ради кого ты готов совершить благо, обретешь Силу – способность совершать невозможное. Пройдя этот путь, ты научишься жертвовать собой ради других, ты станешь сама любовь, и тогда ты сможешь вернуться.

– Я не могу умереть без решения Совета.

– Не всегда надо спрашивать разрешение. Если ты меня внимательно слушал, должен понять – все твоё скитание в Среднем Поле было ничем иным, как длительной подготовкой к этому разговору, а он – к выполнению твоего предназначения: помочь Воину вернуться обновленным. Сейчас главное – твоё желание, высказанное твердым намерением, и тогда ты получишь такую свободу, такую энергию Любви, способную изменить даже Стражников... Готов?

Удар заставил вздрогнуть от неожиданности. Хрустальный купол треснул... Окруженный миллиардами рассыпавшихся осколков, навстречу к другу и своему

возрождению стремительно падал ангел по имени Агнелиус из рода Смотрящих, клана Хранителей.

* * *

Поднявшись к башенным часам, Некто наблюдал за Стариком, неспешно шагающим своим обычным маршрутом. Напарник оказался прав – Старик благополучно прошел точку столкновения с грузовиком. Сейчас он завернет за угол, и опасность минует его (нет – всех нас!) навсегда. Хотя, разве здесь бывает «навсегда»? Территория вечного балансирования на грани... В конце квартала показалась девушка. Погруженная в свои мысли, она шла, казалось, ничего не замечая вокруг. Поравнявшись со Стариком, прошла мимо... но отчего-то оглянулась, и он тоже... Так вот кого Антонио ждал всю жизнь! Вот почему мы таскали за собой это мертвое тело с неотлетевшей душой!

В это время из-за поворота неожиданно вылетел грузовик.

Не может быть! Через секунду солнечный свет прольется на блестящую стрелку, рассыпавшись отразившимся лучом в витринах и зеркалах, в том числе и зеркале этой машины. Этого нельзя допустить...

Старик, увидев несущуюся на Марию груды железа, закричал: «Нееет»! С неожиданным для своего возраста проворством подскочил к девушке и, резко дернув за руку, увлек ее на себя.

...Некто поднялся выше, неосознанно «расправив» давно утерянные крылья, заслонив собой циферблат. Удар луча пришелся в область солнечного сплетения, пробудив в памяти далекое воспоминание: он падает в

бездну... жарко, невыносимо жарко... и что-то стучит в груди...

Черт! Раззява, вылезла на середину дороги! Горелый в последнюю секунду вывернул тяжелый руль, чудом проскочив мимо падающей на тротуар девушки.

Упав на камни, она ободрала коленки, порвав чулки, с досадой подумав: «Это была последняя пара»!

Старик лежал на мостовой, запрокинув голову к небу. Сердце стучало все тише, но это уже его не беспокоило. Он встретился с той, кого любил больше жизни и которую сумел спасти, сам превратившись в Любовь.

Одновременно с угасанием картин в системе Третьего измерения ему открылось происходящее в параллельной реальности.

Некто стремительно падал на землю, утратив, после совершения непредписанно-противоправного для эвакуаторов деяния, способность к свободному перемещению. Со всех сторон к нему устремлялись собратья, стараясь помочь, поддержать, бережно начав эвакуацию.

Вокруг парившего, с помощью ангелов, Некто начали зажигаться разноцветные огоньки, окружив тело восемью светящимися точками. И тут, неожиданно для всех, от этих точек, из угла в угол, крест-накрест потянулись светящиеся диагонали, в месте пересечения которых засверкала, отсвечивающая золотым блеском, девятая. С ее появлением Некто преобразился, облачившись в темно-синие латы, расправив вновь обретенные крылья.

– Я рад осязать тебя, Воин. Ты вернул свое имя!

В недостигаемой высоте звучал знакомый голос мудрого Учителя.

– А я... – Старик не успел ничего сказать.
– Агнелиус, ты молодец. Ты справился. Мы гордимся тобой.

– Я могу возвращаться домой?

Ответ пронзил с противоположной стороны. На окрашенном лучами восходящего солнца красно-золотом облаке парил Старший Стражник:

– Нет. Кто-то должен делать и эту работу. Ты заменишь Некто, тем более, сердца у тебя почти не осталось – оно остановилось.

С плохо скрываемым раздражением Старший Стражник поднял бордовые крылья, закрывшись в них, как в коконе, устремившись в центральную колонну Среднего Поля, откуда шел невидимый, но ясный и четкий сигнал:

– Земля прошла очередное тестирование. Ей разрешено двигаться дальше.

Заняв место принявшего власть, Учитель громко и торжественно объявил:

– Отныне Главным Смотрителем Среднего Поля назначается Воин из рода Стражников, клана Хранителей! Аминь.

Хабаровск, 2003 – 2019 гг.

Примечания

1 Стакис — встроенный в ладонь Эвакуатора сверхмощный компьютер, позволяющий производить множество операций, в том числе и крайне нежелательные манипуляции со временем.

2 Квартий — определенное расстояние, принятое в мере исчислений у Эвакуаторов. Один квартал приблизительно равен двенадцати километрам.

3 Слокция — отрезок пребывания в том или ином месте, за который могут происходить определенные события. Одна слокция равна двенадцати земным суткам.

Об авторе

Игорь Эдуардович Мосин, член РСП (удостоверение №10141), член Правления ХабРО РСП.

Родился 18 августа 1961 года в Хабаровске, в семье актера. Профессиональный пианист. Музыкой занимается с детства, окончил ДМШ №1, затем Хабаровское училище искусств, после окончания которого продолжил образование в Дальневосточном педагогическом институте искусств (г.Владивосток).

После службы в армии двадцать лет работал в Хабаровском государственном институте искусств и культуры, пройдя путь от преподавателя до профессора. Семь лет руководил музыкально-педагогическим факультетом. С 2007 года Игорь Эдуардович Мосин возглавлял художественное руководство Хабаровской краевой филармонии, вел активную концертно-просветительскую деятельность, выступал: на сцене филармонии, в Людвигсбурге (Германия), в Южной Корее, записывал концертные программы на ДВТРК и фирме SONY. С 2000 года постепенно в творчестве пианиста фортепианная клавиатура стала уступать место клавиатуре компьютерной, благодаря чему на свет появились: несколько научно-методических брошюр о жизни и творчестве русских и западноевропейских композиторов, четырех серийный радио спектакль к 315-летию со дня

рождения И.С.Баха, пять пьес-сказок для детей, рассказы, стихотворения, две повести и роман «В поисках счастья». На сегодняшний день возглавляет Хабаровский краевой колледж искусств, доцент ВАК.

Награжден: Знаком «За достижения в культуре» (2003), Медалью «За усердные труды на благо Хабаровской епархии Русской православной церкви» (2020). Печатался *в газетах*: «Играем с начала», «Музыкальное обозрение», «Молодой дальневосточник», «Шолом», *в журналах*: «Словесница искусств», «История и культура Приамурья», «Образование на Дальнем Востоке». В 2020 году принял активное участие в: книжной выставке-ярмарке, организованной ДВГНБ, организации и проведении VI Хабаровских Царевских чтений «Царев. Хабаровск. Россия», других литературных мероприятиях ХабРО РСП, которые возможно было организовать и провести в условиях ограниченного общения.

Проза и стихи И.Мосина опубликованы в коллективных сборниках, в том числе в альманахе «Притяжение- ДВ 2019-2020гг. В 2018 году И.Мосин зарегистрировался на портале «Проза.ру», опубликовал прозу. В 2020 году зарегистрирован на портале «Стихи.ру», где опубликовал сборник стихотворений «Зеркала» и некоторые стихотворения отдельно.

Автор книг: «Алинка азбука», 2013, 2019, Хабаровск; «Главная роль», 2016, г.Хабаровск; «На улице детства», 2015, г.Хабаровск; «В поисках счастья», роман, 2018, «Работа в концертмейстерском классе, 2017, 2018 Санкт-Петербург, издательство «Лань», «Зеркала», сборник стихотворений, 2020, г.Хабаровск «Золотой микрофон» пять пьес. 2020 Москва, изд. «Спутник+».

Содержание

Предисловие	3
Ч А С Т Ь П Е Р В А Я	
Глава первая Точность времени	9
Глава вторая Неудачная эвакуация	19
Глава третья Сон	27
Глава четвертая Приметы	33
Глава пятая Платок	43
Глава шестая Большой Совет	50
Глава седьмая Причина и следствие	58
Глава восьмая Загадочное число	64
Глава девятая Воспоминания	77
Глава десятая Изгнание	91
Глава одиннадцатая Знакомство	100
Глава двенадцатая Тетрадь	114
Ч А С Т Ь В Т О Р А Я	
Глава тринадцатая Гольдштейны (Марк)	119
Глава четырнадцатая Кавалли	131
Глава пятнадцатая Еремич	143
Глава шестнадцатая Гольдштейны (Голда)	150
Глава семнадцатая Николай	161
Глава восемнадцатая Кавалли (продолжение)	168
Глава девятнадцатая Задание	176
Глава двадцатая Ошибка	185
Глава двадцать первая Удача	194
Глава двадцать вторая Дон Альфонсо	204
Глава двадцать третья Расплата	212
Глава двадцать четвертая Рождение	222
Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я	
Глава двадцать пятая Белка	232
Глава двадцать шестая Старик	242
Глава двадцать седьмая Встреча	252

Глава двадцать восьмая Договор	260
Глава двадцать девятая Семья	273
Глава тридцатая Круги	283
Глава тридцать первая Чувства	292
Глава тридцать вторая Вера	300
Глава тридцать третья Грехи	309
Глава тридцать четвертая Кольцо	321
Глава тридцать пятая Желания	332
Глава тридцать шестая Измерения	342
Глава тридцать седьмая Замысел	356
Примечание	365
Об авторе	366

Уважаемые читатели!

**Издательство «Спутник+»
предлагает:**

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Мосин Игорь Эдуардович

ДЕВЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Художник-иллюстратор: Суркова Надежда Ивановна

Верстка: Пысина Галина Александровна

Издательство «Спутник +»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.

Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)

<http://www.sputnikplus.ru> E-mail: print@sputnikplus.ru

Подписано в печать 09.04.2021. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,13. Тираж 100 экз. Заказ 108.

Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»